

МОБИЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ОСОБЕННОСТИ, ФОРМЫ И ЭТАПЫ

Покатов Д.В.^а

^а Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского

АННОТАЦИЯ:

Социальная мобильность является неотъемлемым социальным процессом, естественным образом проявляющимся в ходе общественно-политического развития. Один из основателей концепта «многомерной мобильности» П. А. Сорокин справедливо отмечал, что в современном обществе перемещения индивидуального и социального объекта или ценности, составляющие сущность процесса мобильности, находятся во взаимосвязи и охватывают различные сферы жизни общества. Не является здесь исключением и политическая подсистема общества и действующие в её границах сегменты, в том числе политическая элита. Поступательное, стабильное и инновационное развитие современного общества невозможно без обновления его подсистем, прежде всего, политической, что, в свою очередь, напрямую зависит от обновления состава политической элиты, прихода в него новых политиков. В этой связи в статье автор останавливается, прежде всего, на определении и анализе базовых особенностей мобильности политической элиты. При этом отмечается, что в ряде исследований, вышедших в последние годы, элитная мобильность рассматривалась как тип, близкий к политической циркуляции, или перегруппировке состава правящей элиты. Однако, по мнению автора, процесс мобильности политической элиты нельзя сводить только к разновидности политической циркуляции. Мобильность политической элиты – процесс трансформации кадрового потенциала элиты, одна из форм социальной и политической мобильности, имеющая как поступательные, так и транзитивные разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции. Этот процесс близок к циркуляции, но не является ни сменой элит и, вместе с тем, не приводит и к системному обновлению элиты. В обычных условиях он свидетельствует об определенной модификации политической элиты (применительно к правящей элитной группе) и отчасти спонтанно-объективному преобразованию (относительно неправящей, контрэлиты). Рассмотрение особенностей и форм мобильности политической элиты автор основывает на анализе биографий 685 представителей политической элиты, включающей как членов правящей элитной группы (руководителей исполнительной, законодательной и судебной власти федерального уровня), так и контрэлиты (лидеров и руководства ведущих политических партий, общественных движений и организаций).

Результаты проведенного автором анализа биографий 685 представителей политической элиты позволили определить и дать характеристику таким формам элитной политической мобильности, как линейно-традиционная и переходная (лиминальная), включающим формы, выделяемые по критериям уровней, форм проявления и сфер деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная мобильность, мобильность политической элиты, циркуляция, политическая элита, контрэлита, формы элитной мобильности, линейно-традиционный тип, переходный, лиминальный.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Покатов Д.В. Мобильность российской политической элиты: особенности, формы и этапы // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 5–18. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/01>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-5-18. EDN: VLXJLS.

■ ВВЕДЕНИЕ

Стабильное и поступательное развитие современного общества невозможно представить без процессов естественного обновления его базовых сегментов и, прежде всего, социальной мобильности. Один из творцов отечественной и западной социологии П.А. Сорокин, который, по сути, ввел в научный оборот данную категорию, как известно, отстаивал принципы концепта «многомерной мобильности» отмечая, что в современном обществе перемещения индивидуального и социального объекта или ценности, составляющие сущность процесса мобильности, находятся во взаимосвязи и охватывают различные сферы жизни общества. Наряду с анализом самого концепта социальной мобильности ученый выделял и анализировал такие её разновидности, как горизонтальную, не связанную с существенным изменением статусных признаков индивида и социальных групп, так и вертикальную, приводящую к значительной модификации данных признаков и имеющую две разновидности: восходящую и нисходящую [1, с. 119-120].

В дальнейшем разработанный П.А. Сорокиным концепт «многомерной мобильности» оказался в центре научных дискуссий. Целый ряд авторов во многом продолжили исследовательскую линию ученого, дополнив и углубив её. Так, С.М. Липсет и Р. Бендикс также определяли социальную мобильность как определенную совокупность процессов, с помощью которых индивиды перемещаются между статусными позициями внутри социальной системы [2]. Ряд исследователей, в частности британский социолог М. Севейдж, вообще весьма критически восприняли сам концепт мобильности, видя в нем некоторую «политическую арифметику» с историческим фокусом [3, р. 889]. Однако в своем большинстве многие западные и затем отечественные исследователи рассматривали особенности мобильности в различных сферах и применительно к отдельным группам. Благодаря использованию математического аппарата исследователям удалось определить и дать характеристику таким типам мобильности, как структурная, проявляющаяся в виде социальных переходов, вызванных меняющейся структурой экономики; и базовая, подразумевающая нормативное регулирование мобильности, фиксирующее на определенном уровне прони-

цаемость социальных перегородок [4, с. 23]. В достаточно фундаментальной монографии британского социолога Джона Урри «Мобильности» процесс мобильности рассматривается как глобальное движение, связанное с перемещением различных индивидов и групп людей с одних социальных позиций на другие. Однако заслугой ученого было не только рассмотрение глобального перемещения индивидов и групп, но и идей, информации и даже рисков [5, с. 67-89]. Именно в таком контексте, с одной стороны, как интеграции процессов базовой и структурной мобильности, а с другой, как перехода индивида из одного класса в другой, социальная мобильность была представлена в исследованиях Дж. Голдторпа. Отстаиваемые Дж. Голдторпом принципы анализа мобильности стали в дальнейшем справедливо подвергаться критике рядом исследователей, в частности Дж. Пейном, который предлагал возвратиться к некоторым идеям, высказанным ещё П.А. Сорокиным, и рассматривать мобильность шире, включая в научный анализ такие важные направления, как изучение особенностей мобильности правящего класса, выражающегося в т.н. «циркуляции элит», и анализ социальных перемещений индивидов по социальной лестнице, проявляющиеся в условиях трансформации социальной реальности [6, р. 289].

Отмечая заслуги западных исследователей, нельзя не сказать и о разработках отечественных социологов и политологов, специализирующихся в данном направлении. При этом, хотя самих работ именно по проблематике элитной мобильности не так много, но достаточно широко разрабатывались проблемы элитного рекрутирования [7-14] и элитного трафика, включающего в себя такие этапы, как инкорпорацию, ротацию и экскорпорацию [7]. Как представляется, данные категории действительно соприкасаются с рассматриваемой проблемой, однако, на наш взгляд, не являются идентичными и достаточно близкими. Процесс рекрутирования традиционно обозначает формирование правящих элитных групп, изменение их состава за счет прихода в них новых политических деятелей, либо особый механизм отбора на руководящие должности в государстве, институтах и организациях новых кадров [15, с. 340]. Если говорить об элитном трафике, то, как справедливо отмечает О.В. Крыштановская, он вклю-

чает в себя такие процессы, как: инкорпорацию, или вхождение элиту политических деятелей, ротацию, или перемещение кадров внутри политической системы, а также эскорпацию, или выход из элиты. Поскольку саму элиту О.В. Крыштановская трактует, прежде всего, как особый правящий слой общества, то данные процессы затрагивают именно данные прослойки. Как представляется, поскольку политическая элита является достаточно неоднородным слоем общества, включающим как представителей правящей элиты, так и различные сегменты контрэлиты, то элитный трафик в такой трактовке несколько сужает понимание элитной мобильности. Также не совсем подходит для этого и определение рекрутирования как однонаправленного процесса, имеющего своей целью приход в элиту новых кадров. В этой связи можно говорить, что используемое некоторыми авторами (в частности, Дж. Пейном) понятие «циркуляции» нуждается в более подробном сопоставительном анализе, не имея таких привязок к определенным элитным слоям и неся более нейтральный характер. В настоящем исследовании автору более близка позиция Дж. Урри, исходя из чего социальная мобильность рассматривается как изменения, связанные с перемещением индивидов и социальных групп с одних социальных позиций на другие. Они действительно приобретают разнообразные формы, затрагивая и сферу политики в целом, и элитную мобильность в частности. В научной литературе авторы (здесь можно вспомнить уже упоминаемых выше С.М. Липсета и Р. Бендикса [2]) выделяли различные факторы, детерминирующие процессы социальной мобильности, среди которых назывались правовые, связанные с отменой сословных и иных привилегий, принятием конституций, закрепляющих равенство всех перед законом и т.д.; экономические, детерминируемые экономическим ростом и прогрессом; культурно-образовательные, проявляющиеся в развитии системы образования и связанным с этим ростом возможностей для продвижения различных слоев и групп на разные уровни социальной иерархии. Применительно к российскому социуму можно, как думается, обратить внимание на цивилизационный фактор и связанный с этим тип мобилизационного развития (описанный в работах А.Г. Фомотова), возникший в резуль-

тате влияния внешних, экстремальных условий и характеризующийся доминированием властных институтов, низкой социальной активностью населения, отсутствием зачастую возможностей для открытого и многопланового социального контроля за формированием принципов отбора в элитные группы, который, без сомнения, оказал воздействие как на процесс социальной мобильности в целом, так и процесс элитной мобильности, приведя к закреплению т.н. особого синтетического типа мобильности, основанного на учете особых интегральных показателей: применительно к правящей элите – внешних формальных индикаторов, прежде всего, административно-политического опыта, стажа, карьерных достижений, а к контрэлите – профессионально-личностных показателей, элитных достижений, умений выгодно представить свой элитный капитал. Более подробно об этом будет говориться в разделе, посвященном мобильности элиты.

■ ЦИРКУЛЯЦИЯ И МОБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Но прежде чем говорить об особенностях и формах процесса элитной мобильности, отметим, что фактически один из известных западных ученых, изучавших данную проблему, Дж. Пейн, как представляется, возвратился к достаточно важной идее, напрямую связанной с рассматриваемой проблемой мобильности политической элиты, высказанной в начале века известным итальянским мыслителем В. Парето, рассматривавшим применительно к элите процесс циркуляции как особый процесс и явление, существенное для сохранения равновесия двух групп – элиты (класса избранных) и неэлиты (класса остальных) [16, с. 310-311].

Анализ циркуляции применительно к рассмотрению процесса обновления элитного состава был воспринят уже в современной социологии политики и политологии рядом исследователей. При этом Г.К. Ашин справедливо считал, что В. Парето очень узко рассматривал процесс циркуляции элит, сводя его только к психофизиологическим изменениям в самих элитах и массах, что исключает возможности учета прогресса [17, с. 41]. В.П. Мохов, начав свой анализ циркуляции с критического разбора ряда классических и современных теорий (в том числе, и концепции В. Парето), рассмат-

ривает циркуляцию как процесс, интегрирующий две формы: социальную и политическую [18, с. 13]. При этом социальная циркуляция рассматривается им как процесс смены (замены) социального субстрата элиты, который существенно модифицируется под воздействием различных факторов. В результате, смена элит – довольно редкий процесс, заключающийся в смене сформировавшихся исторически типов элит у власти, который включает в себя и изменение бассейна рекрутирования правящей элиты, и изменение структуры правящей элиты, её функций и «формулы» элитного правления [18, с. 13]. Феномен обновления состава элит, как считает ученый, предстает как сложный и многоплановый процесс, включающий и динамичную перегруппировку отдельных субэлитных групп, что выражается, в том числе, и в обновлении персонального состава элиты, формировании в её подгруппах новых социальных практик, приобретающих в целом ряде случаев отдельные маргинальные характеристики. Тем самым, политическая циркуляция не приводит к существенным изменениям институтов власти, типа и роли элитных и субэлитных групп [18, с. 13].

Все выше отмеченные подходы, на наш взгляд, имея ряд достоинств, нуждаются все же в дополнении и существенной корректировке. Процесс мобильности политической элиты нельзя сводить только к разновидности политической циркуляции. Мобильность политической элиты – процесс трансформации кадрового потенциала элиты, одна из форм социальной и политической мобильности, имеющая как поступательные, так и транзитивные (переходные) разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции. Этот процесс близок к циркуляции, но не является в современных отечественных условиях, на наш взгляд, ни сменой элит, ни, вместе с тем, не приводит и к системному обновлению элиты. В обычных условиях он свидетельствует об определенной модификации политической элиты (применительно к правящей элитной группе) и отчасти спонтанно-объективному преобразованию относительно неправящей (контрэлиты).

Очень часто в присутствующих исследованиях по элитной проблематике говорят в целом об элите, отождествляя её только с правя-

щей элитой. В этой связи выделяются и некоторые особенности элитной мобильности в целом. В частности, О.В. Крыштановская справедливо отмечает, что в целом для элиты присущи такие особенности элитной мобильности, как более высокий уровень конкуренции кандидатов на элитные позиции, неопределенность требований, предъявляемых к ним, значительный уровень регламентации (прежде всего, внутригрупповыми нормами) и планирования, наделение индивида первичным политическим капиталом [7, с. 138-139]. Но, если относительно конкуренции кандидатов, неопределенности требований, подчиненности внутригрупповым требованиям, особых сомнений нет, то относительно регламентации можно сказать, что она в большей степени проявляется именно в правящей элитной группе.

■ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА: ПОДХОДЫ И ОЦЕНКИ

В этой связи для более точного определения особенностей политической элиты необходимо уточнить и сам концепт политической элиты. Действительно, на сегодня базовыми методологическими подходами в изучении элит в социологии политики являются позиционный (институциональный, формальный) и ценностный (меритократический). Их дополняют методы изучения элитных групп – репутационный и решенческий, которые также имеют свои достоинства и недостатки. При этом репутационный подход связан с представлениями экспертного сообщества о составе элиты и её базовых характеристиках, которые напрямую зависят от уровня информированности экспертов. Субъективность решенческого метода связана также с оценками экспертов, определяющих степень приближенности того или иного представителя элиты к принятию властных решений. В целом, базовые недостатки данных подходов, помимо отмеченных выше, заключаются в том, что политическая элита сводится фактически только к относительно узкой прослойке лиц, представленных в институтах власти и управления. Именно это и становится в последние годы определенным камнем преткновения в самом признании научного статуса категории «элита» [19, с. 252].

Институциональный, формальный и ценностный (меритократический) подходы, в от-

личие от описанных выше, имеют более значительную историю существования, но также не лишены как достоинств, так и недостатков.

Первый, позиционный (институциональный, формальный) подход в социологии начал свое формирование благодаря работам представителей т.н. «макиавеллистической» школы. Здесь, прежде всего, следует отметить Г. Моска [19, с. 252]. В работах ученого проводится мысль о том, что во всех обществах формируются и существуют два класса – класс правящих, всегда менее многочисленный и организационно сплоченный, лучше подготовленный к решению управленческих задач, и класс управляемых, более многочисленный, но не сплоченный и лишенный необходимых качеств для того, чтобы стать элитой [20, с. 187]. Действительно, трудно отрицать, что правящий класс выступает сегодня составной частью политической элиты. Это характерно для любого общества, в том числе и российского, относящегося к особому мобилизационному типу развития (описанному в работах А.Г. Фомотова), возникшему в результате влияния внешних, экстремальных условий и характеризующегося доминированием властных институтов, низкой социальной активностью населения, отсутствия тех сил, которые могли составить альтернативу правящей элите, приводящих к занятию последней ведущих позиций в обществе [21, с. 46-47]. При этом сами характеристики общества во многом детерминировали и облик самой элиты [19, с. 252].

Анализ элиты только с позиций статусно-профессиональных признаков вызывал заслуженную критику у представителей целого ряда школ и направлений гуманитарного и социального знания [22, с. 22-23; 23, с. 41-42]. Можно согласиться с английским социологом Дж. Скоттом, что если видеть в элите группу, находящуюся на вершине социальной и политической иерархии, тогда её определение и анализ элит будут тривиальны [24, р. xiii]. В этой связи антиподом позиционного подхода выступает ценностный (меритократический) подход, представители которого видели в элите сообщество наиболее интеллектуальных и высокоморальных личностей, основной задачей которых должно выступать служение интересам общества. Здесь можно вспомнить отстаиваемые Н.А. Бердяевым [25, с. 553-555] пять онтологических

принципов, в том числе аристократизм, свободу, личность, и выделяемые П.А. Сорокиным в качестве базовых черт элиты, такие как высокий интеллект, предприимчивый характер, креативность [1, с. 282-283].

Как думается, отчасти идеи представителей и позиционного, и ценностного подходов имеют под собой определенные основания, но не всегда приемлемы сегодня в силу присущих им крайностей суждений. Применительно к позиционному подходу – это стремление соотносить элиту только с представителями правящих слоев. Однако, как отмечал в своих работах ещё В. Парето, в элите присутствует наряду с правящим слоем и слой контрэлиты. При этом даже в правящей элите существенно возрастает сегодня прослойка интеллигенции. Во втором случае – ориентация на нормативистские оценки, которые хотя и важны, но далеки от объективно-научной, нейтральной и критической оценки элиты в целом и политической элиты в частности. Учитывая это, необходимо, на наш взгляд, интегральный подход, рассматривающий политическую элиту как единство ряда уровней и сегментов, в том числе правящего и оппозиционного, контрэлиты.

■ МОБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ФОРМЫ, ЭТАПЫ И ПРАКТИКИ

Будучи группой, активно участвующей в политической жизни общества и стремящейся оказывать определяющее воздействие на его развитие, элита, конечно, должна быстро реагировать на различные общественные изменения. Именно поэтому для неё важна постоянная ротация состава, осуществляющаяся в ходе процесса мобильности. Как уже отмечалось выше, данный процесс – процесс трансформации кадрового потенциала элиты, представляющий одну из форм социальной и политической мобильности, имеющую как поступательные, так и транзитивные (переходные) разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции. Для определения и характеристики особенностей, форм и практик процесса мобильности политической элиты автором проведен анализ 685 биографий представителей политической элиты федерального уровня (98% от общего её числа), включая анализ биографий Президента, руко-

водства Администрации Президента, Председателя Правительства РФ, министров, депутатов палат Федерального Собрания РФ, а также лидеров ведущих политических партий и общественно-политических организаций. Прежде всего, при анализе биографий учитывались: стаж политической и административно-политической работы, этапы карьерного роста, временные рамки перемещений и пребывания политиков на определенных статусных позициях как в рамках политических институтов (для правящей элиты), так и общественно-политических организаций и движений (для контрэлиты), а также базовые показатели профессионально-личностного потенциала (в том числе, образовательные, профессиональные (опыт и навыки деятельности), иные элитные достижения (для контрэлиты – показатели в ряде смежных областей, из которых приходили данные политики – научные, военные).

Проведенный анализ позволяет говорить, что в современном российском обществе стали постепенно институционализироваться новые практики элитной мобильности, ставшей более открытой, вследствие чего появилась возможность прихода в неё новых социальных слоев и групп, между которыми теперь не наблюдается столь явное противоборство.

В современной элите постепенно утверждаются новые формы мобильности, прежде всего, такие как линейно-традиционная и переходная (лиминальная), включающие разновидности, выделяемые по критериям уровней, форм проявления и сфер деятельности. Линейно-традиционный тип мобильности характерен, в первую очередь, для политиков, у которых не было резких переходов из одной сферы деятельности в другую, а также для тех, кто в рамках одних политических институтов либо общественно-политических организаций постепенно совершал политическое восхождение (в частности, работая в рамках политических партий консультантами либо помощниками лидеров, затем постепенно переходил в штат работников законодательных органов власти и затем становился депутатом). Как правило, в данном случае сохранялась некоторая преемственность в развитии элиты, поскольку определяющим здесь было влияние таких показателей, как административно-политический опыт, стаж работы, этапы карьерного пути, что на-

прямую связано с влиянием политических институтов, в рамках которых концентрировалась, прежде всего, правящая элита. Данная форма в своем интегрированном виде претворилась в той части политической элиты, которая напрямую связана с исполнительной властью. Но и здесь стали наблюдаться изменения (по сравнению с прежней советской номенклатурной системой). Так, не учитывались все передвижения по всем ступеням т.н. административно-политической лестницы. В целом ряде случаев некоторые политики сразу занимали ведущие позиции, не имея значительного политического опыта и стажа, как это было с бывшим губернатором и председателем Правительства Кировской области (2009-2016 гг.) Н.Ю. Белых. В ряде случаев, что не было типично для прежней советской номенклатуры, важное значение играли родственные связи, как это было с нынешним главой Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым или бывшим главой Дагестана Магомедсаламом Магомедовичем Магомедовым.

Проведенное исследование показало, что традиционная форма мобильности характерна в целом для 52,1% представителей современной политической элиты. Однако для различных элитных групп данный показатель проявляет себя достаточно вариативно. Так, в сегменте, представляющем депутатов Государственной Думы Федерального Собрания России, доля политиков с традиционной формой мобильности составляет 35,5%. У сенаторов она равняется 31,5%. У части политической элиты, представляющих Администрацию Президента, – 47,2%. Наибольший показатель представленности данной формы у той части правящей политической элиты, которая олицетворяет Правительство РФ. Он равняется 90,3%¹.

Вторая форма – переходная (условно её можно определить и как лиминальную) – для 47,6% элитных деятелей (по результатам авторского исследования биографий представителей элиты)². Она также несколько вариатив-

¹ Подсчитано автором на основании биографий, представленных в: Правительство России. [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.05.2022); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.05.2022); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2022).

² Там же.

на у представителей различных элитных подгрупп. Так, в той подгруппе политической элиты, которая представляет депутатов Государственной Думы Федерального Собрания России, она увеличивается до 64,8%. У части элиты законодательной власти, представляющей Совет Федерации, она возрастает до 68,4%. В прослойке политиков, представляющих Администрацию Президента РФ, она составляет только 44,4%, а у членов Правительства РФ сокращается до 12,9%. В целом, полученные данные отчасти подтверждает исследование, проведенное группой санкт-петербургских ученых применительно к отдельным регионам России. При этом авторы приходят к достаточно интересным выводам о том, что в среде выходцев из экономической элиты, которая в последние годы продолжает сохранять свои позиции в составе правящей элиты, преобладающим типом карьеры будет выступать постепенный профессиональный тип. У представителей политической (и особенно административной) элиты – социальный, связанный с постоянной сменой сфер деятельности [9, с. 43-44].

Переходная (лиминальная) форма достаточно многопланова, характеризуется иногда достаточно резкими, в целом ряде случаев спонтанными восхождениями, лишенными линейной постепенности, и включает разновидности, которые можно типологизировать по целому ряду оснований. Данная форма формировалась уже не только под влиянием формальных, а зачастую и неформальных показателей, в том числе, профессионально-личностных индикаторов, элитных достижений, умений выгодно представить свой элитный капитал. Зачастую здесь влияние оказывали уже не только институты и структуры, в которых концентрировалась правящая элита, а также политические партии и общественные движения, вошедшие в себя видных представителей контрэлиты. Иногда они становились важным своеобразным трамплином для переходов политиков с одного уровня на другой, как это было с некоторыми представителями оппозиционных партий и движений: А.Е. Клочковым (КПРФ), ставшим в 2018 г. губернатором Орловской области, В.О. Коноваловым, занявшим в 2018 г. пост главы Хакасии, А.Ю. Русских, избранным в 2021 г. губернатором Ульяновской области, М.В. Дегтяревым (ЛДПР), ставшим в 2021 г. гу-

бернатором Хабаровского края, и др. В рамках данной формы, прежде всего, одним из распространенных является уровневый критерий. Вертикальный (уровневый) тип мобильности достаточно характерен для современной политической элиты и проявляется в переходе либо отдельных её представителей, либо субэлитных прослоек с одного уровня на другой, в частности, из федеральной элиты в региональную, и наоборот. Так, нынешний заместитель Председателя Государственной Думы VIII созыва (от партии «Единая Россия») А.В. Гордеев в разные годы представлял различные уровни политической элиты. С 1999 по 2009 г. являлся министром сельского хозяйства РФ, с 2009 по 2017 г. был губернатором Воронежской области, затем – полномочным представителем Президента в Центральном федеральном округе. С 2018 по 2020 г. он занимал пост заместителя Председателя Правительства РФ и в 2021 г. был избран депутатом Государственной Думы РФ. Достаточно известный российский политик С.П. Горячева также представляла в разные годы различные уровни элиты. В 1986-1990 гг. она занимала должность прокурора отдела общего надзора прокуратуры Приморского края. В марте 1990 г. была избрана народным депутатом РСФСР. На I съезде народных депутатов РСФСР стала заместителем Председателя Верховного Совета по предложению Б.Н. Ельцина. С осени 1991 г. по 1995 г. опять вернулась во Владивосток, где работала в должности заместителя прокурора города. С 1995 г. вновь стала депутатом, теперь Государственной Думы Российской Федерации, сначала от КПРФ, затем – от партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» (после корректировки названия – партия «Справедливая Россия»). В сентябре 2014 г. наделена полномочиями члена Совета Федерации от администрации Приморского края. В настоящее время является первым заместителем председателя Комитета Совета Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности. Одним из характерных примеров вертикального (уровневого) типа мобильности выступает и карьерный путь Председателя Государственной Думы Российской Федерации VII и VIII созывов В.В. Володина. С 1986 по 1990 г. он был на преподавательской работе. В 1990 г. был избран депутатом Саратовского городского Совета, затем, в 1992 г. становится замести-

телем главы администрации г. Саратова, и в 1994 г. – депутатом и заместителем председателя Саратовской областной Думы. Однако затем возвращается в сферу науки, став проректором в Поволжском кадровом центре (до 1996 г., когда становится вице-губернатором Саратовской области). С 1999 г. политик возвращается на федеральный уровень, где последовательно прошел путь от депутата Государственной Думы РФ до заместителя руководителя Администрации Президента РФ и, затем, депутата и Председателя Государственной Думы.

Наряду с вертикальным (уровневым) типом мобильности закрепляется и вторая, горизонтальная форма, при которой политические деятели переходят из одной группы в другую, либо осуществляют внутризелитные переходы. Если посмотреть на отдельные группы элиты, можно обнаружить весьма различную динамику элитной мобильности. Так, мобильность элитных групп, действующих в институтах исполнительной власти, значительно менее динамична (о чем уже говорилось выше), чем у парламентской элиты. В настоящее время практически наполовину обновился состав депутатского корпуса. В новом составе Государственной Думы добавились депутаты от новой фракции – политической партии «Новые люди» (15 депутатов). Однако во всей политической элите, исходя из результатов проведенного автором анализа биографий, 15,7% политиков имели стаж работы во властных структурах – от 1 до 5 лет, 20% – свыше 10 лет, 18,9% – свыше 15 лет, свыше 20 лет – 14,8%. Достаточно близки к данным результатам и региональные показатели. Так, если обратиться к одному из типичных для России по 26 показателям региону, как Саратовская область, то стаж до 5 лет имели 18,4% политиков, от 5 до 10 лет – 23%, от 10 до 15 лет – 26%, от 15 до 20 лет – 12,3%, свыше 20 лет – 7,6%³.

Данная форма, исходя из форм проявления, может быть достаточно длительной либо, наоборот, скачкообразной и краткосрочной. Так, у депутата Государственной Думы 7 созыва и члена Совета Федерации РФ, представителя законодательного органа власти от Пермского края И.Н. Шубина в течение всей своей карье-

ры, начиная с 80-х гг. XX в. каждые 5-6 лет начинался новый этап политической карьеры. Он прошел путь от депутата Дзержинского районного Совета народных депутатов г. Перми, главы Дзержинского района г. Перми, заместителя губернатора Пермского края до депутата Государственной Думы, а затем и члена Совета Федерации ФС РФ. Примером достаточно длительного политического пути со многими этапами является карьера бывшего Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова. Он начал свой трудовой путь на заводе Уралмаш», где в 1970 г. стал сначала директором, а в следующем, 1971 г. – генеральным директором завода. Четыре года, с 1975 по 1979 г., Н.И. Рыжков работал первым заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения СССР, а затем, до 1982 года – заместителем Председателя Госплана СССР. С ноября 1982 г. по октябрь 1985 г. являлся секретарем ЦК КПСС, а затем – членом Политбюро ЦК КПСС и Председателем Совета Министров СССР. В Российской Федерации Н.И. Рыжков становится в 1995 г. депутатом Государственной Думы, а в 2003 г. – членом Совета Федерации ФС РФ от администрации Белгородской области. Достаточно характерным и длительным является и карьерный путь другого известного общественного деятеля, космонавта В.В. Терешковой. Хотя, в отличие от Н.И. Рыжкова, она не была профессиональным политиком, тем не менее, ещё в 1966 г. становится депутатом Верховного Совета СССР, а в 1974 г. – членом его Президиума. В 1968-1987 гг. возглавляла Комитет советских женщин. В период с 1987 по 1992 г. она возглавляла Президиум такой крупной общественно-политической организации, как Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). С 1989 по 1992 г. являлась также народным депутатом СССР от ССОД и общества «Родина». В Российской Федерации первоначально становится в 1992 г. председателем президиума Российской ассоциации международного сотрудничества, затем в 2008 г. избирается депутатом Ярославской областной Думы от партии «Единая Россия». С 2011 г. становится депутатом Государственной Думы Российской Федерации от партии «Единая Россия».

По формам проявления переходный (лиминальный) тип может быть как относительно

³ Правительство Саратовской области [Сайт] // URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 25. 10. 2022); Саратовская областная Дума [Сайт] // URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 25. 10. 2022)

одномерным (как случае с современным депутатом А.З. Фарраховым, работавшим заместителем главного врача одной из клинических больниц Министерства здравоохранения Республики Татарстан, затем ставшим сначала министром здравоохранения Республики Татарстан и заместителем министра здравоохранения РФ), так и многомерным, как в случае с уже упомянутыми выше Н.И. Рыжковым и В.В. Терешковой.

Достаточно своеобразным является и критерий, связанный со сферой деятельности. Проведенное исследование показывает, что больше всего, а именно 19,3% политиков пришло из прослойки т.н. «хозяйственников» (руководителей бывшего ВПК и АПК, предпринимательских кругов и банковско-финансовой сферы). Правда, зачастую мобильность таких деятелей была достаточно длительной по времени. На втором месте (7,2%) оказались политики, пришедшие из корпоративных кругов и перешедшие затем на работу в исполнительные структуры власти, сначала региона, а затем и федерального уровня⁴. 5,57% современных отечественных политиков переходили последовательно из сферы хозяйственной деятельности на работу в исполнительные структуры власти, а затем становились депутатами. 5,46%, наоборот, из работников исполнительных органов власти регионального уровня становились сначала депутатами районного уровня, а затем депутатами Государственной Думы и сенаторами⁵. Несколько меньше представленной оказалась мобильность политиков, представляющих современные политические партии и общественные организации (1,78%)⁶. Однако при этом партийная мобильность ряда современных российских политиков является достаточно примечательной, поскольку в ходе неё наблюдались по три и более перехода из одной партийной структуры в прямо противоположную. Так, депутат Государственной Думы О.Г. Дмитриева с начала 90-х гг. прошлого века последовательно была членом трех партий: «Яблоко» (1993-

1998 гг.), «Справедливая Россия» (2007-2015 гг.), «Партия Роста» (с 2016 г.). Другой старейший депутат Г.П. Хованская также в разные годы представляла три партии: «Демократическую Россию» (1990-1997 гг.), РОДП «Яблоко» (1997-2007 гг.), и партию «Справедливая Россия» (с 2007 г.). Депутат Государственной Думы VIII созыва А.А. Журавлев последовательно сменил пять партийных принадлежностей, будучи сначала членом КПСС, затем – КП РСФСР, Справедливой России, «Единой России», Родины. В нынешнем составе Государственной думы он представляет фракцию ЛДПР.

Рассматривая современную элитную мобильность, можно выделить ряд её этапов [26, с. 115-116]. Поскольку на развитие отечественного социума оказывал влияние мобилизационный цивилизационный фактор, в котором выделялись персонифицированные политические составляющие, то при выделении этапов, прежде всего, использовались важные исторические вехи в развитии российского общества, связанные с переходом к новому этапу развития, как это было в конце 1991 г. – начале 1992 г., либо сменой политических фигур и элит (начало 2000-х гг. прошлого века). Начиная с 1992 до 2000 г. процесс межэлитной и внутриэлитной мобильности был достаточно хаотичен, без устоявшихся четких механизмов и принципов [26, с. 115-116]. При этом в конце 1990-х гг. мобильность в когорте правящей элиты усилилась настолько, что за два года (1998-1999 гг.) сменилось пять Председателей Совета Министров РФ. С начала 2000-х гг. наблюдается заметное снижение хаотичности процесса элитной мобильности. При этом внутри политической элиты в целом мобильность остается достаточно динамичной. С 2005 г. (фактически к середине второго президентского срока В.В. Путина) элитная мобильность вступает в фазу сначала консервации, а затем и стабилизации, что напрямую приводит к торможению межэлитной мобильности и, затем, к некоторому усилению роли и веса внутриэлитной мобильности [26, с. 115-116]. В результате, например, в правящей политической элите когорты бывших губернаторов приобретает статус законодателей, а некоторые бывшие министры являются в прослойку депутатского корпуса законодательных собраний различных уровней [26, с. 116; 27, с. 115-117].

⁴ Подсчитано автором на основании биографий, представленных в: Правительство России. [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.05.2022); Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 15.05.2022); Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Сайт]. URL: <http://www.council.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2022).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

На современном этапе динамизм процесса элитной мобильности сдерживается рядом факторов, среди которых можно назвать и сохраняющееся (но в несколько ином виде) присутствие ряда номенклатурных принципов отбора кадров, неформальные взаимосвязи представителей элитных групп. Достаточно правы, на наш взгляд, те исследователи, отмечавшие, что в современной российской обществе различные сегменты элитных групп (прежде всего, правящей элиты) стремятся включить в свой состав тех, кто не пытается изменить устоявшийся социальный порядок и не создает риски трансформаций самих элит [28, с. 327].

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая анализ мобильности политической элиты, можно говорить, что она во многом отражает характерные для российского общества черты мобилизационного развития. Имея как поступательные, так и транзитивные, переходные разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции, она вместе с тем не является ни сменой элит, ни кардинальным системным обновлением элиты. Как показало проведенное исследование, процесс элитной мобильности нельзя отождествлять ни с рекрутированием элит, ни с инкорпорацией, ротацией и экскорпорацией, входящими в процесс элитного трафика. Поскольку политическая элита является достаточно неоднородным слоем общества, включающим как представителей правящей элиты, так и различные сегменты контрэлиты, то элитный трафик в такой трактовке несколько сужает понимание элитной мобильности. Также не совсем подходит для этого и определение рекрутирования как одностороннего процесса, имеющего своей целью приход в элиту новых кадров. Так-

же нельзя отождествлять элитную мобильность и с процессом циркуляции в целом и политической циркуляции в частности. Мобильность политической элиты – это процесс трансформации кадрового потенциала политической элиты, одна из форм социальной и политической мобильности, имеющая как поступательные, так и транзитивные разновидности, способствующие пополнению состава элиты новыми политическими акторами, изменяющими свои позиции. В современном российском обществе сам процесс элитной мобильности, по сути, представляет собой особый синтетический тип, вобравший в себя как традиционные, так и некоторые переходные формы. Как показало проведенное исследование, линейно-традиционный тип мобильности характерен, в первую очередь, для политиков, у которых не было резких переходов из одной сферы деятельности в другую, а также для тех, кто в рамках одних политических институтов либо общественно-политических организаций постепенно совершал политическое восхождение. Переходная (лиминальная) форма достаточно многопланова, характеризуется иногда достаточно резкими, спонтанными восхождениями, лишенными линейной постепенности и имеющими ряд разновидностей.

В целом, заложенные в ходе продолжающейся модернизации российского общества и социальных параметров элиты возможности, несомненно, нуждаются в более глубоких изменениях, связанных как с трансформацией базовых признаков, так и самих механизмов рекрутирования элитных групп, а также, в конечном итоге, необходимости учитывать и изменение структур гражданского общества, многие сегменты которого должны выступать социальной основой элиты. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М. : Academia LVS, 2005. 558 с.
2. Lipset S.M., Bendix R. (1991). Social mobility in industrial society. New Brunswick: Transaction Publishers. 309 p.
3. Savage M., Burrows R. (2007). The Coming Crisis of Empirical Sociology, *Sociology*, vol. 41, no. 5,

pp. 885–889. DOI: [10.1177/0038038507080443](https://doi.org/10.1177/0038038507080443). EDN: JPVNGP.

4. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты : Монография / отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

5. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. М. : Издательская и консалтинговая фирма «Праксис», 2012. 576 с.
6. Payne G. (1990). Social Mobility in Britain: A Contrary View. In: John. H. Goldthorpe: Consensus and Controversy. Ed. by Jon Clark, Celia Modgil, Sohan Modgil. London: Routledge. Pp. 88–117.
7. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005. 385 с. EDN: **QOHFON**.
8. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М. : Издательство «Политическая энциклопедия», 2006. 446 с. EDN: **QOFXIN**.
9. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66. DOI: **10.31119/pe.2019.6.2.2**. EDN: **GXPYDO**.
10. Сельцер Д. Рекрутирование локальной административной элиты России: исходные данные для построения системно-динамической модели // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2017. № 2. С. 27–32. EDN: **LHKKNJ**.
11. Покатов Д.В. Политическая элита российской провинции: особенности и практики современного рекрутинга // Российская провинция: опыт социологического осмысления / под ред. С. Г. Ивченкова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2022. 156 с.
12. Дука А.В. Новый нобилитет российских регионов // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 1. С. 169–191. DOI: **10.31119/pe.2019.6.1.8**. EDN: **WNWHAC**.
13. Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 66–99. DOI: **10.31119/pe.2021.8.1.3**. EDN: **YOPBVI**.
14. Тев Д.Б. Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий // Мир России. 2021. Т. 30. № 4. С. 53–78. DOI: **10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78**. EDN: **WCZZCP**.
15. Политическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / научн. ред. Г. Ю. Семигин. М. : Мысль, 1999. 701 с.
16. Парето В. Компендиум по общей социологии. М. : ГУ ВШЭ, 2008. 511 с. EDN: **QOHUFH**.
17. Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 40–51.
18. Мохов В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты. 2014. Т. 1. С. 8–18. EDN: **XIEMQB**.
19. Покатов Д.В. Интегрально-критический подход как направление социологического анализа политической элиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. №. 3. С. 251–254. DOI: **10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254**. EDN: **SGAYOD**.
20. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.
21. Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 431 с.
22. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 2. С. 21–54. DOI: **10.31119/pe.2021.8.2.2**. EDN: **NATXQO**.
23. Волков С.В. Элитные группы в «массовом обществе». М. : Русский фонд содействия высшему образованию, 2021. 312 с. EDN: **BKGOTM**.
24. Scott J. (1990). The Sociology of Elites. Vol. 1. The Study of Elites. Aldershot; Brookfield: Edward Elgar Publ. Pp. VIII–XIV.
25. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Философия свободы. М. : АСТ, 2007. С. 551–568.
26. Покатов Д.В. Элитная мобильность в трансформирующемся обществе: особенности и социально-исторические практики // Социология XXI века: традиции и инновации : Материалы IV Научно-практической конференции «Дыльновские чтения». Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2017. С. 112–116. EDN: **ZAWFUR**.
27. Палитай И.С., Матюсова А.И. Губернаторский корпус РФ: сравнительный анализ механизмов отбора и каналов рекрутирования «новичков» и «старожилов» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 114–130. DOI: **10.18384/2224-0209-2020-4-1040**. EDN: **CCYENQ**.
28. Римский В.А. Социальные факторы выстраивания политических карьер и неэффективности управления в регионах и муниципальных образованиях // Власть и элиты. 2014. Т. 1. С. 318–329. EDN: **XIEMVV**.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Покатов Дмитрий Валериевич – доктор социологических наук, доцент; Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, 83); dvpokatov@gmail.com. AuthorID РИНЦ: 411285, ORCID: 0000-0002-9973-1473, ResearcherID: D-6571-2013.

RUSSIAN POLITICAL ELITE MOBILITY: SPECIFICS, FORMS AND STAGES

Dmitriy V. Pokatov^a

^a Saratov State University

ABSTRACT:

Social mobility is an integral social process naturally manifesting itself in the course of socio-political development. One of the founders of the concept of “multidimensional mobility” P. A. Sorokin aptly noted that in modern society the movement of an individual and social object or value which make up the essence of the mobility process are interconnected and cover various spheres of social life. The political subsystem of society and the segments operating within its boundaries, including the political elite, are no exception here. The progressive, stable and innovative development of modern society is impossible without updating its subsystems, primarily the political one, which, in turn, directly depends on the the political elite renewal, the arrival of new politicians. With this in mind, the author dwells, first of all, on the definition and analysis of the basic features of political elite mobility. It is also noted, that some recently published research works considered elite mobility a type close to political circulation, or a regrouping of the ruling elite. However, the author believes that the process of political elite mobility cannot be reduced to a kind of political circulation only. The mobility of the political elite is a process of transformation of the elite personnel potential, a form of social and political mobility, of both progressive and transitive varieties, contributing to the replenishment of the elite with new political actors who change their positions. This process is close to circulation, but it is neither a change of elites nor, at the same time, leading to a systemic elite renewal. Under normal conditions, it indicates a certain modification of the political elite (in relation to the ruling elite group) and partly spontaneously objective transformation (regarding the non-ruling, counter-elite). The author considered the specifics and forms of political elite mobility, based on the analysis of the biographies of 685 political elite representatives, including both members of the ruling elite group (heads of the executive, legislative and judicial authorities of the federal level), and the counter-elite (leaders and leadership of leading political parties, social movements and organizations).

The results of the author’s analysis of the biographies of 685 political elite representatives allowed to identify and characterize such forms of elite political mobility as linear-traditional and transitional (liminal), including forms identified according to the criteria of levels, manifestation forms and activity fields.

KEYWORDS: social mobility, political elite mobility, circulation, political elite, counter-elite, forms of elite mobility, linear-traditional type, transitional, liminal.

FOR CITATION: Pokatov D.V. (2022). Russian political elite mobility: specifics, forms and stages, *Management Issues*, no. 5, pp. 5–18. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/01>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-5-18. EDN: VLXJLS.

REFERENCES

1. Sorokin P.A. (2005). Social mobility. Moscow: Academia LVS. 558 p.
2. Lipset S.M., Bendix R. (1991). Social mobility in industrial society. New Brunswick: Transaction Publishers. 309 p.
3. Savage M., Burrows R. (2007). The Coming Crisis of Empirical Sociology, *Sociology*, vol. 41, no. 5, pp. 885–889. DOI: [10.1177/0038038507080443](https://doi.org/10.1177/0038038507080443). EDN: [JPVNGP](#).
4. Semenova V.V., Chernysh M.F., Sushko P.E. (eds.) (2019). Social mobility in a complicated society: objective and subjective aspects. Monograph. Moscow: FCTAS RAS. 512 p.
5. Urry J. (2012). Mobilities. Translated from English by Lazareva A.V., introductory article by Kharlamov N.A.. Moscow: Publishing and consulting company “Praxis”. 576 p.
6. Payne G. (1990). Social Mobility in Britain: A Contrary View. In: John. H. Goldthorpe: Consensus and Controversy. Ed. by Jon Clark, Celia Modgil, Sohan Modgil. London: Routledge. Pp. 88–117.
7. Kryshchanovskaya O.V. (2005). Anatomy of the Russian elite. Moscow. 385 p. EDN: [QOHFON](#).
8. Gaman-Golutvina O.V. (2006). Political elites of Russia: Milestones of historical evolution. Moscow: Publishing House “Politicheskaya Encyclopedia”. 446 p. EDN: [QOFXIN](#).
9. Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. (2019). Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career, *Power and elites*, vol. 6, no. 2, pp. 24–66. DOI: [10.31119/pe.2019.6.2.2](https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2). EDN: [GXPYDO](#).
10. Valra D. (2017). Recruitment the local public elite in Russia: basic data for system dynamic modelling, *Pro NUNC. Modern political processes*, no. 2, pp. 27–32. EDN: [LHKKNJ](#).
11. Pokatov D.V. (2022). Political elite in the Russian province: features and practice of modern recruiting. In: Ivchenkova S.G. (ed.) Russian province: experience of sociological understanding. Saratov: Publishing House of the University of Saratov. 156 p.
12. Duka A.V. (2019). New nobility of the Russian regions, *Power and elites*, vol. 6, no. 1, pp. 169–191. DOI: [10.31119/pe.2019.6.1.8](https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.8). EDN: [WHWHAC](#).
13. Duka A.V. (2021). Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites, *Power and elites*, vol. 8, no. 1, pp. 66–99. DOI: [10.31119/pe.2021.8.1.3](https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3). EDN: [YOPBVI](#).
14. Tev D.B. (2021). Members of the Federation Council: Careers before taking office and after resigning, *World of Russia*, vol. 30, no. 4, pp. 53–78. DOI: [10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78). EDN: [WCZZCP](#).
15. Semigin G.Yu. (sc. ed.) (1999). Political Encyclopedia (in 2 vols). Vol. 2. Moscow: Mysl. 701 p.
16. Pareto V. (2008). Compendium in general sociology. Moscow: HSE. 511 p. EDN: [QOHUFH](#).
17. Ashin G.K. (1995). Change of elites, *Social sciences and modernity*, no. 1, pp. 40–51.
18. Mokhov V.P. (2014). The circulation of elites: problem of the criteria of the process, *Power and elite*, vol. 1, pp. 8–18. EDN: [XIEMQB](#).
19. Pokatov D.V. (2022). Integral-critical approach as a direction of sociological analysis of the political elite, *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 22, no. 3, pp. 251–254. DOI: [10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254). EDN: [SGAYOD](#).
20. Musca G. (1994). Ruling class, *Sociological research*, no. 10, pp. 187–198.
21. Fonotov A.G. (2010). Russia: from a mobilization society to an innovative one. Moscow: BINOM. Laboratoriya Znaniy. 431 p.
22. Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. (2021). Institutionalization of the regional administrative elite: recruitment pool and career trajectories, *Power and elites*, vol. 8, no. 2, pp. 21–54. DOI: [10.31119/pe.2021.8.2.2](https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.2). EDN: [NATXQO](#).
23. Volkov S.V. (2021). Elite groups in “mass society”. Moscow: Russian Fund for Assistance to Higher Education. 312 p. EDN: [BKGOTM](#).
24. Scott J. (1990). The Sociology of Elites. Vol. 1. The Study of Elites. Aldershot; Brookfield: Edward Elgar Publ. Pp. VIII–XIV.
25. Berdyaev N.A. (2007). Philosophy of inequality. In: Philosophy of Freedom. Moscow: AST. Pp. 551–568.
26. Pokatov D.V. (2017). The elite mobility in the transforming society: peculiarities and social and historical practice. In: Proceeding of the IV scientific and practical conference “Dilnov readings: Sociology of the 21st century: traditions and innovations”. Saratov: Publishing House “Saratovskiy Istochnik”. Pp. 112–116. EDN: [ZAWFUR](#).
27. Palitay I.S., Matyusova A.I. (2020). Governor's Corps of the Russian Federation: Comparison

tive Analysis of Selection Mechanisms and Recruitment Channels for “Newcomers” and “Old Residents”, *Bulletin of Moscow Region State University* (e-journal), no. 4, pp. 114–130. DOI: [10.18384/2224-0209-2020-4-1040](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-4-1040). EDN: CCYEHQ.

28. Rimskiy V.L. (2014). Social factors of the political careers building and of the ineffective management of the regions and municipalities, *Power and elites*, vol. 1, pp. 318–329. EDN: XIEMVV.

AUTHORS' INFORMATION:

Dmitriy V. Pokatov – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Saratov State University (83, Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia); dvpokatov@gmail.com. RSCI AuthorID: 411285, ORCID: 0000-0002-9973-1473, ResearcherID: D-6571-2013.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ

Веденин В.А.^а

^а Государственный академический университет гуманитарных наук

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. Данная теоретическая статья предназначена для систематизации и анализа подходов к изучению политического доверия к властно-управленческой вертикали. Автор предпринял попытку ввести и обосновать новый подход к изучению доверия на основе работ Т. М. Дридзе.

Научная проблема заключается в том, что существует дисбаланс уровня доверия между субъектами управления. Процесс управления в современной России строится по субъект-объектному типу взаимодействия. Чтобы перейти к равноправному, субъект-субъектному типу управления, предварительно должен быть сформирован достаточно высокий уровень доверия у сторон.

Методология и методы. В данном разделе статьи автором представлены три подхода к исследованию доверия: единство происхождения доверия и его видов, подход независимости становления и развития институционального доверия, а также их синтез. Основанием для изучения властно-управленческой вертикали здесь служит политическое управление, в котором вся властно-управленческая вертикаль выстроена по иерархическому принципу, где субъектами государственного управления выступают органы государственной власти. Автор использовал в статье методы теоретического анализа, обобщения и сравнения.

Научные результаты и дискуссия. В текущем разделе были представлены научные концепции авторов по изучению властно-управленческой вертикали, а также по реформированию системы управления в России. Особый акцент сделан на трудах Т.М. Дридзе, а именно на диалогической модели коммуникации и прогнозном социальном проектировании

Выводы. Все рассмотренные нами теоретические концепции обратили внимание на необходимость изменений и реформ в российской властно-управленческой вертикали на системном уровне. Граждане и власть должны признать право друг за другом совершать ошибки, что должно подвигать обе стороны на конструктивные взаимоотношения, которые позволят выработать совместные решения по урегулированию различных ситуаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: властно-управленческая вертикаль, политическое доверие, социология управления, социальное управление, реформирование властно-управленческой вертикали, коммуникация власти и общества.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Веденин В.А. Теоретические подходы к изучению властно-управленческой вертикали // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 19–32. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/02>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-19-32. EDN: XPBDHJ.

■ ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем перейти непосредственно к изучению властно-управленческой вертикали необходимо дать определение термина «доверие»: «ожидания, предположения или веру (убеждение) в вероятность того, что будущие действия

другого будут выгодными, благоприятными и, по крайней мере, не наносят ущерба интересам другого» [1, с. 576]. Таким образом, исходя из определения, можно сделать вывод о том, что доверие является двусторонним актом коммуникации, благодаря которому выстраиваются

или могут выстраиваться положительные взаимоотношения между субъектами этой коммуникации. Из определения можно сделать вывод о том, что доверие является одним из ключевых факторов развития и функционирования социальных институтов.

Однако не всегда взаимоотношения между гражданами и управляющими субъектами (например, избранными кандидатами на выборах) выстраиваются как субъект-субъектные, доверительные отношения. Чаще взаимоотношения выстраиваются по принципу управляющий-подчиненный (субъект-объектные отношения), где народные избранники выступают в роли начальников, а граждане в роли подчиненных [2, с. 322-324]. Отсюда возникает процесс недоверия народа к власти и ее субъектам, что указывает на остроту проблемы в современном российском, и не только, обществе.

В данной работе автор ставит перед собой задачу систематизировать, а также расширить концептуальные подходы к изучению властно-управленческой вертикали, основываясь на теоретическом опыте изучения доверия и коммуникации в управлении.

■ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Теоретико-методологическую основу статьи составляют работы отечественных и зарубежных авторов в области изучения политического доверия и социологии управления.

Властно-управленческая вертикаль – совокупность регулятивных механизмов социальных институтов для поддержания стабильности общества и достижения поставленных задач [3, с. 76]. Эта вертикаль состоит из 4 уровней: федеральный, региональный, местный и уровень отдельных организаций. Уровень развития социальных систем зиждется на уровне поддержания социального порядка в различных нештатных ситуациях, на способности эффективных принятий решений на социальном, институциональном и менеджериальном уровнях.

Однако государственная власть основывается не только системном уровне, где только сама система подстраивается под вызовы внешней среды, но и на социальном, на теории общественного договора, без которой перестанет существовать. Теорию общественного договора изложил английский философ Т. Гоббс.

Формированию государства предшествует естественное состояние общества, где каждый человек обладает равными правами на обладание властью и ресурсами, что приводит к бесконечным конфликтам. Для того чтобы избежать этого был придуман так называемый общественный договор, который структурирует и ограничивает полную свободу людей для достижения порядка [4].

Все подходы к исследованию проблемы доверия можно свести к трем основополагающим. Первый подход исходит из единого основания происхождения доверия и его видов. Предрасположенность к доверию, которая обусловлена психологическими особенностями субъекта или же задаваемая культурно, является фундаментальными личностными особенностями, которые начинают формироваться еще в раннем возрасте. Американский ученый Э. Усланер полагает, что доверие к незнакомым людям (моралистское) имеет под собой основание в виде позитивного взгляда на человеческую суть, а не прошлый опыт человека или же авторитарность институциональных институтов, одной из функций которых является принуждение к выполнению и воспроизведению социальных норм [5].

Второй подход говорит о независимости становления и развития институционального доверия. Это направление получило свое развитие в русле, преимущественно, социальных капиталов. Р. Патнем определяет данный подход как комплекс характеристик социальной жизни общества, а именно норм, сетей и доверия, которые позволяют участникам взаимодействия проще достигать поставленных целей [6]. Р. Патнем вводит термины горизонтального и вертикального доверия. Вертикальное доверие доминирует в тех обществах, где наиболее всего развиты иерархические связи (начальник-подчиненный, рядовой гражданин – индивид, обладающий высоким статусом в иерархии общества и т.д.). Доверие к политическим институтам тоже можно отнести к такому типу связей, так как элементами структуры доверия здесь выступают структуры, организованные по иерархическому типу (системы социальных ролей). Горизонтальное доверие является доверием межличностным, но не в пределах первичных групп (к примеру, семья), а в системе равнозначных, равных субъектов

взаимодействия. Данный подход был также разработан Р. Ингхартom и К. Вельцелем. Доверие к социальным институтам и межличностное доверие противоположны друг другу по направленности действия, помимо разности в объектах взаимодействия и связанными с ними факторами. Горизонтальное доверие, прежде всего, играет важнейшую роль для самоорганизации, развития демократии, когда происходит между равноправными индивидами, в то время как вертикальное доверие, которое символизируется в укреплении иерархической связи между субъектами [7].

В политической науке основания доверия объясняется чаще всего через призму его внутреннего происхождения. В. Мишлер и Р. Роуз разработали макроинституциональный подход к изучению данной проблемы. Институциональное доверие является обоснованным рационально, потому что имеет под собой оценку граждан работы социальных институтов. Если социальные институты работают положительно, то они продуцируют доверие, если же работа социальных институтов неудовлетворительна – возникает подозрение к ним, недоверие и скепсис [8]. Мишлер и Роуз проводили свои исследования в странах «демократического транзита», тестируя в них разные объяснительные модели. Согласно выводу ученых ключевыми факторами являются политические и экономические особенности стран, в которых они проживают, в то время как межличностное доверие и социализация индивидов не оказали такого же влияние на доверие в целом. Эффективность же работы институтов опосредуется личным неполитическим опытом индивидов, их индивидуальными оценками и приоритетами.

Последний, третий подход к исследованию доверия складывается из взаимосвязи двух предыдущих, однако направление этих подходов выделяется как противоположное друг к другу по источникам их происхождения. Фундаментальным в этом подходе является доверие, которое производится социально-политическими институтами, причем сама же работа этих институтов также продуцирует доверие к индивидам. Согласно такой логике человек будет больше доверять незнаком людям, если будет уверен в том, что государственный репрессивный аппарат наложит санкции на лицо, ко-

торое не соблюдает формальные правила. Благодаря этому уменьшается неопределенность в межиндивидуальном взаимодействии, если социальные институты будут исправно выполнять свои функции [9].

Согласно наблюдениям К. Ньютона и С. Змерли уровень доверия в современных обществах с широкими социальными сетями и своевольной ассоциацией друг с другом будет очень высок из-за действий социальных институтов, которые будут стимулировать положительное поведение индивидов и карать отрицательное [10]. Б. Ротстейн и Э. Усланер в свою очередь обосновывают подобную взаимосвязь через пролонгированную и сфокусированную работу социальных институтов, направленную на сокращение уровня неравенства между социальными группами в обществе. Если такая работа социальных институтов имеет успех, то она стимулирует рост политического и социального доверия [11]. Подтверждение этой теории можно обнаружить в странах с характерно высокими уровнем доверия, где применяются определенные социально-политические программы по поддержке населения (например, скандинавские страны) [12]. В таком случае, можно сделать вывод о «культуре доверия», которая воспитывается при помощи утверждения различных практик в рамках этих социальных институтов [13].

Дадим определение политического управления, которое непосредственно связано с властно-управленческой вертикалью и политическим управлением. Политическое управление является одним из видов регулирования социальных отношений, которое осуществляется органами государственного управления и политическими партиями¹.

Политическое управление целенаправленно создает условия для реализации государственных интересов, учитывая интересы и рядовых граждан, и элит, выражаемые через различные социальные институты и действия.

Политическое управление по сравнению с государственным является более широким понятием, к тому же не эквивалентным. В политическом управлении отсутствует такой элемент системы как чиновники, которые не яв-

¹ Социология управления : теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. Москва : URSS КРАСАНД, 2014. С. 149.

ляются политическим элементом. В данном случае субъектом государственного управления выступают органы государственной власти, выстроенные в иерархическом порядке от главы государства до судов, а также их представители в виде региональных, городских органов управления (полицейские, налоговые, статистические и так далее). Все это образует единый каркас государства под названием властно-управленческая вертикаль. В политическом управлении кроме функций органов государственной власти своими функциями также обладают и политические партии, некоммерческие организации, различные социальные группы интересов. Политическая воля тоже вносит свой вклад в политическую жизнь государства, не всегда идя с ней в одном направлении, являясь деструктивной силой. Политическое управление выступает в роли посредника между государством и другими политическими акторами в стране.

Эффективность политического управления выражается через легитимацию власти, консолидации элит и народа, предотвращения нестабильности в обществе, поддержании порядка. Оценка политического управления может осуществляться через доверие, которое является основным признаком легитимации. Из понятия «доверие» вытекают следующие конструкты:

- генерализированное доверие (соотнесение индивидов с ценностями государства);
- специализированное доверие (соотнесение с локальными и субкультурными группами, не мешающими государству);
- партикуляризованное доверие (отчуждение групп от государства путем атомизации социальных групп);
- институциональное доверие (положительное отношение граждан к конкретным органам власти)².

■ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Как уже было отмечено ранее, политическое доверие является одним из важных факторов управляемости социальных процессов, позволяющим изучить властно-управленческую вертикаль. Политическое доверие сегодня может рассматриваться как один из критериев демократии наравне со «свободой» и «равенством». Уровень политического доверия демонстриру-

ет, насколько индивиды удовлетворены функционированием социальных институтов и политиков. Низкий уровень доверия системе государственного управления свидетельствует, что либо какой-то элемент работает плохо, будь то политик или социальный институт, либо ожидания от государственного управления по ряду вопросов завышены. Однако завышенное доверие тоже является аномалией, что приводит к дисфункции системы в виде отсутствия контроля и вседозволенности, что может привести к волюнтаристским решениям и становлению авторитаризма в обществе [14]. Таким образом, необходима «золотая середина» для гармоничного функционирования и развития социально-политической системы. На формирование доверия, прежде всего, влияют школа, работа, семья, а также отношение с соседями. Когда у индивида складывается положительный опыт взаимодействия с такими социальными институтами, то с большой долей вероятности он будет доверять и политическим институтам [15].

Как показывает практика, российское общество относится к типу общества с низким уровнем доверия к политическим институтам [16]. Недавние исследования институционального и политического доверия в России обнаруживают относительно высокий уровень доверия институтам исполнительной власти и низкий – представительным институтам, судебной системе и политическим партиям. Уровни доверия большинству политических институтов, согласно исследованиям, проведенным осенью 2014-2015 года, демонстрируют отрицательную динамику [17].

За последние несколько лет произошел ряд значительных изменений не только в российском обществе, но и в ближайших к РФ государствах: пандемия COVID-19, попытка государственного переворота в республике Беларусь, вновь разгоревшийся Карабахский конфликт, протестные волнения в Казахстане и так далее, все это подвергло испытаниям населения стран бывшего СССР [18, с. 24]. Поэтому стоит обратить внимание на фактор доверия к правительству в период пандемии COVID-19, который наглядно продемонстрировал ориентированность населения на сильное национальное правительство, на жесткую и прочную вертикаль власти. По мнению граждан, такое

² Там же. С. 149–150.

правительство должно обладать сильной принудительной функцией для обеспечения порядка и стабильности в обществе, а также оно должно помогать своим гражданам в тяжелое для всех время. Данное предположение было проверено в ходе опросного исследования 2011–2014 гг., проведенного Институтом общественного мнения «Квалитас» совместно с ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование показало, что народ в большинстве зафиксированных случаев ориентирован на доминирование традиционной политической модели с сильным лидером, жесткой централизацией власти, а также на подчинение и ответственность всех политических элементов от индивидуальных до структурных перед руководителем страны [19].

Однако есть и другая группа граждан, которая ориентирована на самостоятельное социально-политическое взаимодействие с государством. Возникает противоречие в обществе, где одна группа индивидов ориентирована на защиту государства от внутренних и внешних вызовов, а другая наоборот – готова тратить свое личное время на выработку и реализацию своей собственной политической позиции.

Это противоречие может быть интерпретировано как неуверенность российских граждан, которое возникает из непонимания власти в действиях граждан, хотя эти действия могли быть совершены и из благих намерений. Подобные социальные действия российских граждан трактуются государством как нарушение порядка, угроза безопасности или же некомпетентность, что может привести к наложению санкций, рестрикций и других ограничительных мер со стороны властей. Такие действия государственного управления будет расценено гражданами как моральная травма, что отобьет у них желание заниматься какой-либо политической активностью.

Но нельзя забывать и о феномене местного самоуправления, который также находится в кризисной ситуации. Эксперты выделяют несколько причин этой проблемной ситуации. Во-первых, существует значительная неразвитость ресурсной разы МСУ, где главной нехваткой являются кадры, а также финансы. Во-вторых, многие органы местного самоуправления не могут выполнять свои обязанности из-за сложившейся модели внебюджетных отношений [20].

Помимо доверия властно-управленческая вертикаль может быть рассмотрена и с обратной стороны. Не с позиции различных социальных групп, а с позиции самой системы в целом.

После распада СССР началась перестройка властно-управленческой вертикали, ее элементов от полной централизации к частичной автономии. Так, А. И. Липкин предполагает, что для объективной оценки трансформационных процессов властных структур лучше всего подойдет теория взаимосвязи двух моделей социальной организации общества: одна теория демонстрирует полную централизацию всех ресурсов государства для решения внутренних и внешних проблем, а другая основана на теории «общественного договора» Локка и Гоббса [21].

Ученые из Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН в этом отношении больше ориентируются на социокультурную концепцию развития общества, разработанную Н. И. Лапиным. Данная теория демонстрирует нам появление политической субъектности индивида в социальном пространстве, которая может быть сопоставима с деятельностью социальных институтов. Такой субъект не только воспроизводит нормы и ценности общества, но и взаимодействует с компонентами социальной системы, реагируя на возникающие потребности и интересы при возрастании количества ресурсов [22].

В таком случае, сама властно-управленческая вертикаль является гибридом между централизованной и децентрализованной моделями управления. Любые изменения в обществе, по сути, являются компромиссом между устойчивостью власти и результатами, возникшими при проведении государственной политики. Если эти изменения навязаны «сверху», то они неминуемо будут вызывать некоторую степень отторжения в обществе, что вызовет реакцию в обществе и возникновение новых реакционных социальных групп, которые будут пытаться вернуть все на прежнее место. В таком случае, необходима выработка конструктивных решений, которые возможны только благодаря диалогу населения с правительством, что позволит привести систему в необходимое равновесие.

Далее мы рассмотрим научные труды ученых Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН.

Рассмотрим работы Т. М. Дридзе, на основе которых можно выработать новый подход к изучению доверия политическим институтам и властно-управленческой вертикали в целом.

Т.М. Дридзе разработала две методологические концепции семиосоциопсихологической и экоантропоцентрической парадигм, а также свою модель коммуникации.

Семиосоциопсихологическая модель базируется на основании завершеного коммуникативного акта, реализованного в любой знаковой системе структуры коммуникативно-познавательных программ, где осуществляется ориентация на смысл послания, изначально заложенный в него.

Экоантропоцентрическая парадигма базируется на изучении любого знания с единственной точки зрения к жизненным и социокультурным моделям поведения индивида, взаимодействующего с окружающей средой [23].

Диалогическая модель коммуникации Т.М. Дридзе разработана во второй половине XX в. в рамках семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации. Данная модель предлагает комплексное понимание диалога как о «смысловом контакте, основанном на способности и стремлении субъектов к адекватному истолкованию коммуникативных намерений партнеров по общению» [24].

Диалогическая модель коммуникации существует в виде сложной иерархизированной структуры, состоящей из 6 уровней: авторская интенциональность; тезисы и контртезисы; аргументы и контраргументы; иллюстрации и контриллюстрации к тезисам, контртезисам, аргументам, контраргументам; фоновый материал к любым вышестоящим уровням; фоны к фонам [25, с. 101].

То есть, диалог между субъектами управления в данном случае выступает в роли моста налаживания доверия и доверительных отношений, которых не хватает для эффективного управления.

Необходимо также упомянуть о прогнозном социальном проектировании, которое разработала Т.М. Дридзе. Оно является проблемно-ориентированной технологией, нацеленной на обеспечение социально обоснованных управленческих решений.

Задачами прогнозного-социального проектирования являются: диагностика и актуальных

и потенциальных социальных проблем; выработка решений таких проблем; выработка механизмов коммуникации действий для решения проблемных задач.

Эффективность такой технологии обеспечивается в определенных условиях:

1. Осуществление межотраслевой научной коммуникации.

2. Применение проблемно-ситуационного и средового подхода к изучению и диагностике специфики социокультурной динамики.

3. Применение комплексных методов для выявления проблем территориального характера.

4. Первостепенность целей развития социального объекта, преимущественно территориального свойства.

5. Обоснование ресурсной составляющей и механизма принятия управленческих решений.

6. Комплексный анализ последствий будущих управленческих решений³.

Благодаря прогнозно-социальному проектированию и диалогической модели коммуникации можно вывести коммуникацию между государством и обществом на новый уровень, где взаимодействие будет основано не на «субъект-объектных» отношения, а на «субъект-субъектных»⁴.

На основании семиосоциопсихологического подхода В.А. Шилова изучает коммуникативные аспекты управления. Исследователь утверждает, что конфликтность, эффективность функционирования социальных институтов, а также уровень гражданского согласия солидарности и мобилизации креативного потенциала в российском социуме зависят, прежде всего, от общего состояния коммуникативной среды. От степени доверия граждан к социальным институтам зависит уровень порядка в обществе. Доступность, открытость информации, способы ее получения являются одними из ключевых критериев регулирования общества на всех уровнях [26]. Помимо изучения коммуникативных аспектов управления, В.А. Шилова использует методику интенциональности аспектов управления, которая позволяет выявить и определить интенциональные особен-

³ Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. 304 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Scan_2018/Dridze_Proгнозное_soc_proektirovanie_1994.pdf.

⁴ Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. Москва: URSS КРАСАНД, 2014. С. 159–160.

ности текстов коммуникативной структуры и внешней среды [27].

Мерзляков А.А. изучает проблему субъектности. Субъектность выражается в степени вовлеченности населения в процесс принятия управленческих решений. Субъектность связана с понятием социального субъекта, его места и роли в системе социальных отношений, исследованием различных особенностей личности как социального субъекта [28]. Подобное взаимодействие населения и органов государственного управления различаются по уровням социокультурного и социоэкономического развития регионов. В последнее время, как отмечают ученые, заметно повышение уровня готовности населения к участию в процессах государственного управления, однако из-за отчуждения к власти, которое присутствует в нашем обществе уже несколько десятилетий, вся деятельность граждан выливается, по большей части, в протестную активность [29].

Подходящей для анализа субъектности является концепция персонифицированной социокультурной модели управления, разработанная А. В. Тихоновым. Центральной особенностью этой модели является коммуникация между индивидами, которая позволяет им достигать намеченные цели. При усложнении задач в процессе достижения цели происходит конструирование нового доминирующего субъекта управления, наделяемого особыми функциями. Доминирующий субъект наделяется способностями не только координировать процесс управления, но и программировать подчиненных на основе их естественного взаимодействия, придавая группе индивидов статус субъектности [30].

Согласно работам А.А. Мерзлякова субъектность населения характеризуется: «через систему взаимодействий между обществом и властью, где для общества значимым является способность к самоорганизации в качестве полноценного социального субъекта, а для власти – создание условий для конструктивного диалога» [31]. Автор выделяет три группы факторов, на которых выстраивается субъектность.

Первая группа факторов таргетирована на процесс группообразования индивидов. Может ли властно-управленческая вертикаль как-то влиять на процесс формирования групп индивидов и каким образом, то есть является ли

поведение образованных групп реакцией на давление извне.

Следующая группа факторов нацелена на выявление определенных условий, при которых та или иная социальная группа становится субъектом управления. Под этим подразумевается наличие определенных ресурсов у этой группы (например, финансовых, административных, правовых и так далее).

Последняя же группа факторов базируется на выделении коммуникации между только сформированными субъектами управления. Здесь особенно важно охарактеризовать эту коммуникацию, является ли она конструктивной или деструктивной. Еще одним важным фактором являются условия, которые создаются органами власти для населения, чтобы те, в свою очередь, смогли самоорганизоваться и стать полноправным субъектом управления.

Следующим направлением в изучении управленческих практик является синтез управления и инфокоммуникативных технологий. Общее видение В.В. Маркина заключается в том, что будущее социологии управления неразрывно связано с компьютерными технологиями и математическим моделированием. Благодаря современным цифровым технологиям социология может моделировать процесс управления и воздействовать на объект непосредственно в реальном времени [32]. Одним из ключевых ученых в данном направлении является В.С. Богданов. Ученый считает, что нужно обратить пристальное внимание на изменения социальной жизни общества, которое спровоцировано развитием информационных и интернет технологий. Автор констатирует, что помимо изменений в повседневной жизни также произошли перемены и в системе управления, где информационные технологии значительно сплелись с управленческой системой, что повлекло за собой новые уровни самоорганизации социальных групп и новые типы коммуникаций [33].

Начался активный процесс изменения способов организации управления благодаря слиянию социальных и инфотехнологических отношений. Сегодня в мировой и отечественной управленческих структурах осуществляется переход от традиционных способов управления к смешанным, включающим в себя и информационные технологии. Подобные технологиче-

ские инновации все чаще становятся инструментами контроля над гражданами, а не новым способом упростить взаимодействие между субъектами.

Выделяется два способа модернизации системы управления: информатизация и электронная модернизация. Под информатизацией понимается модернизация информационных технологий. В свою очередь, под электронной модернизацией лежит еще два понятия. В широком смысле это: «рациональное воспроизводство комплекса инфосоциальных институционально-регулятивных компонент, обеспечивающих процесс электронной (инфосоциальной) модернизации управления в регионе и его общественных подсистем: экономической, социальной, культурной, государственно-политической, телекоммуникационной» [34]. В узком смысле под электронной модернизацией понимается переход от «электронного правительства», предназначенного для оказания онлайн-услуг, к электронному управлению, которое при помощи инфокоммуникативных технологий должно обеспечивать социальное участие, сотрудничество и координировать управление.

Изучением управления и властно-управленческой вертикали также занимались и другие ученые. Приведем несколько примеров их концепций.

О. А. Уржа выступает в защиту концепции социальной инженерии, выражающуюся в предоставлении социальным субъектам определенных ресурсов и полномочий для выработки научно обоснованных управленческих решений на основании социального планирования [35].

В.В. Щербина выявил существенные отличия между социологическим исследованием и социальной диагностикой. Социологическая диагностика нацелена на оценку состояния социального объекта, определение его характеристик и прогноз его линии поведения для решения о корректировке его поведения. А классическое социологическое исследование дает только возможность получения знания об объекте [36].

Концепция политической воли, рассматриваемая в книге Г.А. Тульчинского «Философия поступка», которая заключается в преодолении сложных обстоятельств, самоутверждение политического субъекта, принимающего решения и берущего на себя ответственность за

возможные последствия. Политическая воля в политических преобразованиях рассматривается им в трех моделях: принудительная, адаптивная и кризисная. В первой модели политическая воля играет главную роль, так как происходит возрастание контроля, санкций и разъяснений, а также длина цепочки решений. В адаптивной модели воля играет медиационную роль среди правящих элит. Чем больше решение строится на компромиссах и балансе, тем политическая воля менее выражена. И, наконец, в кризисной модели воля играет минимальную роль. Кризисы не только подталкивают к преобразованиям, но и порождают их искусственно для удобства манипуляции [37].

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство авторов при изучении социальных систем склоняются к неизбежности возникновения кризисов. Но очень многие из них основаниями кризисных ситуаций видят исключительно экономическую систему [38, с. 159]. Мы же данной статье предприняли попытку проанализировать изучение властно-управленческой вертикали с точки зрения фактора доверия к властно-управленческой вертикали, а также других концепций, в которых авторы пришли к выводу о необходимости реформирования органов власти.

Функционирование социальной системы в ее равновесии может быть достигнуто только благодаря гибкой системе государственного управления, которая будет стимулировать не только жесткие централизованные решения, но и индивидуальные усилия граждан для выработки наиболее конструктивных политических решений. А для подобной модели необходим фактор доверия, который, на наш взгляд, является одним из ключевых для гармоничного развития общества.

Для решения подобных вопросов стоило бы обратить пристальное внимание на реформирование системы управления в целом. Решение проблем модернизации страны и регионов помогло бы выйти стране из цивилизационной отсталости в эпоху нового цивилизационного синкретизма: организации и самоорганизации, управления и самоуправления. Власть должна отвечать за устойчивое воспроизводство отношений между государством и обществом на основе такой политической формы «обществен-

ного договора», как Конституция РФ, а институт управления, как социетальное образование, быстро действовать в ответ на актуальные внешние и внутренние вызовы и угрозы в соответствии с непрерывно меняющейся обстановкой и предвидимой перспективой [39].

Из подобной ситуации недопонимания групп интересов возможен следующий выход. Граждане и власть должны признать право друг за другом совершать ошибки, что должно подвигать обе стороны на конструктивные взаимоотношения, которые позволят выработать совместные решения по урегулированию различных ситуаций. Отношения такого толка приведут взаимодействие к позиции «приемлемого» риска вместо концепции «нулевого» риска, что позволит выработать систему социального и политического контроля ситуации, необходимой коммуникации и обратной связи между

элементами системы для обнаружения ошибок и их исправления. Такие методы позволят выстроить необходимое доверие, из-за отсутствия которого страдают обе стороны [40].

Все рассмотренные нами теоретические концепции, так или иначе, обратили внимание на необходимость изменений в российской властно-управленческой вертикали на системном уровне. Однако, на наш взгляд, наиболее комплексные и исчерпывающие методы решения этой задачи были предложены в научных трудах Т.М. Дридзе. Диалогическая модель коммуникации и прогнозное социальное проектирование ориентированы на решение конкретных управленческих задач в любой ситуации, что дает нам крайнюю практичность и универсальность, к которым стремятся все социологические методы. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Robinson S.L. (1996). Trust and breach of the psychological contract, *Administrative Science Quarterly*, vol. 41, no. 4, pp. 574–599. DOI: [10.2307/2393868](https://doi.org/10.2307/2393868). EDN: [CJUFHB](https://www.econbiz.org/urn:nbn:de:hebis:3-63888-p0071-7).
2. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы / Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 472 с.
3. Тихонов А.В. Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали // Вестник Института социологии. 2014. № 3 (10). С. 66–84. EDN: [SPDLTX](https://www.econbiz.org/urn:nbn:de:hebis:3-63888-p0071-7).
4. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.
5. Uslander E. (2013). Trust as an alternative to risk, *Public Choice*, vol. 157, no. 3/4, pp. 629–639. DOI: [10.1007/s11127-013-0082-x](https://doi.org/10.1007/s11127-013-0082-x).
6. Putnam R. (1995). Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America, *PS: Political Science and Politics*, vol. 28, no. 4, pp. 664–683. DOI: [10.2307/420517](https://doi.org/10.2307/420517).
7. Inglehart R., Christian W. (2005). Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: [10.1017/CBO9780511790881](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790881).
8. Mishler W., Rose R. (2001). What Are the Origins of Political Trust?: Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies, *Comparative political studies*, vol. 34, no. 1, pp. 30–62. DOI: [10.1177/0010414001034001002](https://doi.org/10.1177/0010414001034001002). EDN: [JRCDVR](https://www.econbiz.org/urn:nbn:de:hebis:3-63888-p0071-7).
9. Robbins B. (2012). Institutional Quality and Generalized Trust: A Nonrecursive Causal Model, *Social Indicators Research*, vol. 107, no. 2, pp. 235–258. DOI: [10.1007/s11205-011-9838-1](https://doi.org/10.1007/s11205-011-9838-1).
10. Newton K., Zmerli S. (2011). Three forms of trust and their association, *European Political Science Review*, vol. 3, no. 2, pp. 169–200. DOI: [10.1017/S1755773910000330](https://doi.org/10.1017/S1755773910000330). EDN: [YWJXPB](https://www.econbiz.org/urn:nbn:de:hebis:3-63888-p0071-7).
11. Rothstein B., Uslander E. (2005). All for All: Equality, Corruption, and Social Trust, *World Politics*, vol. 58, no. 1, pp. 41–72. DOI: [10.1353/wp.2006.0022](https://doi.org/10.1353/wp.2006.0022).
12. Sønderskov K., Dinesen P. (2016). Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust, *Political Behavior*, vol. 38, no. 1, pp. 179–202. DOI: [10.1007/s11109-015-9322-8](https://doi.org/10.1007/s11109-015-9322-8).
13. Терин Д.Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 90–109. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.2.5846](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846). EDN: [XRLLIL](https://www.econbiz.org/urn:nbn:de:hebis:3-63888-p0071-7).
14. Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. 2014. № 5. С. 5–10. EDN: [SEMQNV](https://www.econbiz.org/urn:nbn:de:hebis:3-63888-p0071-7).

15. Камалова Р.У., Томашов И.А. Проблема социальной и политической аномии в зарубежной социологии (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2011. № 1. С. 96–111. EDN: **NDRWEZ**.
16. Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. 2014. № 5. С. 5–10. EDN: **SEMQNV**.
17. Арутюнова Е.М., Бараш Р.Э., Гаврилов Ю.А. [и др.]. Доверие общественным и политическим институтам // Российское общество и вызовы времени. М. : ООО «Издательство «Весь Мир». С. 130–149.
18. Левашов В.К., Иванов В.Н., Новоженко О.П. Новые императивы социально-политического управления // Вопросы управления. 2021. № 1. С. 23–33. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/02>. DOI: **10.22394/2304-3369-2021-1-23-33**. EDN: **VUDDRF**.
19. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности / Российская академия наук, Институт социально-политических исследований. М. : Юридическое издательство «Норма», 2019. 208 с. EDN: **HKLNUZ**.
20. Петухов Р.В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61–75. DOI: **10.17976/jpps/2017.06.05**. EDN: **ZVMOKR**.
21. Липкин А.И. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21. № 4. С. 40–62. EDN: **PEBAUJ**.
22. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации / Российская академия наук, Институт философии. М. : Институт философии РАН, 2000. 194 с.
23. Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: В 2 кн. / РАН. Институт социологии, Центр социального управления, коммуникации и социально-проектных технологий ; отв. ред. Т. М. Дридзе. М. : Издательство Института социологии РАН, 2000. Кн. 1. С. 5–42.
24. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145–152.
25. Адамьянц Т.З. Аудитория СМИ как субъект и объект коммуникативных взаимодействий // Человек. 2018. № 3. С. 96–107. DOI: **10.7868/S0236200718030070**. EDN: **XQODIT**.
26. Шилова В.А. Коммуникативное поле управления: теория, методология, практика : Монография. М. : Логос, 2015. 204 с. EDN: **VHJOYT**.
27. Шилова В.А., Быков, К.В. Методологические подходы, методы и аспекты исследования интенциональности в социологии управления // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 4. С. 48–74. DOI: **10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4**. EDN: **LVHDWH**.
28. Мерзляков А.А. Концептуальные основания исследования субъектности населения // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 4. С. 33–47. DOI: **10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3**. EDN: **AFSHKS**.
29. Тихонов А.В., Мерзляков А.А. Управление процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 176–183. DOI: **10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-15**. EDN: **YMWDBV**.
30. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. 324 с.
31. Мерзляков А.А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 4 (24). С. 95–104. DOI: **10.19181/snsp.2018.6.4.6087**. EDN: **YQJUNZ**.
32. Тихонов А.В. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования. 2018. № 2 (406). С. 102–113. DOI: **10.7868/S0132162518020113**. EDN: **KZSIZN**.
33. Богданов В.С. Электронизация общества как социолого-управленческая проблема: социальные и познавательные аспекты // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании. Организационная коммуникация – 2016 : Материалы IV Международной научно-практической конференции (Минск, 7–9 апреля 2016 г.) / О. В. Терещенко (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. С. 34–37.

34. Богданов В.С. Информатизация регионального управления: проблемы и перспективы // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 2 (25). С. 27–47. DOI: [10.19181/vis.2018.25.2.507](https://doi.org/10.19181/vis.2018.25.2.507). EDN: [XRKWJF](https://www.edn.ru/vis.2018.25.2.507).

35. Уржа О.А. Социальная инженерия как методология управленческой деятельности // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 87–96. DOI: [10.7868/S0132162517100099](https://doi.org/10.7868/S0132162517100099). EDN: [ZNGYKL](https://www.edn.ru/S0132162517100099).

36. Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М. : Издательство Московского государственного университета, 1993. 120 с. ISBN: 5-211-02737-X. EDN: [SDCOSJ](https://www.edn.ru/S0132162517100099).

37. Тульчинский Г.А. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб. : Алетей, 2020. 826 с.

38. Овчаров А.О., Овчарова Т.Н. Социальный кризис в контексте государственного управления: концептуально-терминологический ана-

лиз // Вопросы управления. 2021. № 3. С. 149–161. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/03/11>. DOI: [10.22394/2304-3369-2021-3-149-161](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-149-161). EDN: [PNBBOK](https://www.edn.ru/vis.2018.25.2.507).

39. Тихонов А.В. Реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов как актуальная социально и научно-исследовательская проблема // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации : Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. С. 17–24. EDN: [TCJJUV](https://www.edn.ru/S0132162517100099).

40. Ильичева Л.Е., Кондрашов А.О., Лапин А.В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162–185. DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1917](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917). EDN: [FQBHLX](https://www.edn.ru/S0132162517100099).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Веденин Владимир Алексеевич – Государственный академический университет гуманитарных наук (119049, Россия, Москва, Мароховский переулок, 26); vladimir.grishakov1@yandex.ru.

THEORETICAL APPROACHES TO RESEARCHING THE POWER-ADMINISTRATIVE VERTICAL

Vladimir A. Vedenin^a

^a State Academic University of Humanities

ABSTRACT:

Relevance. This theoretical article is intended to systematize and analyze approaches to researching political confidence in the power-administrative vertical. The author attempted to introduce and justify a new approach to researching confidence based on T. M. Dridze's works.

The scientific problem is that there is an imbalance in confidence level between the subjects of management. The management process in modern Russia is based on the subject-object type of interaction. In order to move to an equal, subject-subject type of management, a sufficiently high level of confidence among the parties should first be achieved.

Methodology and methods. In this section of the article, the author gives three approaches to researching confidence: the unity of origin of trust and its types, the approach of independent formation and institutional trust development, as well as their synthesis. The basis for researching the power-administrative vertical here is political management, where the entire power-administrative vertical is built according to a hierarchical principle, where public bodies are the subjects of public administration. In the article the author used the methods of theoretical analysis, generalization and comparison.

Scientific results and discussion. In the current section, the scientific concepts of the researchers of the power-administrative vertical and the management system reforming in Russia are presented. Special em-

phasis is given to the works by T.M. Dridze, particularly, to the dialogical model of communication and forecasting social design.

Conclusions. All the considered theoretical concepts highlighted the need for changes and reforms in the Russian power-administrative vertical at the system level. Citizens and authorities must recognize each other's right to make mistakes, which should encourage both sides to maintain constructive relationships enabling them to develop joint solutions to resolve various situations.

KEYWORDS: power-administrative vertical, political trust, sociology of management, social management, power-administrative vertical reforming, government and society communication.

FOR CITATION: Vedenin V.A. (2022). Theoretical approaches to researching the power-administrative vertical, *Management Issues*, no. 5, pp. 19–32. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/02>. DOI: [10.22394/2304-3369-2022-5-19-32](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-5-19-32). EDN: XPBDHJ.

REFERENCES

1. Robinson S.L. (1996). Trust and breach of the psychological contract, *Administrative Science Quarterly*, vol. 41, no. 4, pp. 574–599. DOI: [10.2307/2393868](https://doi.org/10.2307/2393868). EDN: CJUFHB.
2. Tikhonov A.V. (2009). Sociology of management. Theoretical basis (2nd ed., added and revised). Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya". 472 p.
3. Tikhonov A.V. (2014). Experience of sociological and culturological research of problems of administrative vertical reforming, *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 3 (10), pp. 66–84. EDN: SPDLTX.
4. Hobbes T. (2001). Leviathan, or matter, form and power of the state of church and civilian. Moscow: Mysl. 478 p.
5. Uslaner E. (2013). Trust as an alternative to risk, *Public Choice*, vol. 157, no. 3/4, pp. 629–639. DOI: [10.1007/s11127-013-0082-x](https://doi.org/10.1007/s11127-013-0082-x).
6. Putnam R. (1995). Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America, *PS: Political Science and Politics*, vol. 28, no. 4, pp. 664–683. DOI: [10.2307/420517](https://doi.org/10.2307/420517).
7. Inglehart R., Christian W. (2005). Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: [10.1017/CBO9780511790881](https://doi.org/10.1017/CBO9780511790881).
8. Mishler W., Rose R. (2001). What Are the Origins of Political Trust?: Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies, *Comparative political studies*, vol. 34, no. 1, pp. 30–62. DOI: [10.1177/0010414001034001002](https://doi.org/10.1177/0010414001034001002). EDN: JRCDVR.
9. Robbins B. (2012). Institutional Quality and Generalized Trust: A Nonrecursive Causal Model, *Social Indicators Research*, vol. 107, no. 2, pp. 235–258. DOI: [10.1007/s11205-011-9838-1](https://doi.org/10.1007/s11205-011-9838-1).
10. Newton K., Zmerli S. (2011). Three forms of trust and their association, *European Political Science Review*, vol. 3, no. 2, pp. 169–200. DOI: [10.1017/S1755773910000330](https://doi.org/10.1017/S1755773910000330). EDN: YWJXPB.
11. Rothstein B., Uslaner E. (2005). All for All: Equality, Corruption, and Social Trust, *World Politics*, vol. 58, no. 1, pp. 41–72. DOI: [10.1353/wp.2006.0022](https://doi.org/10.1353/wp.2006.0022).
12. Sønderskov K., Dinesen P. (2016). Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust, *Political Behavior*, vol. 38, no. 1, pp. 179–202. DOI: [10.1007/s11109-015-9322-8](https://doi.org/10.1007/s11109-015-9322-8).
13. Terin D.F. (2018). The structure of political trust in Russia: performance and fairness of political institution, *Sociological Journal*, vol. 24, no. 2, pp. 90–109. DOI: [10.19181/socjour.2018.24.2.5846](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846). EDN: XRLIL.
14. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2014). On the boundaries of political trust, *Power*, no. 5, pp. 5–10. EDN: SEMQNV.
15. Kamalova R.U., Tomashov I.A. (2011). The problem of social and political anomie in foreign sociology (analytical review), *Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, no. 1, pp. 96–111. EDN: NDRWEZ.
16. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2014). On the boundaries of political trust, *Power*, no. 5, pp. 5–10. EDN: SEMQNV.
17. Arutyunova E.M., Barash R.E., Gavrilov Yu.A., et al. (2015). Trust to public and political institutions. In: Russian Society and Time Challenges. Moscow: LLC "Publishing House 'All the World' ". Pp. 130–149.

18. Levashov V.K., Ivanov V.N., Novozhenina O.P. (2021). New imperatives of the social and political management, *Management Issues*, no. 1, pp. 23–33. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/01/02>. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-1-23-33. EDN: VUDDRF.
19. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. (2019). Trust in self-regulation of changing social reality. (Russian Academy of Sciences, Institute of Social and Political Studies.) Moscow: Norma. 208 p. EDN: HKLNUZ.
20. Petukhov R.V. (2017). The Russian society's confidence in the local governments as a problem, *Polis. Political Research*, no. 6, pp. 61–75. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.05. EDN: ZVMOKR.
21. Lipkin A.I. (2012). Russia between non-modern 'mandatory' institutions and modern democratic culture, *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 21, no. 4, pp. 40–62. EDN: PEBAUJ.
22. Lapin N.I. (2000). Ways of Russia: socio-cultural transformations. (Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy.) Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 194 p.
23. Dridze T.M. (2000). Two new paradigms for social cognition and social practice. In: Dridze T.M. (ed.). Social communication and social management in eco-anthropocentric and semio-sociopsychological paradigms (in 2 books). (RAS. Institute of Sociology, Center for social management, communication and social design technologies.) Moscow: Publishing house of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Book 1, pp. 5–42.
24. Dridze T.M. (1996). Social communication as textual activity in semio-sociopsychology, *Social Sciences and Modernity*, no. 3, pp. 145–152.
25. Adamyantz T.Z. (2018). Mass media audience as a subject and an object of the communicational interaction, *Human Being*, no. 3, pp. 96–107. DOI: 10.7868/S0236200718030070. EDN: XQODIT.
26. Shilova V.A. (2015). Communicative control field: theory, methodology, practice. Monograph. Moscow: Logos. 204 p. EDN: VHJOYT.
27. Shilova V.A., Bykov K.V. (2021). Methodological approaches, methods, and aspects of intentionality research in sociology of management, *Research Result. Sociology and Management*, vol. 7, no. 4, pp. 48–74. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4. EDN: LVHDPH.
28. Merzlyakov A.A. (2021). Conceptual foundations for the study of the population subjectivity, *Research Result. Sociology and Management*, vol. 7, no. 4, pp. 33–47. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3. EDN: AFSHKS.
29. Tikhonov A.V., Merzlyakov A.A. (2019). Manageability of social group formation processes in regions with different levels of sociocultural modernization, *Research Result. Sociology and Management*, vol. 5, no. 4, pp. 176–183. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-15. EDN: YMWDVB.
30. Tikhonov A.V. (2000). Sociology of management. Theoretical basis. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 324 p.
31. Merzlyakov A.A. (2018). The problem of subjectivity in the sociology of management, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*, vol. 6, no. 4 (24), pp. 95–104. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.4.6087. EDN: YQJUHZ.
32. Tikhonov A.V. (2018). Sociology of governance and administration: yesterday, today tomorrow, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2 (406), pp. 102–113. DOI: 10.7868/S0132162518020113. EDN: KZSIZN.
33. Bogdanov V.S. (2016). Electronization of society as a sociological and managerial problem: social and cognitive aspects. In: Tereshchenko O.V. (ed.). Communication in social and humanitarian knowledge, economics, education. Organizational Communication – 2016. Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference (Minsk, April 7–9, 2016). Minsk: Publ. center of BSU. Pp. 34–37.
34. Bogdanov V.S. (2018). The informatization of regional government: issues and prospects, *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 9, no. 2 (25), pp. 27–47. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.507. EDN: XRKWJF.
35. Urzha O.A. (2017). Social engineering as methodology of management activity, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 87–96. DOI: 10.7868/S0132162517100099. EDN: ZNGYKL.
36. Shcherbina V.V. (1993). Means of sociological diagnostics in the management system. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 120 p. ISBN: 5-211-02737-X. EDN: SDCOSJ.
37. Tulchinsky G.L. (2020). Philosophy of the act: self-determination of the individual in modern society. St. Petersburg: Aletheya. 826 p.
38. Ovcharov A.O., Ovcharova T.N. (2021). Social crisis in the context of public administration: conceptual and terminological analysis, *Management Issues*, no. 3, pp. 149–161. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/03/11>.

DOI: [10.22394/2304-3369-2021-3-149-161](#). EDN: [PNBBOK](#).

39. Tikhonov A.V. (2017). Reforming the power-administrative vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of regions as an urgent social and research problem. In: Tikhonov A.V. (ed.). Russia and the world: global challenges and strategies of sociocultural modernization. Proceedings of the International Scientific

and Practical Conference (Moscow, October 12–13, 2017). Moscow: FCTAS RAS. Pp. 17–24. EDN: [TCJJUV](#).

40. Iliycheva L.E., Kondrashov A.O., Lapin A.V. (2021). Trust as a bridge over the uncertainty gap between the government and society, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2, pp. 162–185. DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1917](#). EDN: [FQBHLX](#).

AUTHORS' INFORMATION:

Vladimir A. Vedenin – State Academic University of Humanities (26, Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russia); vladimir.grishakov1@yandex.ru.

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

Пиньковецкая Ю.С.^а

^а Ульяновский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

Развитие здравоохранения в настоящее время является актуальной проблемой в России и ее регионах. Целью исследования явилась оценка пяти показателей, характеризующих развитие системы здравоохранения в регионах России. При этом решались задачи разработки методологии оценки региональных особенностей развития системы здравоохранения в России, а также достигнутого уровня доступности больничной и амбулаторной медицинской помощи в регионах, наличия квалифицированного медицинского персонала, а также оплаты его труда. В исследовании использовалась официальная статистическая информация о деятельности медицинских организаций, расположенных во всех 82 регионах России за 2020 год. В качестве моделей использовались функции плотности нормального распределения. Исследование показало, что в среднем по регионам на десять тысяч жителей были достигнуты следующие удельные значения показателей. 85 больничных коек приходится на десять тысяч жителей. Мощность амбулаторных организаций составляла 289 пациентов на десять тысяч жителей. В среднем на десять тысяч жителей приходится 48 врачей и 107 медицинских сестер. В большинстве регионов заработная плата в сфере здравоохранения существенно не отличалась от средней заработной платы в соответствующем регионе. Предлагаемый методологический подход и полученные результаты обладают научной новизной, поскольку комплексная оценка региональных особенностей оказания медицинской помощи в регионах России ранее не проводилась. Практическая значимость исследования для государственных и региональных органов власти заключается в учете особенностей развития системы здравоохранения в регионах России. Результаты работы могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных структур, связанных с организацией медицинской помощи населению и обоснованием выделения дополнительных ресурсов регионам с низким уровнем медицинского обслуживания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медицинские услуги, стационарное лечение, амбулаторное лечение, больничные койки, врачи, медсестры, оплата труда, регионы России.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пиньковецкая Ю.С. Оценка развития региональных систем здравоохранения в России // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 34–46. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/03>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-34-46. EDN: QSRHWG.

■ ВВЕДЕНИЕ

В последние годы повышение эффективности здравоохранения стало ключевым аспектом развития национальных экономик. В ряде исследований [1; 2] было отмечено, что существует сильная положительная корреляция между здоровьем населения стран и их валовым внутренним продуктом. Более высокий доход является главным критерием в странах с лучшим состоянием здоровья, чем в странах с более низким состоянием здоровья. Состояние здоровья яв-

ляется важной характеристикой человеческого потенциала, поэтому совершенствование системы здравоохранения играет важную роль в государственной политике [3; 4; 5; 6]. Система здравоохранения современных стран направлена на обеспечение оптимальной отдачи от затраченных ресурсов, а также сохранение здоровья населения. При этом современные исследователи обращают внимание на необходимость обеспечения доступности медицинской помощи населению во всех без исключения регионах [7; 8; 9].

Проблема эффективности здравоохранения особенно актуальна сегодня в контексте пандемии COVID-19 [10; 11; 12], которая затронула большинство стран и потребовала повышения роли здравоохранения как системы, обеспечивающей безопасность и выживание нации, а также внутреннюю стабильность современных экономик.

В настоящее время в России действует Стратегия развития здравоохранения на период до 2025 года (2022 год), которая включает оценку текущего состояния, вызовов и угроз развитию системы здравоохранения, определяет цель, основные задачи, приоритетные направления, механизмы реализации развития здравоохранения. Кроме того, параллельно осуществляются мероприятия, включенные в Национальный проект «Здравоохранение»¹, направленные на повышение доступности медицинской помощи, повышение ее качества и комфорта. Помимо прочего планируется создать оптимальную сеть медицинских организаций в городах и селах, в том числе на труднодоступных территориях России. Правительству и региональным властям важно понимать процессы, происходящие в сфере медицинского обслуживания, без чего невозможно эффективно управлять сектором здравоохранения и достигать поставленных целей.

Несмотря на наличие исследований по проблеме развития системы здравоохранения в России и ее отдельных регионах, комплексной оценке региональных особенностей оказания медицинской помощи уделяется недостаточное внимание. В России такие региональные особенности определяются разным уровнем социально-экономического развития регионов, обеспеченностью регионов квалифицированными медицинскими работниками, а также оснащенностью организаций здравоохранения и их доступностью. Наше исследование вносит свой вклад в изучение проблемы развития системы здравоохранения на примере российских регионов. Актуальность изучения региональных аспектов этой проблемы подчеркивается в научных исследованиях, описанных в ряде отечественных и зарубежных публикаций [13; 14].

Целью нашего исследования была оценка показателей, характеризующих развитие системы здравоохранения в регионах России. При этом решались задачи разработки методологии оценки региональных особенностей развития системы здравоохранения в России, а также достигнутого уровня доступности больничной и амбулаторной медицинской помощи в регионах, наличия квалифицированного медицинского персонала. Кроме того, проводилось сравнение сложившейся оплаты труда медицинских работников и средней заработной платы по регионам России.

Структура этой работы выглядит следующим образом. Во втором разделе представлен обзор последних научных публикаций по проблеме развития здравоохранения в России. Методология, исходные данные и дизайн исследования описаны в третьем разделе. В четвертом разделе представлены результаты разработки математических моделей и оценки их качества. В пятом разделе обсуждаются результаты исследования и проверки сформулированных гипотез. В шестом разделе приведены выводы. Затем приводится список источников.

■ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В последние годы проблемам оценки уровня здравоохранения в России и ее регионах был посвящен ряд научных публикаций. Краткое описание наиболее интересных из этих публикаций приведено в таблице 1.

Основываясь на информации, приведенной в таблице 1, можно констатировать, что проблеме изучения уровня развития системы здравоохранения в России уделяется значительное внимание в научных публикациях. Большая часть публикаций была посвящена анализу проблем в стране в целом. Кроме того, в некоторых публикациях рассматривались вопросы медицинского обслуживания в определенных регионах. В то же время, на наш взгляд, проблеме комплексной оценки региональных особенностей, характерных для деятельности организаций сферы здравоохранения, не уделялось достаточного внимания. В качестве основных показателей, характеризующих действующую систему здравоохранения, в публикациях предложены следующие: для амбулаторных организаций – ежедневное количество посещений пациентов; для стационарных организаций –

¹ On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. (2022). Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018 No. 204. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335693/

Таблица 1 – Научные публикации по проблемам системы здравоохранения в России
Table 1 – Scientific publications on the problems of the healthcare system in Russia

Авторы	Исследуемые проблемы
Травникова Д.А., Шубина Е.Ю. [15]	Рассмотрена динамика изменений показателей, характеризующих оказание медицинской помощи в России за период с 1970 по 2019 год. В качестве показателей рассматривалось количество людей, получивших медицинскую помощь амбулаторно, а также количество больничных коек в стационарных медицинских организациях.
Репринцева Е.В. [16]	Проведен анализ изменений количества больничных коек в России за период с 2005 по 2018 год. Сделан вывод, что этот показатель с годами снижается. В то же время наблюдалась тенденция к увеличению количества коек в расчете на одну больницу.
Ракова Т.В. [17]	Рассмотрена динамика изменения в 2010-2019 годах такого показателя российской системы здравоохранения, как среднее количество пациентов, посещавших амбулаторно-поликлинические организации в сутки. Делается вывод, что за рассматриваемые годы значения этого показателя увеличились на восемь процентов.
Положенцева Ю.С., Муштенко Н.С., Хомутинникова А.Д. [18]	Проведен анализ средней заработной платы врачей и медицинских сестер в регионах Центрального федерального округа России за 2018 год. Показана значительная дифференциация этих показателей по регионам в зависимости от уровня экономического развития и финансовых показателей регионов.
Лазарева Н.В. [19]	Обосновано использование для характеристики системы медицинской помощи в России таких показателей, как численность врачей и медицинских сестер, а также количество больничных коек.
Иванов В.Н., Суворов А.В. [20]	Была проведена оценка количества больничных коек и количества врачей в России. Делается вывод, что, учитывая большие размеры территории и неравномерное расселение населения, представляется целесообразным увеличение этих показателей, то есть экстенсивное развитие здравоохранения. По мнению авторов, это единственный способ обеспечить доступность медицинской помощи для всего населения.
Дубина Ю.Ю. [21]	Рассмотрены финансовые аспекты развития медицинских организаций в регионах России. Предлагается использовать в качестве ключевого показателя коэффициент, отражающий соотношение заработной платы работников, занятых в медицинском секторе, и средней по региону. В целях повышения качества медицинской помощи и ее доступности предлагается обеспечить приоритетное повышение заработной платы медицинских работников.
Шишкин С.В. и др. [22]	Доказано, что существуют значительные различия в доступности медицинской помощи в разных регионах из-за дифференциации государственного финансирования в расчете на одного жителя региона.
Власова О.В. [23]	На примере Курской области рассмотрены тенденции развития системы здравоохранения в 2015-2019 годах. Приведена динамика количества врачей и больничных коек. Показано влияние уровня социально-экономического развития региона на эти показатели.
Зюкин Д.А. [24]	Рассмотрены основные результаты процессов оптимизации отрасли здравоохранения в России за период с 2016 по 2018 год. Делается вывод, что в этот период произошло увеличение доступности амбулаторного лечения за счет увеличения количества соответствующих организаций. Расширились возможности предоставления услуг в организациях первичной медико-санитарной помощи, а также профилактики заболеваний. Предлагается использовать количество посещений в день в качестве показателя, характеризующего деятельность этих организаций.
Беляев С.А. [25]	Рассмотрены стратегические направления развития здравоохранения в регионах России. Показано, что для обеспечения доступности медицинских услуг необходимо увеличить количество медсестер в сфере здравоохранения.

Источник: Таблица составлена автором на основе информации, представленной в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

количество больничных коек; численность медицинского персонала; количество медсестер; соотношение заработной платы медицинских работников и средней заработной платы по регионам. Этим показателям было посвящено большинство исследований российских ученых. Анализ опубликованных научных работ позволил нам сделать вывод о том, что представляется логичным использовать относительные показатели для сравнения значений показателей по регионам, поскольку регионы существенно различаются по количеству хозяйствующих

субъектов, численности населения, размерам и местоположению. Принимая это во внимание, представляется целесообразным изучить проблему медицинского обслуживания именно с учетом относительных показателей.

■ МЕТОДИКА И ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

В нашей статье рассматриваются следующие показатели: количество больничных коек, приходящихся на десять тысяч жителей региона (первый показатель); доступность амбулаторно-поликлинических организаций в расчете

на десять тысяч жителей региона (второй показатель); количество врачей, приходящихся на десять тысяч жителей региона (третий показатель); количество медсестер, приходящихся на десять тысяч жителей региона (четвертый показатель); отношение средней заработной платы медицинских работников к средней заработной плате по региону (пятый показатель).

Процесс исследования состоит из пяти этапов. На первом этапе была собрана информация о деятельности всех организаций здравоохранения, расположенных в регионах России, в 2020 году. Были сформированы базы исходных данных, характеризующие общее количество посещений пациентами амбулаторных организаций в каждом из регионов, количество больничных коек в стационарных медицинских организациях в каждом из регионов, количество врачей, которые работают в каждом из регионов, количество профессиональных медсестер в каждом из регионов, сумма расходов на выплату заработной платы медицинским работникам в каждом из регионов. Кроме того, была собрана информация о численности населения, а также о средней заработной плате для всего круга работников в каждом из регионов. На втором этапе были рассчитаны значения вышеуказанных пяти показателей для каждого из регионов. На третьем этапе были разработаны математические модели и оценено распределение показателей по регионам. На четвертом этапе были определены средние значения показателей по регионам России, а также диапазоны, в которых находятся значения этих показателей для большинства из них. На пятом этапе были определены регионы, которые характеризовались максимальными и минимальными значениями показателей по данным за 2020 г. Анализ ANOVA был проведен для групп регионов с максимальными и минимальными значениями показателей.

В качестве эмпирической базы исследования использовалась официальная статистическая информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации². Эти данные за 2020 год являются наиболее актуальными на момент написания статьи. В процессе исследования рассматривалась информа-

ция по 82 регионам. При этом данные по таким субъектам Российской Федерации, как Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа учитывались в данных по таким регионам, как Архангельская и Тюменская области. Соответствующая методика принята в Федеральной службе государственной статистики.

В этом исследовании были проверены следующие гипотезы:

гипотеза 1 – в большинстве регионов России значения первых четырех показателей во многом аналогичны соответствующим значениям в экономически развитых странах;

гипотеза 2 – значения всех пяти показателей, характеризующих развитие медицинской помощи, различаются по регионам, но коэффициенты вариации по каждому из этих показателей не очень велики (то есть не превышают 33%);

гипотеза 3 – регионы, в которых отмечены максимальные и минимальные значения каждого из пяти показателей, расположены в разных федеральных округах. То есть территориальное расположение регионов не влияет на максимальные и минимальные значения показателей.

Оценка распределений значений пяти рассматриваемых показателей по регионам России проводилась на основе математического моделирования исходных эмпирических данных. В качестве моделей использовались функции плотности нормального распределения, метод разработки которых для оценки значений относительных показателей был предложен автором. Некоторые аспекты использования методологии приведены в статьях [26; 27].

Дисперсионный анализ показателей по регионам с минимальными и максимальными их значениями был основан на методе ANOVA [28]. Процедура однофакторного дисперсионного анализа включала определение соотношения между внутригрупповой дисперсией и межгрупповой дисперсией по группам с максимальными и минимальными значениями показателей. Дисперсионный анализ позволил проверить, насколько дисперсия, вызванная различием между группами, была больше по сравнению с дисперсией, вызванной внутригрупповой дифференциацией. То есть, установить наличие существенных различий между группами регионов с максимальными и минимальными значениями каждого из показателей.

² Здравоохранение. Федеральная служба государственной статистики. М., 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 20.03.2022).

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе вычислительного эксперимента было проведено экономико-математическое моделирование на основе эмпирических данных. Модели, описывающие распределения (y_1 ; y_2 ; y_3 ; y_4 ; y_5) пяти показателей (x_1 ; x_2 ; x_3 ; x_4 ; x_5), показаны ниже:

- количество больничных коек, приходящихся на десять тысяч жителей региона

$$y_1(x_1) = \frac{1025,17}{12,76 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 84,74)^2}{2 \cdot 12,76 \cdot 12,76}} \quad (1)$$

- доступность амбулаторно-поликлинических организаций в расчете на десять тысяч жителей региона

$$y_2(x_2) = \frac{3895,21}{52,06 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 288,99)^2}{2 \cdot 52,06 \cdot 52,06}} \quad (2)$$

- количество врачей, приходящихся на десять тысяч жителей региона

$$y_3(x_3) = \frac{820,43}{9,49 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3 - 48,35)^2}{2 \cdot 9,49 \cdot 9,49}} \quad (3)$$

- количество медсестер, приходящихся на десять тысяч жителей региона

$$y_4(x_4) = \frac{1230,57}{15,64 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4 - 106,98)^2}{2 \cdot 15,64 \cdot 15,64}} \quad (4)$$

- отношение средней заработной платы медицинских работников к средней заработной плате по региону

$$y_5(x_5) = \frac{4,61}{0,07 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5 - 1,03)^2}{2 \cdot 0,07 \cdot 0,07}} \quad (5)$$

Для определения качества разработанных функций (1)-(5) были использованы три теста (критерия качества): Колмогорова-Смирнова, Пирсона, Шапиро-Вилка. Расчетные значения статистик по этим тестам приведены в таблице 2. В этой же таблице представлены критические значения по каждому из тестов для уровня значимости 0,05.

Информация, приведенная в столбце 2 таблицы 1, показала, что все рассчитанные значения меньше критического значения по тесту Колмогорова-Смирнова. Аналогично критическое значение по тесту Пирсона (столбец 3) больше соответствующих расчетных статистик. Данные, приведенные в столбце 4, больше критического значения теста Шапиро-Вилка. Следовательно, можно сделать вывод, что разрабо-

Таблица 2 – Расчетные и критические значения статистик

Table 2 – Calculated and critical values of statistics

Показатели	Тест Колмогорова-Смирнова	Тест Пирсона	Тест Шапиро-Вилка
Первый показатель	4,01	0,06	0,96
Второй показатель	4,48	0,08	0,96
Третий показатель	2,10	0,04	0,97
Четвертый показатель	2,51	0,06	0,97
Пятый показатель	0,20	0,02	0,99
Критические значения по тестам	0,174	9,49	0,93

Источник: Расчеты проведены автором на основе функций (1)–(5).

танные функции распределения обладают высоким качеством по всем трем тестам.

На следующем этапе исследования проводилась оценка рассматриваемых показателей на основе разработанных функций. Значения показателей, средние по регионам России, приведены в колонке 2 таблицы 3. Эти значения были определены на основе функций (1)-(5). В третьем столбце таблицы 3 указаны стандартные отклонения для обсуждаемых показателей. Значения показателей, характеризующих верхнюю и нижнюю границы интервалов, соответствующих большинству регионов, приведены в столбце 4. Нижние границы рассчитываются как разница между средним значением и стандартным отклонением, а верхние границы – как сумма среднего значения и стандартного отклонения.

Приведенная информация подтверждает целесообразность оценки распределения показателей, характеризующих развитие медицинского обслуживания в регионах с использованием функций плотности нормального распределения.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ данных, приведенных во второй таблице, позволяет охарактеризовать уровень развития системы здравоохранения в регионах России. Среднее значение первого показателя по регионам России, а именно количества больничных коек на десять тысяч человек, проживающих в регионе, в 2020 году составило почти 85. Для большинства регионов этот показатель находился в диапазоне от 72 до 97. Значения показателя в регионах России были ниже, чем в Японии (128) и Республике Корея (124), близки к значениям аналогичных показателей в Германии (79) и Австрии (72). Следует отметить,

Таблица 3 – Характеристика рассматриваемых показателей развития медицинского обслуживания в регионах**Table 3** – Characteristics of the considered indicators of the development of medical care in the regions

Показатели	Среднее по регионам значения	Стандартные отклонения значений	Значения, характерные для большинства регионов
Первый показатель		12,76	71,98-97,50
Второй показатель	288,99	52,06	236,93-341,05
Третий показатель	48,35	9,49	38,86-57,84
Четвертый показатель	106,98	15,64	91,34-122,62
Пятый показатель	1,03	0,07	0,96-1,10

Источник: Расчеты проведены автором на основе функций (1)–(5).

что значения первого показателя в России были выше по сравнению с большинством экономически развитых европейских стран, в которых соответствующие показатели принимали значения от 21 до 68, США (28), Канадой (25) и Китаем (48)³.

Среднее значение второго показателя по регионам России в 2020 году, а именно ежедневного количества посещений амбулаторно-поликлинических учреждений на десять тысяч человек, проживающих в регионе, составило 289. В большинстве регионов значения этого показателя колебались от 237 до 341.

Среднее значение третьего показателя по регионам России в 2020 году, а именно количество врачей на десять тысяч человек, проживающих в регионе, составило 48. Для большинства регионов значения этого показателя находились в диапазоне от 39 до 58. В том же интервале были значения аналогичных показателей для таких европейских стран, как Австрия (54), Норвегия (51), Литва (46), Германия (45), Испания (44), Швеция (43), Дания (42), Чехия (41), Италия (40), Исландия (39). В других экономически развитых европейских странах значения показателей были несколько ниже и колебались от 30 до 38. Следует также отметить, что число врачей на десять тысяч человек в Китае составило 22, в США – 26 и Канаде – 28.

Среднее значение четвертого показателя по регионам России в 2020 году, а именно количество медицинских сестер на десять тысяч человек, проживающих в регионе, составило 107. Для большинства регионов значения этого показателя находились в диапазоне от 91 до 123.

³ OECD: Health at a Glance 2021: OECD Indicators. (2021). OECD Publishing, Paris.

По данным европейской медицинской статистики, более высокие значения аналогичных показателей (по сравнению с регионами России) наблюдались только в трех странах: Финляндии (143), Германии (132) и Ирландии (129)⁴. В пяти европейских странах значения показателей находятся в том же диапазоне, что и в большинстве российских регионов. Значения показателя в этих странах следующие: Люксембург – 117, Швеция – 109, Франция – 108, Словения – 101, Дания – 101. В других европейских странах значения показателей варьируются от 33 до 78.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что первая гипотеза подтвердилась.

Сравнительный анализ средних значений третьего и четвертого показателей показывает, что соотношение количества медсестер и количества врачей в России в 2020 году составило 2,2. То есть количество медсестер более чем в два раза превышало количество врачей. Следует отметить, что аналогичные значения этого коэффициента наблюдались в таких странах, как Эстония, Румыния⁵. Самые высокие значения (более 6) соотношения числа медсестер и врачей в европейском регионе наблюдались в таких странах, как Бельгия и Норвегия. Относительно высокие значения этого коэффициента (от 4 до 5) были в Швейцарии, Ирландии и Люксембурге. В некоторых странах число медсестер было больше, чем число врачей, но соотношение не превышало двух. К этим странам относятся Литва, Австрия, Португалия, Болгария, Италия, Испания, Словакия, Латвия.

Среднее значение пятого показателя по регионам России в 2020 году, а именно отношение заработной платы врачей и медсестер к средней заработной плате по региону, составило 1,03. Для большинства регионов значения этого показателя находились в диапазоне от 0,96 до 1,10. Следовательно, в большинстве регионов России средняя заработная плата в системе здравоохранения незначительно отличалась от уровня заработной платы всех работников в

⁴ Eurostat: Healthcare personnel statistics – nursing and caring professionals. (2022). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Healthcare_personnel_statistics_-_nursing_and_caring_professionals. (дата обращения: 20.03.2022).

⁵ World health statistics 2020: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. (2020). Geneva: World Health Organization.

регионах в целом. Следует отметить, что в системе здравоохранения США заработная плата была почти в полтора раза выше средней зарплаты всех сотрудников в стране, а в Германии и Франции медицинские работники получали на треть более высокую зарплату по сравнению со средней по этим странам⁶.

Данные третьей таблицы позволяют сделать вывод о дифференциации значений показателей по регионам. Была проанализирована степень вариации каждого из показателей. Для этой цели мы использовали стандартные отклонения, указанные в колонке 3. Индексы вариации следующие: по первому показателю – 15%, по второму показателю – 18%, по третьему показателю – 20%, по четвертому показателю – 14%, по пятому показателю – 7%. Этот анализ показал, что в рассматриваемых регионах уровень дифференциации значений всех пяти показателей был ниже 33%, то есть не очень значителен. Следовательно, вторая гипотеза подтвердилась.

Следующим этапом было определение регионов, в которых были отмечены максимальные и минимальные значения каждого из показателей. Максимальными значениями являются те, которые превышают верхние границы диапазонов, указанных в столбце 4 таблицы 2, а минимальными значениями являются те, которые меньше нижних границ этих диапазонов. Далее приведены перечни регионов, в которых отмечались максимальные значения каждого из пяти показателей.

По первому показателю максимальные значения были в Забайкальском крае, Мурманской обл., Респ. Тыва, Магаданской обл., Камчатском крае, Сахалинской обл., Еврейской АО, Чукотском АО.

По второму показателю максимальные значения были в Чувашской и Удмуртской Респ., Липецкой обл., г. Санкт-Петербурге, Респ. Хакасия, Владимирской, Новгородской и Архангельской обл., Респ. Коми, Магаданской обл., Чукотском АО.

По третьему показателю максимальные значения были в Респ. Саха, Астраханской, Магаданской и Сахалинской обл., г. Москве, Респ. Северная Осетия – Алания, Чукотском АО, г. Санкт-Петербурге.

По четвертому показателю максимальные значения были в Респ. Алтай, Ульяновской, Архангельской, Мурманской и Тюменской обл., Респ. Саха, Сахалинской обл., Чукотском АО, Респ. Коми и Тыве, Магаданской обл.

По пятому показателю максимальные значения были в Респ. Тыва, Чувашской Респ., Калининградской и Новгородской обл., Респ. Ингушетия, Псковской и Пензенской обл., Респ. Алтай, Московской обл., Респ. Калмыкия, г. Севастополе.

Далее приведены перечни регионов, в которых отмечались минимальные значения каждого из пяти показателей.

По первому показателю минимальные значения были в Респ. Ингушетии, Ленинградской обл., Чеченской Респ., Респ. Татарстан и Адыгея, Белгородской обл., Респ. Дагестан, г. Москве.

По второму показателю минимальные значения были в Чеченской Респ., Респ. Крым, г. Севастополе, Респ. Ингушетии, Кабардино-Балкарской Респ., Пермском крае, Карачаево-Черкесской Респ., Томской обл., Краснодарском и Ставропольском крае.

По третьему показателю минимальные значения были в Курганской обл., Чеченской Респ., Псковской и Вологодской обл., Респ. Марий Эл, Владимирской, Костромской и Ленинградской обл., Еврейской АО, Ростовской обл.

По четвертому показателю минимальные значения были в Ленинградской обл., г. Севастополе, Чеченской Респ., Московской и Калининградской обл., Приморском крае, Респ. Ингушетия, Ростовской и Томской обл., Респ. Дагестан, г. Москве, Краснодарском крае.

По пятому показателю минимальные значения были в Забайкальском крае, Красноярском крае, Магаданской, Астраханской, Липецкой, Костромской, Рязанской, Кемеровской и Вологодской обл., Респ. Марий Эл, Краснодарском крае, Архангельской, Томской и Орловской обл., Ставропольском крае, Мурманской обл.

Анализ местоположения регионов с максимальными и минимальными значениями каждого из пяти показателей продемонстрировал, что они относятся к разным федеральным округам. Это позволяет нам сделать вывод, что третья гипотеза подтвердилась.

Далее проводился так называемый ANOVA-анализ. Он был направлен на сравнение значений показателей по приведенным выше двум

⁶ SalaryExplorer. (2022). URL: <http://www.salaryexplorer.com/> (дата обращения: 20.03.2022).

Таблица 4 – Статистические характеристики, описывающие группы регионов
Table 4 – Statistical characteristics describing groups of regions

Статистические характеристики	Показатели				
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый
Среднее по регионам с максимальными значениями показателей, %	111,29	386,33	69,03	135,88	1,14
Среднее по регионам с минимальными значениями показателей, %	64,27	213,16	35,28	84,19	0,94
Дисперсия по регионам с максимальными значениями	88,63	2096,20	88,86	109,62	0,002
Дисперсия по регионам с минимальными значениями	56,25	455,54	9,44	37,11	0,001
Дисперсия между группами регионов с максимальными и минимальными значениями	8843,34	157074,26	5061,00	15334,22	0,281
Дисперсия внутри групп регионов с максимальными и минимальными значениями	72,44	1319,05	44,18	71,64	0,001
Критерий Фишера	122,08	119,08	114,55	214,04	291,52
Критическое значение по критерию Фишера	4,60	4,38	4,49	4,32	4,24
Уровень значимости	менее 0,01	менее 0,01	менее 0,01	менее 0,01	менее 0,01

Источник: Расчеты проведены автором на основе показателей (1)–(5).

группам регионов, а именно по группе, включающей регионы, в которых наблюдались максимальные значения показателей, и регионами, в которых отличались минимальные значения показателей. При этом по каждому из рассматриваемых пяти показателей были проведены сравнения двух групп регионов соответственно с максимальными и минимальными значениями показателей. Итоги ANOVA-анализа приведены в таблице 4. В ней по каждой из этих групп регионов указаны статистические оценки. В первой и второй строках таблицы представлены соответственно средние значения показателей по группам регионов с максимальными и минимальными значениями. В третьей и четвертой строках приведены дисперсии по каждой из групп регионов с максимальными значениями и минимальными значениями показателей. В следующих строках представлены межгрупповые оценки по группам регионов.

Анализ данных, приведенных в таблице 4, показывает, что для групп регионов, характеризующихся максимальными и минимальными значениями показателей, отмечаются относительно небольшие дисперсии внутри каждой группы. Это показывает, что в каждую из таких групп включены регионы с близкими по величине значениями показателей.

В это же время средние величины по группам регионов с максимальными значениями показателей существенно отличаются от средних величин по группам регионов с минимальными значениями. Дисперсия между группами ре-

гионов с максимальными и минимальными значениями намного больше дисперсий, характерных для каждой из групп по всем трем рассматриваемым показателям. Статистические характеристики ANOVA по межгрупповым различиям, а именно по критериям Фишера и уровню значимости показали высокое качество полученных оценок. Таким образом, данные, приведенные в таблице 4, позволяют сделать вывод, что по каждому из пяти рассматриваемых в статье показателей имеются существенные различия между значениями показателей, которые соответствуют группам регионов с максимальными и минимальными их значениями.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данного исследования, связанная с оценкой показателей, характеризующих развитие системы здравоохранения в регионах России, была достигнута. Полученные результаты обладают научной новизной и оригинальностью. В ходе исследования были рассмотрены пять показателей, характеризующих оказание медицинской помощи в специализированных организациях, наличие врачей и медсестер в регионах, а также уровень оплаты труда медицинских специалистов, достигнутый в 2020 году. Предложен метод оценки этих пяти показателей с использованием функций плотности нормального распределения. На основе предложенной методологии было оценено распределение этих показателей в 2020 году по 82 регионам России.

Наше исследование вносит определенный вклад в понимание региональных особенностей медицинской помощи, оказываемой населению. Были получены новые знания о деятельности системы здравоохранения в регионах России. Эти новые знания связаны с доказательством того факта, что распределения значений рассматриваемых показателей по регионам подчиняются закону нормального распределения. В результате вычислительного эксперимента были получены соответствующие функции, проверка которых показала высокий уровень аппроксимации ими эмпирических данных по каждому из трех тестов. Были получены несмещенные оценки средних по регионам значений рассматриваемых показателей. Исследование показало, что на каждые десять тысяч человек, проживающих в регионах, приходится в среднем 85 больничных коек. В организациях, занимающихся амбулаторной диагностикой и лечением заболеваний, ежедневно обслуживалось в среднем 289 пациентов на каждые десять тысяч человек, проживающих в регионах. На десять тысяч жителей регионов в системе здравоохранения в среднем работало 48 врачей со специальным медицинским образованием. Количество медсестер превысило количество врачей в 2,2 раза. В регионах России в среднем на десять тысяч жителей приходилось 107 медсестер. Анализ показал, что в большинстве регионов средняя заработная плата в сфере здравоохранения существенно не отличалась от средней заработной платы в соответствующем регионе. Средние значения первых четырех показателей по регионам России были примерно на том же уровне, что и в экономически развитых европейских странах. Значения пятого показателя для регионов России были ниже по сравнению со странами Европейского Союза и США.

К новизне данного исследования относился вывод, что наблюдалась определенная дифференциация значений пяти рассматриваемых показателей по регионам. В то же время эта дифференциация была не очень существенной, поскольку коэффициенты вариации значений показателей не превышали 20%. Исследование

позволило составить перечни регионов, которые характеризовались максимальными и минимальными значениями пяти рассматриваемых показателей. Было показано, что территориальное расположение регионов не влияет на максимальные и минимальные значения показателей. То есть, экстремальные значения наблюдались в регионах, относящихся к различным федеральным округам.

Практическая значимость исследования для государственных и региональных органов власти заключается в учете особенностей развития системы здравоохранения в регионах России. Результаты работы могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных структур, связанных с организацией медицинской помощи населению и обоснованием выделения дополнительных ресурсов регионам с низким уровнем медицинского обслуживания. Учитывая небольшие значения пятого показателя в России по сравнению с экономически развитыми странами, дальнейшее развитие системы здравоохранения в России, на наш взгляд, должно быть связано с повышением уровня оплаты труда медицинского персонала.

Полученные новые знания представляют интерес и могут быть использованы в образовательных программах высшего образования по соответствующим специальностям. Методология, предложенная в исследовании, может быть использована при расчете распределения аналогичных показателей по регионам с большим количеством территориальных образований.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на определение тенденций и закономерностей изменения показателей, рассматриваемых в этой работе, в последующие годы. Кроме того, особый интерес представляет оценка показателей медицинского обслуживания в отдельных муниципальных образованиях, входящих в каждый из регионов России. Для такой оценки может быть использован методологический подход, основанный на разработке функций плотности нормального распределения, который приведен в данной работе. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Preston S.H. (2007). The changing relation between mortality and level of economic development, *International Journal of Epidemiology*, vol. 36, no. 3, pp. 484–490. DOI: [10.1093/ije/dym075](#). EDN: [IQBCIT](#).
2. Shkolnikov V., Andreev E., Tursun-zade R., Leon D. (2019). Patterns in the relationship between life expectancy and gross domestic product in Russia in 2005–15: a cross-sectional analysis, *The Lancet Public Health*, vol. 4, no. 4, pp. e181–e188. DOI: [10.1016/S2468-2667\(19\)30036-2](#). EDN: [DRTCDS](#).
3. Al-Hanawi M.K., Khan S.A., Al-Borie H.M. (2019). Healthcare human resource development in Saudi Arabia: emerging challenges and opportunities—a critical review, *Public Health Reviews*, vol. 40, art. 1. DOI: [10.1186/s40985-019-0112-4](#).
4. Britto M., Fuller S., Kaplan H., Kotagal U., Lannon C., Margolis P., Muething S., Schoettker P., Seid M. (2018). Using a network organisational architecture to support the development of Learning Healthcare Systems, *BMJ Quality & Safety*, vol. 27, pp. 937–946. DOI: [10.1136/bmjqs-2017-007219](#).
5. Durrani H. (2016). Healthcare and healthcare systems: inspiring progress and future prospects, *Mhealth*, vol. 2, art. 3. DOI: [10.3978/j.issn.2306-9740.2016.01.03](#).
6. Milcent C. (2016). Evolution of the Health System: Inefficiency, Violence, and Digital Healthcare, *China Perspectives*, vol. 4, pp. 39–50. DOI: [10.4000/chinaperspectives.7112](#).
7. Karani F. (2014). Spatial heterogeneity of the US healthcare organization in the context of reform, *American journal of economics and control systems management*, vol. 4, no. 2, pp. 47–54.
8. Lacouz I., Midler G. (2021). Antique US Government and State Health, *American journal of law & medicine*, vol. 47, no. 1, pp. 104–122.
9. Sokanto G.L., Bruise S. (2021). Regional policy for health care reform in the United States. Administration approaches from Obama to Trump, *American review of public administration*, vol. 51, no. 2, pp. 62–77.
10. Чубарова Т.В. Эффективное здравоохранение как условие воспроизводства человеческого потенциала: современные вызовы для социальной политики // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4. № 3. С. 607–628. DOI: [10.18334/ecsec.4.3.112706](#). EDN: [AMBBJP](#).
11. Haldane V., De Foo Chuan, Abdalla S., Jung A.-S., Tan M., Wu S., Chua A., Verma M., Shrestha P., Singh S., Perez T., See M.T., Bartos M., Mabuchi Shunsuke, Bonk M., McNab C., Werner G., Panjabi R., Nordström A., Legido-Quigley H. (2021). Health systems resilience in managing the COVID-19 pandemic: lessons from 28 countries, *Nature Medicine*, vol. 27, pp. 964–980. DOI: [10.1038/s41591-021-01381-y](#). EDN: [DWDKXM](#).
12. Karan A., Wadhera R. (2021). Healthcare System Stress Due to Covid-19: Evading an Evolving Crisis, *Journal of Hospital Medicine*, vol. 16, no. 2, art. 127. DOI: [10.12788/jhm.3583](#).
13. Калашников К.Н. Ресурсное обеспечение российского здравоохранения: проблемы территориальной дифференциации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 1 (37). С. 72–87. DOI: [10.15838/esc/2015.1.37.5](#). EDN: [TMQOLR](#).
14. Кодзоков Р.А. Противоречия ресурсного обеспечения российского здравоохранения // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 12. С. 251–257. DOI: [10.5281/zenodo.5833455](#). EDN: [ATDKAB](#).
15. Травникова Д.А., Шубина Е.Ю. Анализ и оценка динамики показателей развития системы здравоохранения России // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 10. С. 142–149. DOI: [10.34755/IROK.2020.90.35.104](#). EDN: [WSDXRD](#).
16. Репринцева Е.В. Оценка показателей развития больничной сети здравоохранения России // Региональный вестник. 2020. № 7 (46). С. 83–85. EDN: [JFEAFO](#).
17. Ракова Т.В. О состоянии системы здравоохранения РФ перед пандемией коронавируса // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 267–269. DOI: [10.26140/anie-2021-1002-0053](#). EDN: [DUECTP](#).
18. Положенцева Ю.С., Муштенко Н.С., Хомутинникова А.Д. Анализ эффективности системы здравоохранения: основные тенденции развития и перспективы модернизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 3. С. 123–139. EDN: [QDGCFC](#).
19. Лазарева Н.В. Ресурсный потенциал системы здравоохранения // Проблемы совершен-

ствования организации производства и управления промышленными предприятиями : Межвузовский сборник научных трудов. 2021. № 1. С. 32–37. EDN: [AOSIZN](#).

20. Иванов В.Н., Суворов А.В. Современные проблемы развития российского здравоохранения. Часть 1 // Проблемы прогнозирования. 2021. № 6 (189). С. 59–71. DOI: [10.47711/0868-6351-189-59-71](#). EDN: [RIKFSG](#).

21. Дубина Ю.Ю. О подходах к оценке эффективности затрат на развитие сферы здравоохранения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 263–267. DOI: [10.22394/2079-1690-2021-1-1-263-267](#). EDN: [ZPNNSO](#).

22. Шишкин С.В., Шейман И.М., Абдин А.А., Боярский С.Г., Сажина С.В. Российское здравоохранение в новых экономических условиях: вызовы и перспективы. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. 84 с.

23. Власова О.В. О тенденциях развития системы здравоохранения региона в текущих социально-экономических условиях // Наука и практика регионов. 2021. № 3 (24). С. 47–51. EDN: [RDQBGN](#).

24. Зюкин Д.А. О результатах процесса оптимизации ресурсов в системе здравоохранения // Политика, экономика и инновации. 2020. № 6 (35). С. 8. EDN: [HVVHGN](#).

25. Беляев С.А. Разработка мероприятий стратегического развития учреждения здравоохранения // Региональный вестник. 2021. № 1 (57). С. 5–7. EDN: [WSMBYD](#).

26. Пиньковецкая Ю.С. Оценка возраста начала предпринимательской деятельности женщинами в современных национальных экономиках // Вопросы управления. 2021. № 2 (69). С. 78–89. DOI: [10.22394/2304-3369-2021-2-78-89](#). EDN: [RCMZSQ](#).

27. Pinkovetskaia I., Nuretdinova Y., Nuretdinov I., Lipatova N. (2021). Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution, *Revista de la Universidad Del Zulia*, vol. 12, no. 33, pp. 34–49. DOI: [10.46925//rdluz.33.04](#). EDN: [XEQTMX](#).

28. Ostertagova E., Ostertag O. (2013). Methodology and Application of One-way ANOVA, *American Journal of Mechanical Engineering*, vol. 1, art. 7, pp. 256–261.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пиньковецкая Юлия Семеновна – кандидат экономических наук, доцент; Ульяновский государственный университет (432011, Россия, Ульяновск, 2 пер. Мира, 27/6); judy54@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: [542740](#), ORCID: [0000-0002-8224-9031](#), ScopusID: [57192312196](#), ResearcherID: [D-3051-2017](#).

ASSESSING THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL HEALTH CARE SYSTEMS IN RUSSIA

Pinkovetskaia Yu.S.^a

^a Ulyanovsk State University

ABSTRACT:

The development of healthcare is currently an urgent problem in Russia and its regions. The aim of the study was to evaluate five indicators characterizing the development of the healthcare system in the regions of Russia. At the same time, the tasks of developing a methodology for assessing the regional features of the development of the healthcare system in Russia, as well as the achieved level of accessibility of hospital and outpatient medical care in the regions, the availability of qualified medical personnel, as well as their remuneration were solved. The study used official statistical information on the activities of medical organizations located in all 82 regions of Russia for 2020. The density functions of the normal distribution were used as models. The study showed that, on average, the following specific values of indicators were achieved for ten thousand inhabitants in the regions. 85 hospital beds, there are ten thousand inhabitants. The capacity

of outpatient organizations was 289 patients for ten thousand inhabitants. On average, there are 48 doctors and 107 nurses per ten thousand residents. In most regions, remuneration in the healthcare sector did not differ significantly from the average pay in the corresponding region. The proposed methodological approach and the results obtained have scientific novelty, since a comprehensive assessment of the regional features of medical care in the regions of Russia has not been carried out before. The practical significance of the study for state and regional authorities is to take into account the peculiarities of the development of the healthcare system in the regions of Russia. The results of the work can be used in the activities of federal and regional structures related to the organization of medical care to the population and the justification for allocating additional resources to regions with a low level of medical care.

KEYWORDS: medical services, inpatient treatment, outpatient treatment, hospital beds, doctors, remuneration, regions of Russia.

FOR CITATION: Pinkovetskaia Yu.S. (2022). Assessing the development of the regional health care systems in Russia, *Management Issues*, no. 5, pp. 34–46. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/03>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-34-46. EDN: QSRHWG.

REFERENCES

1. Preston S.H. (2007). The changing relation between mortality and level of economic development, *International Journal of Epidemiology*, vol. 36, no. 3, pp. 484–490. DOI: 10.1093/ije/dym075. EDN: IQBCIT.
2. Shkolnikov V., Andreev E., Tursun-zade R., Leon D. (2019). Patterns in the relationship between life expectancy and gross domestic product in Russia in 2005–15: a cross-sectional analysis, *The Lancet Public Health*, vol. 4, no. 4, pp. e181–e188. DOI: 10.1016/S2468-2667(19)30036-2. EDN: DRTCDS.
3. Al-Hanawi M.K., Khan S.A., Al-Borie H.M. (2019). Healthcare human resource development in Saudi Arabia: emerging challenges and opportunities—a critical review, *Public Health Reviews*, vol. 40, art. 1. DOI: 10.1186/s40985-019-0112-4.
4. Britto M., Fuller S., Kaplan H., Kotagal U., Lannon C., Margolis P., Muething S., Schoettker P., Seid M. (2018). Using a network organisational architecture to support the development of Learning Healthcare Systems, *BMJ Quality & Safety*, vol. 27, pp. 937–946. DOI: 10.1136/bmjqs-2017-007219.
5. Durrani H. (2016). Healthcare and healthcare systems: inspiring progress and future prospects, *Mhealth*, vol. 2, art. 3. DOI: 10.3978/j.issn.2306-9740.2016.01.03.
6. Milcent C. (2016). Evolution of the Health System: Inefficiency, Violence, and Digital Healthcare, *China Perspectives*, vol. 4, pp. 39–50. DOI: 10.4000/chinaperspectives.7112.
7. Karani F. (2014). Spatial heterogeneity of the US healthcare organization in the context of reform, *American journal of economics and control systems management*, vol. 4, no. 2, pp. 47–54.
8. Lacouz I., Midler G. (2021). Antique US Government and State Health, *American journal of law & medicine*, vol. 47, no. 1, pp. 104–122.
9. Sokanto G.L., Bruise S. (2021). Regional policy for health care reform in the United States. Administration approaches from Obama to Trump, *American review of public administration*, vol. 51, no. 2, pp. 62–77.
10. Chubarova T.V. (2021). Effective healthcare as a condition for the reproduction of human potential: modern challenges for social policy, *Economic Security*, vol. 4, no. 3, pp. 607–628. DOI: 10.18334/ecsec.4.3.112706. EDN: AMBBJP.
11. Haldane V., De Foo Chuan, Abdalla S., Jung A.-S., Tan M., Wu S., Chua A., Verma M., Shrestha P., Singh S., Perez T., See M.T., Bartos M., Mabuchi Shunsuke, Bonk M., McNab C., Werner G., Panjabi R., Nordström A., Legido-Quigley H. (2021). Health systems resilience in managing the COVID-19 pandemic: lessons from 28 countries, *Nature Medicine*, vol. 27, pp. 964–980. DOI: 10.1038/s41591-021-01381-y. EDN: DWDKXM.
12. Karan A., Wadhera R. (2021). Healthcare System Stress Due to Covid-19: Evading an Evolving Crisis, *Journal of Hospital Medicine*, vol. 16, no. 2, art. 127. DOI: 10.12788/jhm.3583.
13. Kalashnikov K.N. (2015). Resource security of healthcare in Russia: issues of territorial differentiation, *Economic and Social Changes: Facts, Trends*,

Forecast, no. 1 (37), pp. 72–87. DOI: [10.15838/esc/2015.1.37.5](https://doi.org/10.15838/esc/2015.1.37.5). EDN: [TMQOLR](#).

14. Kodzokov R.L. (2021). Contradictions in the resource provision of Russian healthcare, *Humanitarian Scientific Bulletin*, no. 12, pp. 251–257. DOI: [10.5281/zenodo.5833455](https://doi.org/10.5281/zenodo.5833455). EDN: [ATDKAB](#).

15. Travnikova D.A., Shubina E.Yu. (2020). Analysis and assessment of the dynamics of the development indicators of the Russian health system, *Issues of sustainable development of society*, no. 10, pp. 142–149. DOI: [10.34755/IROK.2020.90.35.104](https://doi.org/10.34755/IROK.2020.90.35.104). EDN: [WSDXRD](#).

16. Reprintseva E.V. (2020). Assessment of the development indicators of the hospital health network of Russia, *Regional Bulletin*, no. 7 (46), pp. 83–85. EDN: [JFEAFO](#).

17. Rakova T.V. (2021). On the state of the RF healthcare system before the coronavirus pandemic, *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 10, no. 2 (35), pp. 267–269. DOI: [10.26140/anie-2021-1002-0053](https://doi.org/10.26140/anie-2021-1002-0053). EDN: [DUECTP](#).

18. Posentseva Yu.S., Mustenko N.S., Khomutinnikov A.D. (2020). Analysis of Health System Efficiency: Main Trends of Development and Prospects of Modernization, *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, vol. 10, no. 3, pp. 123–139. EDN: [QDGCFC](#).

19. Lazareva N.V. (2021). Resource potential of the health care system, *Problems of improving the organization of production and management of industrial enterprises: Interuniversity proceedings of scientific papers*, no. 1, pp. 32–37. EDN: [AOSIZN](#).

20. Ivanov V.N., Suvorov A.V. (2021). Modern Development Problems of Russian Health Care (Part 1), *Studies on Russian Economic Development*, no. 6 (189), pp. 59–71. DOI: [10.47711/0868-6351-189-59-71](https://doi.org/10.47711/0868-6351-189-59-71). EDN: [RIKFSG](#).

21. Dubina Yu.Yu. (2021). On approaches to cost-efficiency assessment of the healthcare sector development, *State and Municipal Management. Scholar Notes*, no. 1, pp. 263–267. DOI: [10.22394/2079-1690-2021-1-1-263-267](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-1-263-267). EDN: [ZPNNSO](#).

22. Shishkin S.V., Sheiman I.M., Abdin A.A., Boyarsky S.G., Sazhina S.V. (2017). Russian healthcare in new economic conditions: challenges and prospects. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”. 84 p.

23. Vlasova O.V. (2021). Trends in the development of the region’s healthcare system in the current socio-economic conditions, *Science and practice of regions*, no. 3 (24), pp. 47–51. EDN: [RDQBGH](#).

24. Zyukin D.A. (2020). On the results of the resource optimization process in the healthcare system, *Policy, Economy and Innovations*, no. 6 (35), p. 8. EDN: [HVVHGN](#).

25. Belyaev S.A. (2021). Design of measures for the strategic development of a healthcare institution, *Regional Bulletin*, no. 1 (57), pp. 5–7. EDN: [WSMBYD](#).

26. Pinkivovetskaya Yu.S. (2021). Analysis of the age at which women start entrepreneurship in modern national economies, *Management Issues*, no. 2 (69), pp. 78–89. DOI: [10.22394/2304-3369-2021-2-78-89](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-2-78-89). EDN: [RCMZSQ](#).

27. Pinkovetskaia I., Nuretdinova Y., Nuretdinov I., Lipatova N. (2021). Mathematical modeling on the base of functions density of normal distribution, *Revista de la Universidad Del Zulia*, vol. 12, no. 33, pp. 34–49. DOI: [10.46925//rdluz.33.04](https://doi.org/10.46925//rdluz.33.04). EDN: [XEQTMX](#).

28. Ostertagova E., Ostertag O. (2013). Methodology and Application of One-way ANOVA, *American Journal of Mechanical Engineering*, vol. 1, art. 7, pp. 256–261.

AUTHORS' INFORMATION:

Yulia S. Pinkovetskaia – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ulyanovsk State University (27/6, 2nd Mira Lane, Ulyanovsk, 432011, Russia); judy54@yandex.ru. RSCI AuthorID: [542740](#), ORCID: [0000-0002-8224-9031](#), ScopusID: [57192312196](#), ResearcherID: [D-3051-2017](#).

МОДЕЛЬ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Мокроносов А.Г.^а, Зайцева Е.М.^б

^а Уральский государственный экономический университет

^б Администрация города Магнитогорска

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена вопросу повышения результативности муниципальной поддержки развития сферы малого и среднего предпринимательства (МСП) на основе приведения сложившегося методического инструментария ее осуществления в соответствие с современными управленческими технологиями, адекватными возможностям цифровой трансформации экономики и вызовам внешней среды. Согласно авторской гипотезе, одним из ключевых факторов решения исследуемой проблемы является устранение противоречия между возрастающей значимостью института местного самоуправления в многоуровневой поддержке развития сферы МСП в России, его роли в устойчивом развитии муниципальной экономики и недостаточной разработкой методов оценки результативности предлагаемых муниципалитетами мероприятий и организационно-экономического механизма их реализации.

В статье на основе результатов обобщения теоретической базы и систематизации методологических подходов к решению проблемы дана авторская трактовка структуры и содержания принципов оценки результативности муниципальной поддержки развития сферы МСП, предложена концептуальная модель оценки результативности деятельности органов местного самоуправления и разработаны рекомендации по совершенствованию организационно-экономического механизма ее внедрения.

Научная новизна предлагаемой модели оценки заключается в построении ее алгоритма на концептуальных положениях сбалансированной системы показателей, адаптированной к специфике отраслевой структуры экономики территории, а также к особенностям экосистемного подхода к исследованию сферы МСП муниципального образования как социально-экономического кластера. Особое внимание в модели уделяется выбору стратегических направлений поддержки сферы МСП на основе построения матрицы SWOT-анализа, выстраиванию сетевых взаимодействий между субъектами МСП и крупным корпоративным бизнесом, в том числе градообразующими предприятиями, вузами, научными центрами и другими стейкхолдерами.

Оценку результативности, отражающую характер соответствия реализуемых мероприятий стратегическому целеполаганию, предполагается осуществлять в органической взаимосвязи с расчетом показателей четырех видов эффективности: экономической, бюджетной, социальной, инвестиционной, с последующим определением интегрального показателя эффективности. В целях снижения транзакционных издержек и повышения качества муниципальных услуг в статье обосновывается целесообразность совершенствования организационно-экономического механизма реализации предлагаемой модели путем применения проектного подхода в деятельности муниципальной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: муниципальная поддержка предпринимательства, методический инструментарий, оценка результативности, проектное управление.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мокроносов А.Г., Зайцева Е.М. Модель повышения результативности муниципальной поддержки развития сферы малого и среднего предпринимательства // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 47–64. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/04>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-47-64. EDN: NMAXTY.

■ ВВЕДЕНИЕ

Динамичное развитие экономики, как отмечает Президент РФ, необходимо обеспечивать с опорой на частный бизнес¹. Развитие сферы малого и среднего предпринимательства (МСП) в решении данной задачи имеет особое значение, так как является условием гибкости рыночной экономики, обеспечивает ее устойчивость, способствует решению таких социально-экономических проблем, как обеспечение занятости, повышение доходов и качества жизни населения, усиление инновационного вектора роста, формирование и развитие человеческого капитала.

Предпринимательская деятельность, направленная на пользу России, должна получать максимальную поддержку и пространство для реализации на всех уровнях государственного регулирования. При этом муниципальная поддержка сферы МСП является обязательным элементом существующей многоуровневой системы мероприятий по развитию предпринимательской инициативы на основе использования широкого спектра современных методов управления. Актуальность повышения результативности муниципального уровня поддержки МСП как научной проблемы обусловлено, с одной стороны, возрастанием социально-экономической значимости вопросов устойчивого развития этой сферы, вследствие усиления угроз внешней среды, связанных с коронавирусной пандемией и масштабным санкционным давлением, с другой – недостаточной разработкой целого ряда теоретико-методологических аспектов исследования результативности деятельности органов местного самоуправления, реализуемого в новых реалиях.

В настоящее время можно говорить об отсутствии результатов муниципальной поддержки, свидетельствующих о реализации сферой МСП в полной мере поставленных перед ней задач в структуре российской экономики. Особенно эта проблема имеет выражение в монопрофильных образованиях, где существует проблема диверсификации экономики и развития сферы МСП, о чем также свидетельствует досрочное прекращение действия и признание неэффективной программы Комплексного раз-

вития моногородов² [1]. Одна из основных проблем реализации программ поддержки МСП на территории моногородов в настоящее время заключается в несоответствии методического инструментария управления стратегическими изменениями трендам деглобализации экономики, недостаточной ориентации органов региональной государственной власти и местного самоуправления на принципы экосистемного подхода к устойчивому развитию локальных социально-экономических кластеров. Несовершенство методологической базы, проявляющееся в отсутствии единой связи между выбором приоритетных отраслей МСП, в соответствии со спецификой территориального развития, применяемыми инструментами поддержки сферы МСП и оценкой результативности указанных инструментов, не позволяет сделать систему поддержки развития сферы МСП результативной, а также способной перестраиваться в зависимости от характера вызовов внешней среды. В этой связи актуализируются вопросы разработки модели повышения результативности поддержки развития МСП монопрофильного города.

Цель исследования заключается в решении научной проблемы по разработке методического инструментария повышения результативности муниципальной поддержки развития сферы МСП. Поставленная цель потребовала последовательного решения следующих задач:

- 1) обобщить и систематизировать существующие методологические подходы к оценке результативности муниципальной поддержки сферы МСП;
- 2) разработать концептуальную модель повышения результативности муниципальной поддержки;
- 3) предложить организационно-экономический механизм практической реализации предложенной модели на основе проектного управления.

■ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Обращение к научным работам по проблематике проведения оценки результативности регулирования сферы МСП с целью их систематизации, с выделением как положительных осо-

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума Доступ из официального сетевого ресурса Президента России. 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68669> (дата обращения: 03.08.2022).

² Выжutowич, В. Социально-экономическая ситуация в моногородах остается сложной // Российская газета. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/28/reg-sibfo/vyzhutovich-socialno-ekonomicheskaja-situacija-v-monogorodah-ostaetsia-slozhnoj.html> (дата обращения: 03.08.2022).

бенностей, так и ограничений, позволило сформировать теоретическую основу для модели оценки результативности муниципальной поддержки развития сферы МСП. В таблице 1 представлена классификация существующих подходов.

Результаты анализа представленных подходов к оценке результативности поддержки сферы МСП явились основой для создания модели поддержки развития сферы МСП, построенной на основе экосистемного подхода, под которым понимается проактивная политика властей, сочетающая меры косвенной и прямой поддержки по выстраиванию устойчивых сетей бизнес-агентов между собой, с крупными компаниями, вузами, научными центрами и улучшению предпринимательской среды в регионах и городах с учетом их структурных особенностей.

В некотором смысле квинтэссенцией подхода является кластерная политика в рамках стратегии умной специализации. На первом этапе алгоритма ее формирования предполагается выявление приоритетных, с точки зрения соответствия стратегическим целям, отраслей, затем – выстраивание сетей взаимодействия производительного малого бизнеса близкой и дополняющей специализации на ограниченной территории. Фактически речь идет о постоянной работе местных администраций по поиску и реализации совместных проектов между контрагентами [2, с. 44-67].

Учитывая многообразие существующих методических подходов, достоинства и недостатки рассмотренных позиций, на наш взгляд, важно сформулировать основные принципы, которые необходимо применять при осуществлении указанной оценки. Указанные принципы могут

Таблица 1 – Классификация подходов к оценке результативности поддержки развития сферы МСП
Table 1 – Classification of approaches to assessing the effectiveness of state support for the development of small and medium-sized businesses

Критерий классификации	Наименование подхода	Сторонники подхода	Ограничения и пути их преодоления
1. Цель проведения оценки	1. Исследования, направленные на определение текущего состояния данной сферы	С.В. Орехова, О.В. Мироненко, А.А. Крюкова, В.А. Барина, Б. Титов, С.А. Улько и др.	Указанные работы позволяют отразить ситуацию, сложившуюся в сфере МСП, однако не уделяют достаточного внимания характеру и динамике изменений в зависимости от результатов реализации мер муниципального регулирования
	2. Исследования, направленные на выявление причин и факторов фактического состояния сферы МСП	М.Е. Коновалова, В.В. Григорьева, Е.А. Кузнецова и др.	Для каждого региона и муниципалитета необходим SWOT-анализ внутренней и внешней среды с целью понимания всего комплекса ограничений развития и дальнейшей выработки инструментов по их возможному преодолению
	3. Работы, в которых предлагается оценивать результативно-эффективность осуществляемых мер поддержки	А.А. Байтурсунов, А. Дадашев, И. Гловацкая, С. Лазуренко, А. Нешитой, И.А. Волкова, Ю.В. Кузнецов и др.	Определение эффективности государственной поддержки должно осуществляться после выявления степени ее соответствия целевому целеполаганию, т.е. результативности. Анализ бюджетной или иной эффективности возможен только в том случае, если существует подтверждение того, что применение инструментов поддержки имеет положительное влияние на состояние целевых стратегических показателей
2. Тип показателей оценки	1. Исследования на основе количественных показателей оценки	В.Ю. Буров, М.Н. Соломатина, И.А. Жукова, Е.П. Савчишкина, А.С. Нешитой и др.	Система показателей должна включать как оценку результативности, так и эффективности муниципальной поддержки. Информация о состоянии показателей должна быть достоверной, доступной для систематического получения и информированности населения
	2. Исследования на основе интегральных показателей оценки	Н.Н. Киреев, Л.И. Меркушев, В.В. Буев, С.В. Мигин, А.Е. Кремин и др.	
3. Региональный фактор развития	Исследования, учитывающие региональный фактор	А.А. Байтурсунов, В.Ю. Буров, А.И. Кузьмин, Р.О. Салливан, Н.А. Кошелева, Н.Н. Киреев	Показатели оценки результативности муниципальной поддержки МСП должны быть органически связаны с особенностями пространственной, отраслевой, социальной и институциональной структурой региона

Источник: разработано авторами.

быть применены при разработке универсальной модели оценки состояния сферы МСП, которую могут использовать, адаптировав под свои особенности разные территории. При этом указанная модель должна в равной степени быть возможной к применению на различных уровнях управления, как, например, региональном, так и муниципальном.

- *Связь проводимой оценки с мерами государственной поддержки.* Оценка показателей состояния МСП должна иметь прямую связь с реализуемыми мерами государственной поддержки и должна представлять собой:

- 1) оценку общей результативности реализуемых мер поддержки;

- 2) расчет показателя эффективности поддержки на основе анализа экономической, бюджетной, социальной, инвестиционной эффективности.

- *Учет региональной специфики при осуществлении оценки.* В зависимости от специфики территориального развития необходимо определить стратегические направления развития сферы МСП, а затем – соответствующие им меры поддержки. Соответственно, показатели оценки результативности поддержки напрямую должны зависеть от определенных направлений развития и связанных с ними мерами поддержки указанной сферы.

- *Первичность определения стратегических направлений развития МСП.* Данный принцип вытекает из предыдущих двух принципов и заключается в том, что модель оценки результативности поддержки развития МСП должна начинаться с решения задачи по определению перспективных направлений развития МСП на конкретной территории и соответствующих им инструментов поддержки.

- *Кластеризация и экосистемность* – тесно связан с предыдущим принципом и означает, что выбранные инструменты поддержки сферы МСП должны быть направлены на формирование системы взаимодействия в рамках определенных сфер деятельности МСП как между самими субъектами МСП, так и с другими структурами, такими как вузы, городские предприятия и организации, в т. ч. градообразующие.

- *Принцип интрапренерства (внутрикорпоративного предпринимательства)* – реализуется в полном соответствии с принципом кластеризации и экосистемности. Его действие заключается в том, что при реализации такого

шага модели оценки, как определение инструментов поддержки, необходимо отдавать значительную роль участию градообразующего предприятия в формировании новых предпринимательских инициатив, реализации инновационных проектов субъектами МСП, что также является способом вывода действующего предприятия на новый технологический уровень функционирования.

- *Принцип доступности информации о показателях оценки* означает, что информация о состоянии отбираемых показателей оценки во избежание получения искажающих реальную ситуацию сведений должна иметься в распоряжении органов государственной власти и местного самоуправления.

- *Принцип комплексности показателей оценки* заключается в том, что для оценки результативности необходимо использование следующих показателей:

- 1) количественные показатели, отражающие общее состояние приоритетных направлений деятельности МСП (объем реализации, объем инвестиций в основной капитал, объем налоговых отчислений, фонд заработной платы);

- 2) те же количественные показатели МСП, получившие поддержку;

- 3) суммарные затраты на оказание поддержки;

- 4) интегральный показатель эффективности поддержки.

На основе соблюдения указанных принципов оценки результативности государственного управления сферой МСП возможно построение комплексной модели оценки, в которой выявленные приоритетные направления развития территории (региона или муниципалитета) определяют меры государственного регулирования, а затем систему показателей оценки, осуществление которой позволит оценить эффективность проводимой политики и скорректировать набор инструментов господдержки, направленной на развитие МСП на указанной территории.

Теоретической основой для построения указанной модели, в которой соблюдались бы все отмеченные принципы, может выступать концепция сбалансированных показателей (*Balanced ScoreCard, BSC*).

Сбалансированная система показателей (ССП) позволяет руководителям переводить стратегические цели компании в четкий план опера-

тивной деятельности подразделений и оценивать результаты их деятельности с точки зрения реализации стратегии [3, с. 510-513].

Суть ССП заключается в формулировании стратегии в нескольких перспективах, постановке стратегических целей и измерении степени достижения данных целей при помощи показателей. Слово «сбалансированный» (англ. *balanced*) в названии методологии означает одинаковую важность всех показателей. ССП проецируется на всю организацию путем разработки индивидуальных целей в рамках уже разработанных корпоративных стратегий и стимулирует понимание работниками своего места в стратегии компании.

Администрация муниципального образования, осуществляющая поддержку развития сферы МСП в случае использования ССП представляет собой определенную «квазиорганизацию». Стратегические аспекты ССП в таком случае принимают более широкую степень охвата функций администрирования, выводя их в область традиционного понимания стратегического менеджмента предпринимательской организации:

- обучение и развитие персонала организации связано с достижением стратегических целей по определению направлений развития МСП на территории;
- операционная деятельность: обеспечение соответствия текущих бизнес-процессов приоритетным направлениям развития предпринимательства, исключение малорезультативных инструментов;
- клиенты: обеспечение соответствия инструментов поддержки запросам предпринимательского сообщества;
- финансовый результат: достижение благоприятных социально-экономических результатов от деятельности субъектов МСП, проявляющихся в реализации указанных ранее функций.

■ КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МСП

Начальным этапом проектирования модели муниципальной поддержки является определение стратегических целей развития сферы МСП на территории. Формирование данных целей является результатом адаптации указанных аспектов ССП применительно к системе поддержки МСП органами государственного и муниципального управления (рис. 1).

Представленная декомпозиция позволяет увидеть, как трансформировались приоритеты, выявляемые с позиции ССП, на уровне целей, связанных с оказанием региональной или муниципальной поддержки по развитию малого и среднего предпринимательства. Основой в целеполагании является цель, состоящая в выборе приоритетных направлений поддержки МСП, перспективных для данной территории категорий предпринимательства. Последовательность перехода от одной цели к другой и, в целом, алгоритм предлагаемой модели оценки результативности поддержки МСП, построенной на основе ССП, а также принципов проектного управления, представлены на рис. 2.

Предлагаемая модель оценки результативности, на наш взгляд, имеет универсальный характер и может найти применение не только на муниципальном, но и региональном уровне. При этом при разработке этапов, связанных с достижением целей по выбору приоритетных направлений развития МСП, а также формированию набора инструментов поддержки, авторы особое значение уделяют внимание территориям монопрофильных муниципальных образований, около 70% которых находится в ситуации со сложным социально-экономическим положением либо в ситуации, в которой имеются риски его ухудшения³.

³ О критериях отнесения муниципальных образований к моногородам и о категориях моногородов в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения : Постановление Правительства РФ от 29.07.2014 № 709. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102356491> (дата обращения: 04.08.2022).

Рисунок 1 – Декомпозиция стратегических целей, связанных с развитием сферы МСП

Figure 1 – Decomposition of goals related to the development of small and medium-sized businesses

Функционирование модели оценки начинается с реализации цели по выбору приоритетных отраслей МСП, на основе которых должны создаваться кластеры МСП, на которые необходимо ориентироваться при оказании муниципальной поддержки.

Таким образом, на данном этапе осуществляется поиск основ для формирования кластеров МСП, что является очень важным, особенно в условиях монопрофильного образования, в которых на сферу МСП оказывают комплексное влияние ранее обозначенные факторы, препятствующие ее развитию.

После определения направлений развития, а также ключевых для территории отраслей МСП, осуществляется переход к решению цели по определению инструментов их поддержки. На этом этапе необходимо осуществление стратегического анализа, основанного на экспресс SWOT-анализе, GAP-анализе, бенчмаркинге. Заканчивается данный этап началом функционирования данных инструментов. На данном этапе необходим выбор системы мероприятий прямой и косвенной поддержки приоритетных отраслей МСП, в том числе способов сетевого взаимодействия между субъекта-

ми МСП и другими организациями территории (крупный бизнес, вузы, научные центры).

В условиях развития сферы МСП на территориях монопрофильных образований важно отметить роль градообразующего предприятия и других организаций крупного бизнеса в процессе оказания поддержки. Эта роль, на наш взгляд, должна заключаться в реализации принципа интрапренерства, когда со стороны всех крупных участников (прежде всего, со стороны градообразующего предприятия) исходит готовность принять участие в появлении новых организаций МСП, способных внедрить инновации в их производственный процесс, сделать его более эффективным. Реализация интрапренерства в полной мере соответствует принципу кластеризации при оказании поддержки МСП, являясь формой взаимовыгодного взаимодействия между действующим и начинающим бизнесом.

Переходя непосредственно к этапу оценки результативности инструментов поддержки, необходимо учитывать, что показатели состояния МСП должны в полной мере соответствовать социально-экономическим функциям МСП, которые они выполняют в обществе (удовлетво-

Рисунок 2 – Модель оценки результативности поддержки развития МСП с применением концепции сбалансированных показателей

Figure 2 – Model for assessing the effectiveness of support for the development of small and medium-sized enterprises using the Balanced ScoreCard

рение потребностей населения в товарах и услугах, обеспечение занятости, поступление налогов, участие в создании комфортной окружающей среды, развитие человеческого потенциала).

О выполнении социально-экономических функций субъектами МСП на территории свидетельствуют положительная динамика (% изменения) пяти следующих показателей:

- выручка;
- объем инвестиций в основной капитал;
- объем налоговых отчислений;
- объем реализации субъектов МСП, развивающих человеческий потенциал (образование, здравоохранение, социальная защита населения);
- фонд заработной платы.

Способом получения информации по каждому показателю является единый реестр субъектов МСП, размещенный на сайте Федеральной налоговой службы, а затем – информационно-аналитическая система (ИАС), в качестве которой может быть использован сайт ГЛОБАС или СПАРК. На первом этапе происходит сравнение значений по указанным показателям в базовом и отчетном периодах. Следующий шаг после выявления динамики роста заключается в оценке результативности оказываемой под-

держки. На данном этапе анализируется связь показателей состояния МСП с показателями результата поддержки (см. рис. 3).

Информация о показателях, отражающих результат поддержки, собирается аналогичным способом, что и в первом случае. При определении результатов поддержки необходимо вести раздельный учет результатов поддержки с использованием разных источников: бюджетных (с учетом разных уровней бюджета) и внебюджетных средств, в том числе средств градообразующего предприятия, что в дальнейшем позволит разделить эффективность использования разных источников.

Если доказана связь положительной динамики показателей состояния МСП с поддержкой данной сферы, то осуществляется анализ различных видов эффективности поддержки и расчет на их основе интегрального показателя эффективности.

Ниже представлены виды эффективности, показатели которой необходимо рассчитать после анализа результативности.

- Экономическая эффективность бюджетных источников (*изменение объема реализации СМСП на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{\text{эк.б}} = \frac{\text{Изменение объема реализации СМСП, получивших поддержку}}{\text{Объем поддержки (бюджетные средства)}}$$

- Экономическая эффективность внебюджетных источников (*изменение объема реализации СМСП на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{\text{эк.вб}} = \frac{\text{Изменение объема реализации СМСП, получивших поддержку}}{\text{Объем поддержки (внебюджетные средства)}}$$

- Бюджетная эффективность бюджетных источников (*изменение объема налоговых поступлений от СМСП на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{\text{бб}} = \frac{\text{Изменение налоговых поступлений от СМСП, получивших поддержку}}{\text{Объем поддержки (бюджетные средства)}}$$

- Бюджетная эффективность внебюджетных источников (*изменение объема налоговых поступлений от СМСП на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{\text{бвб}} = \frac{\text{Изменение налоговых поступлений от СМСП, получивших поддержку}}{\text{Объем поддержки (внебюджетные средства)}}$$

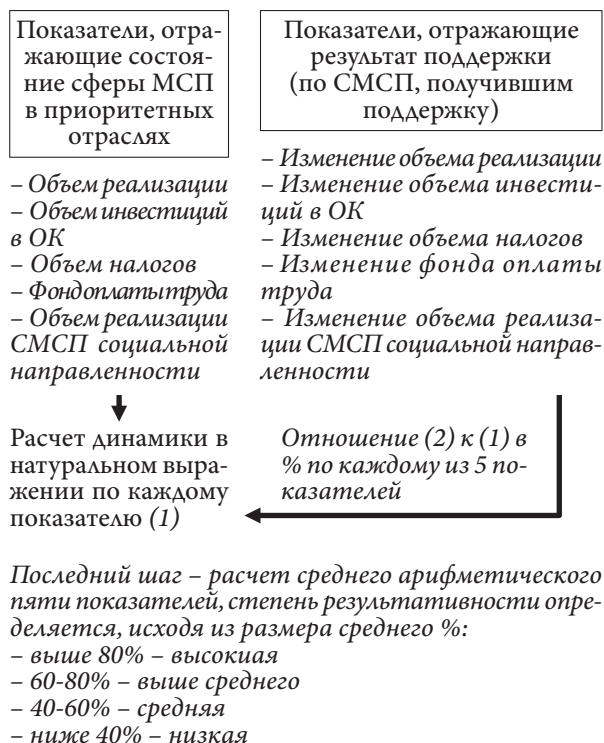

Рисунок 3 – Декомпозиция стратегических целей, связанных с развитием сферы МСП

Figure 3 – Decomposition of goals related to the development of small and medium-sized businesses

- Социальная эффективность бюджетных источников (*изменение фонда заработной платы на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{c16} = \frac{\text{Изменение фонда заработной платы от СМСП, получивших поддержку}}{\text{Объем поддержки (бюджетные средства)}}$$

- Социальная эффективность бюджетных источников (*изменение объема реализации СМСП, осуществляющих развитие человеческого потенциала (образование, здравоохранение, социальная защита населения) на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{c26} = \frac{\text{Изменение объема реализации получивших поддержку СМПС социальных видов деятельности}}{\text{Объем поддержки (бюджетные средства)}}$$

- Социальная эффективность внебюджетных источников (*изменение фонда заработной платы на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{c16b} = \frac{\text{Изменение фонда заработной платы от СМСП, получивших поддержку}}{\text{Объем поддержки (внебюджетные средства)}}$$

- Социальная эффективность внебюджетных источников (*изменение объема реализации СМСП, осуществляющих развитие человеческого потенциала: образование, здравоохранение, социальная защита населения – на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{c26b} = \frac{\text{Изменение объема реализации получивших поддержку СМПС социальных видов деятельности}}{\text{Объем поддержки (внебюджетные средства)}}$$

- Инвестиционная эффективность бюджетных источников (*изменение объема инвестиций в основной капитал на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{инвб} = \frac{\text{Изменение инвестиций в ОК СМСП, получивших поддержку}}{\text{Объем поддержки (бюджетные средства)}}$$

- Инвестиционная эффективность внебюджетных источников (*изменение объема инвестиций в основной капитал на 1 рубль поддержки*):

$$\mathcal{E}_{инвбб} = \frac{\text{Изменение инвестиций в ОК СМСП, получивших поддержку}}{\text{Объем поддержки (внебюджетные средства)}}$$

После расчета представленных показателей эффективности осуществляется расчет интегральных показателей эффективности бюджетных и внебюджетных средств, а также общего интегрального показателя эффективности:

$$\mathcal{E}_{иб} = \sqrt[5]{\mathcal{E}_{эkb} \cdot \mathcal{E}_{66} \cdot \mathcal{E}_{c16} \cdot \mathcal{E}_{c26} \cdot \mathcal{E}_{инвб}},$$

$$\mathcal{E}_{инвб} = \sqrt[5]{\mathcal{E}_{эkbб} \cdot \mathcal{E}_{66б} \cdot \mathcal{E}_{c16б} \cdot \mathcal{E}_{c26б} \cdot \mathcal{E}_{инвбб}},$$

$$\mathcal{E}_и = \sqrt{\mathcal{E}_{иб} \cdot \mathcal{E}_{инвб}}.$$

Значение интегрального показателя меньше 1 свидетельствует о низкой степени эффективности; в интервале от 1 до 2 – о средней степени; значение показателя, превышающее 2, свидетельствует о высокой степени эффективности поддержки.

На основании полученной в дальнейшем динамики показателя эффективности осуществляется факторный анализ, показывающий влияние разных типов эффективности на изменение результативного показателя эффективности. Для проведения анализа мы предлагаем использовать следующие формулы, построенные на основе метода абсолютных разниц, но адаптированные к особенностям расчета интегрального показателя эффективности.

$$\Delta \mathcal{E}_{иб.эkb} = \sqrt[5]{\Delta \mathcal{E}_{эkb} \cdot \mathcal{E}_{66пл} \cdot \mathcal{E}_{c16пл} \cdot \mathcal{E}_{c26пл} \cdot \mathcal{E}_{инвбпл}},$$

$$\Delta \mathcal{E}_{иб.э6} = \sqrt[5]{\Delta \mathcal{E}_{66} \cdot \mathcal{E}_{эkbпл} \cdot \mathcal{E}_{c16пл} \cdot \mathcal{E}_{c26пл} \cdot \mathcal{E}_{инвбпл}},$$

$$\Delta \mathcal{E}_{иб.эc16} = \sqrt[5]{\Delta \mathcal{E}_{c16} \cdot \mathcal{E}_{эkbпл} \cdot \mathcal{E}_{66ф} \cdot \mathcal{E}_{c26пл} \cdot \mathcal{E}_{инвбпл}},$$

$$\Delta \mathcal{E}_{иб.эc26} = \sqrt[5]{\Delta \mathcal{E}_{c26} \cdot \mathcal{E}_{эkbпл} \cdot \mathcal{E}_{66ф} \cdot \mathcal{E}_{c16ф} \cdot \mathcal{E}_{инвбпл}},$$

$$\Delta \mathcal{E}_{иб.эинвб} = \sqrt[5]{\Delta \mathcal{E}_{инвб} \cdot \mathcal{E}_{эkbпл} \cdot \mathcal{E}_{66ф} \cdot \mathcal{E}_{c16ф} \cdot \mathcal{E}_{c26ф}}.$$

Аналогично факторный анализ осуществляется для внебюджетной эффективности, а затем – для общей эффективности. Он позволит определить факторы, влияющие на изменение бюджетного, внебюджетного, а также общего интегрального показателя эффективности.

■ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ МОДЕЛИ

Организационно-экономический механизм внедрения предлагаемой модели целесообразно построить на основе проектного управления, учитывая, что проектный подход в сфере развития МСП применяется в настоящее время на федеральном уровне в виде реализации Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

На муниципальном уровне использование проектного подхода необходимо осуществлять на этапе внедрения и реализации необходимых с точки зрения развития территории мер под-

держки МСП. Реализация цели по внедрению инструментов поддержки МСП именно в рамках портфеля проектов позволит эффективное достижение запланированного результата в максимально возможном временном периоде с использованием заранее определенного бюджета.

Среди российских регионов – лидеров по внедрению проектного управления отмечают Белгородскую область, Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, Ленинградскую область, Свердловскую область. Белгородская область была первым регионом, который внедрил проектное управление в органах власти. Причиной успеха, согласно позиции, озвученной руководством региона, является верно организованная модель, включающая три уровня: стратегический, тактический и оперативный. Следует отметить, что направление по поддержке развития сферы МСП оформлено в отдельный проект во многих субъектах РФ, включая Свердловскую область. При этом регионы – участники проектной деятельности распространяют данную практику на территории муниципалитетов, что способствует существенному снижению последними транзакционных издержек, возникающих в ходе внедрения и реализации проектной деятельности.

Отмечая опыт Свердловской области в проектном управлении, следует выделить следующие моменты взаимодействия региональных властей с муниципалитетами: информационное и методическое сопровождение реализации муниципальных проектов; обучение и сертификация глав муниципальных образований; проведение выездных обучающих мероприятий на территории муниципальных образований⁴.

Учитывая лучшие практики проектной деятельности, сформировавшиеся на региональном уровне, необходимо учитывать некоторые аспекты внедрения организационно-экономического механизма предлагаемой модели повышения результативности поддержки развития сферы МСП на основе проектного управления. Учет этих особенностей будет содействовать успешной реализации муниципальных проектов в соответствии с поставленными задачами, сроками и объемом финансирования.

1. При формировании состава участников проекта необходимо избегать формального подхода и учитывать, что состав участников должен максимально способствовать достижению поставленной цели проекта. Члены проектных групп должны иметь соответствующие профессиональные компетенции, а также определенную возможность влияния на принимаемые решения в области поддержки МСП. Для достижения максимальной вовлеченности участников важно введение персональной ответственности за реализацию проекта, построение системы контроля от исполнителя проекта до руководителя администрации муниципального образования, который обычно является ответственным за внедрение проектного управления в муниципалитете в целом.

2. Для обеспечения контроля над ходом реализации проекта необходимо его внедрение в единую информационную систему проектного управления. Как правило, такие системы уже существуют на региональном уровне, и дополнительных действий по их созданию для муниципалитетов не требуется. Они используются для ведения реестра проектов, календарного и бюджетного планирования, мониторинга реализации проектов, распределения полномочий и ответственности, управления изменениями, создания системы оповещений о наступающих событиях по проекту, проектного документооборота, автоматизированной аналитической отчетности, интеграции с электронным Правительством.

3. С учетом того, что проекты, направленные на внедрение инструментов поддержки развития сферы МСП, имеют свою специфику, связанную с тем, что зона принятия решения в них часто выходит за пределы администраций муниципальных образований и требует широкого состава участников, в том числе регионального уровня, мы считаем целесообразным внедрять эти проекты на региональном уровне, включать их на конкурсной основе в портфель проектов субъекта РФ. Критериями попадания проектов на региональный уровень реализации могут быть следующие:

- наличие разработанной стратегии развития МСП на территории муниципального образования / инкорпорирование направлений развития МСП в общую стратегию социально-экономического развития муниципального образования;

⁴ Каменская, Н.В. Базовые понятия проектного управления // shalya.ru. URL: https://shalya.ru/uploads/Базовые_понятия_проектного_управления.pdf (дата обращения: 03.09.2022).

- соответствие определяемых инструментов поддержки стратегическим направлениям развития сферы МСП в муниципалитете;
- необходимость включения в состав участников проекта представителей региональных структур / выход за пределы полномочий администраций муниципальных образований вопросов, связанных с внедрением той или иной меры поддержки;
- конкретность и измеримость проекта должны подтверждаться разработанной проектной документацией – цели, задачи проекта, достигаемые результаты, основные этапы, сроки проекта, участвующие стороны должны быть определены и отражены в паспорте проекта;
- достижимость проекта.

Практическое применение непосредственно самого этапа оценки в рамках предлагаемой модели оценки результативности системы поддержки развития сферы МСП было осуществлено на примере города Магнитогорска, который входит в перечень моногородов 3 категории – со стабильным социально-экономическим положением. Отталкиваясь от обозначенных общих экономических показателей оценки и адаптируя их под особенности города Магнитогорска и выделенные приоритетные виды деятельности МСП применительно к указанной территории, можно обозначить следующие показатели оценки:

- объем выручки СМСП производственной, инновационной и социальной направленности;
- объем инвестиций в основной капитал СМСП производственной, инновационной и социальной направленности;
- объем налоговых отчислений СМСП производственной, инновационной и социальной направленности;
- объем выручки субъектов МСП, развивающих человеческий потенциал (образование, здравоохранение, социальная защита населения);
- фонд заработной платы СМСП производственной, инновационной и социальной направленности.

Анализ оценки результативности муниципальной системы поддержки развития МСП осуществлялся за период 2021 г. Для проведения указанного анализа в информационно-аналитической системе ГЛОБАС была сформирована совокупность юридических лиц – субъектов МСП следующих видов деятельности: произ-

водственная деятельность, научные исследования и разработки, деятельность профессиональная, научная и техническая, разработка компьютерного программного обеспечения, деятельность в области информационных технологий, образование, здравоохранение, предоставление социальных услуг. Далее осуществлена выгрузка и проанализирована динамика таких финансовых показателей по данному перечню СМСП за период 2020 – 2021 гг., как выручка, основные средства и отдельно выручка по организациям образования, здравоохранения и социального обслуживания как тех субъектов, кто непосредственно формирует человеческий капитал.

С учетом отсутствия возможности в ИАС ГЛОБАС сделать аналогичное сравнение значений по остальным показателям (объем налоговых отчислений и фонд заработной платы) анализ по ним был проведен с помощью формирования перечня СМСП указанных видов деятельности с помощью единого реестра субъектов МСП. Выгруженный перечень содержит 1288 наименований юридических лиц, в т. ч.: производственные виды деятельности – 840, инновационные виды деятельности – 249, социальные виды деятельности – 199. Затем была сформирована случайная выборка из выгруженного перечня юридических лиц объемом 400 СМСП и осуществлен поиск в ИАС ГЛОБАС по каждой отобранной организации информации за 2020 и 2021 гг. по объему налоговых отчислений и фонду заработной платы. По каждому показателю было выведено среднее значение, а затем – оценено значение применительно ко всей выгруженной совокупности субъектов МСП. Результаты сравнительного анализа значений показателей представлены в таблице 2.

Согласно представленной информации, в 2021 г. малый и средний бизнес в г. Магнитогорске продемонстрировал уверенный рост по всем показателям, и это является основанием для проведения следующего шага оценки результативности существующей системы поддержки, направленной на его развитие. Для этого в рамках обозначенной схемы оценки результативности был выбран перечень СМСП г. Магнитогорска, получивших поддержку в 2021 г. Сделать это в настоящее время возможно на сайте ИФНС, на котором размещен реестр СМСП – получателей поддержки. Всего в такой перечень по итогам 2021 г. вошло 129 предпринимателей

Таблица 2 – Сравнительный анализ значений показателей, отражающих выполнение СМСП г. Магнитогорска социально-экономических функций**Table 2** – Comparative analysis of the values of indicators reflecting the fulfillment of social and economic functions by SMEs in Magnitogorsk

№ п/п	Наименование показателя	2020 г.	2021 г.	Разница
1	Объем выручки, тыс. руб.	19 618 646	28 922 556	9 303 910
2	Размер основных средств, тыс. руб.	2 493 723	2 890 326	396 603
3	Объем выручки СМСП соц. видов деятельности, тыс. руб.	1 423 439	2 001 794	578 355
4	Налог на прибыль, тыс. руб.	800 499	1 098 567	298 069
5	Фонд заработной платы, тыс. руб.	2 223 268	2 655 344	432 076

Таблица 3 – Сравнительный анализ значений показателей по СМСП г. Магнитогорска, получивших поддержку в 2021 году**Table 3** – Comparative analysis of indicator values for SMEs in Magnitogorsk that received support in 2021

№ п/п	Наименование показателя	2020 г.	2021 г.	Разница
1	Объем выручки, тыс. руб.	9 878 270	14 584 034	4 705 764
2	Размер основных средств, тыс. руб.	1 347 968	1 530 745	182 777
3	Объем выручки СМСП соц. видов деятельности, тыс. руб.	950 999	1 306 559	355 560
4	Налог на прибыль, тыс. руб.	132 236	199 552	67 316
5	Фонд заработной платы, тыс. руб.	631 412	773 943	142 531

Таблица 4 – Анализ результативности системы поддержки развития сферы МСП в г. Магнитогорске**Table 4** – Analysis of the effectiveness of the SME development support system in Magnitogorsk

№ п/п	Наименование показателя	Разница значений в 2021 к 2020 по СМСП		Доля
		по всем	получившим поддержку	
1	Объем выручки, тыс. руб.	9 303 910	4 705 764	51,0
2	Размер основных средств, тыс. руб.	396 603	182 777	46,0
3	Объем выручки СМСП соц. видов деятельности, тыс. руб.	578 355	355 560	61,5
4	Налог на прибыль, тыс. руб.	298 069	67 316	22,6
5	Фонд заработной платы, тыс. руб.	432 076	142 531	33,0
Средний % по 5 показателям				42,8
Результативность				средняя

по указанным ранее видам деятельности, по которым аналогичным образом был проведен сравнительный анализ значений отобранных показателей за 2020 – 2021 гг. (таблица 3).

В таблице 4 представлены результаты анализа за результативности мер поддержки развития сферы МСП в г. Магнитогорске на основе определения отношения изменений показателей по СМСП, получившим поддержку, к изменениям показателей в целом по СМСП.

Текущего значения показателя результативности системы поддержки в г. Магнитогорске удалось достичь при условии того, что вся поддержка оказывалась за счет бюджетных средств разных уровней. В случае возможного включения в систему поддержки внебюджетных источников можно предположить, что степень результативности поддержки развития МСП будет находиться на более высоких значениях.

Учитывая наличие результативной поддержки в исследуемом муниципалитете, целесообразно на следующем этапе оценки результатив-

ности было осуществить анализ эффективности инструментов поддержки. В 2021 г. поддержка осуществлялась за счет средств бюджета и составила 738,8 млн рублей. Результаты расчета эффективности поддержки представлены в табл. 5.

Исходя из полученных фактических значений эффективности и установленных плановых показателей на уровне не ниже 1 нами был осуществлен факторный анализ интегрально-го показателя эффективности:

- изменение значения показателя эффективности за счет экономической эффективности:

$$\Delta \mathcal{E}_{\text{и.б.э.э.б.}} = \sqrt[5]{5,37 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1} = 1,40;$$

- изменение значения показателя эффективности за счет бюджетной эффективности:

$$\Delta \mathcal{E}_{\text{и.б.э.б.б.}} = \sqrt[5]{-0,91 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1} = -0,98;$$

- изменение значения показателя эффективности за счет социальной эффективности 1:

$$\Delta \mathcal{E}_{\text{и.б.э.с.б.}} = \sqrt[5]{-0,81 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1} = -0,96;$$

Таблица 4 – Результаты расчета эффективности поддержки сферы МСП в г. Магнитогорске в 2021 г.**Table 4** – The results of calculating the effectiveness of supporting the SME sector in Magnitogorsk in 2021

№ п/п	Наименование показателя	Значение показателя		Изменение
		план	факт	
Экономическая эффективность бюджетных источников	Изменение объема выручки СМСП на 1 рубль поддержки	1	6,37	+ 5,37
Бюджетная эффективность бюджетных источников	Изменение объема налоговых поступлений от СМСП на 1 рубль поддержки	1	0,09	– 0,91
Социальная эффективность бюджетных источников	Изменение фонда заработной платы на 1 рубль поддержки	1	0,19	– 0,81
	Изменение объема выручки СМСП, осуществляющих развитие человеческого потенциала (образование, здравоохранение, социальная защита населения) на 1 рубль поддержки	1	0,48	– 0,52
Инвестиционная эффективность бюджетных источников	Изменение объема инвестиций в основной капитал на 1 рубль поддержки	1	0,25	– 0,75
Интегральный коэффициент эффективности		0,42		
Степени эффективности поддержки		средняя		

- изменение значения показателя эффективности за счет социальной эффективности 2:

$$\Delta \mathcal{E}_{\text{и.б.э.сб}} = \sqrt[5]{-0,52 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1} = -0,88;$$

- изменение значения показателя эффективности за счет инвестиционной эффективности:

$$\Delta \mathcal{E}_{\text{и.б.э.инв}} = \sqrt[5]{-0,75 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1 \cdot 1} = -0,94.$$

Таким образом, результаты факторного анализа свидетельствуют, что только экономическая эффективность оказанной поддержки, выражающаяся в изменении выручки СМСП на 1 рубль средств поддержки, положительно влияет на интегральный показатель эффективности. Остальные факторы оказывают отрицательное влияние, что вызывает необходимость пересмотра существующей системы поддержки, проведения анализа на ее соответствие рекомендованным мероприятиям в данной сфере, которые были сформированы на этапе стратегического планирования.

Проведенная оценка результативности системы поддержки сферы МСП по предлагаемой модели доказала возможность ее практического применения в качестве инструмента

анализа применяемых инструментов по развитию малого и среднего бизнеса. Полученные показатели результативности свидетельствуют о том, что применяемый инструментарий поддержки должен формироваться в результате определения перспективных направлений развития МСП на конкретной территории, соответствовать им и учитывать возможности привлечения разных сторон, в том числе, не связанных с органами государственной власти и местного самоуправления и системой оказания поддержки, развитием диверсификационных процессов на территории.

Таким образом, изложенные положения, отражающие основные характеристики предлагаемой модели повышения результативности поддержки развития сферы МСП, а также организационно-экономический механизм ее применения в муниципальных образованиях могут стать основой для их практического внедрения на уровне муниципального управления, а также быть рекомендованными для внесения изменений в положения о проектном управлении на уровне субъектов РФ. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вахтина М.А. Российские моногорода: новые задачи, старые проблемы // Научный вектор Балкан. 2020. Т. 4. № 4 (10). С. 76–79. DOI: [10.34671/SCH.SVB.2020.0404.0016](https://doi.org/10.34671/SCH.SVB.2020.0404.0016). EDN: QOAAVI.

2. Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Барина В.А., Красносельских А.Н. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. 2020. № 10. С. 44–67. DOI: [10.32609/0042-8736-2020-10-44-67](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-10-44-67). EDN: EBTJFG.

3. Шумчук Р.Н. Эффективность сбалансированной системы показателей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 4-2. С. 510–513. EDN: **NDYIOR**.
4. Зайцева Е.М. Специфика патриотического компонента информационного пространства моногорода как средства управления общественным сознанием (на примере г. Магнитогорска) // Вопросы управления. 2015. № 1 (32). С. 60–64. URL: <https://journal-management.com/issue/2015/01/08>. EDN: **RKIGNV**.
5. Воронов Н.Д., Гринева С.И. Региональный опыт внедрения проектного управления на примере Свердловской и Белгородской областей // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2018. № 2 (33). URL: <https://ego.ui.ranepa.ru/issue/2018/02/05>. EDN: **HZSHJZ**.
6. Киреев Н.Н. Механизм оценки и повышения эффективности развития малого бизнеса в регионе : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)» : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Киреев Николай Николаевич ; Юго-Западный государственный университет. Курск, 2019. 24 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010173537> (дата обращения: 24.10.2022).
7. Малое предпринимательство и цифровая экономика: перспективы и проблемы : Монография / под научн. ред. В. Ю. Бурова, Г. А. Багиева. Чита : Забайкальский государственный университет, 2018. 221 с. EDN: **GFCIMA**.
8. Интегральные показатели развития малого предпринимательства : доклад / под ред. В. В. Бурева [и др.]. М. : [б. и.], 2007. – 17 с. EDN: **QSFWCB**.
9. Кремин А.Е. Методика оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в регионе // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 46–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-effektivnosti-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-predprinimatelstva-v-regione> (дата обращения: 23.10.2022). EDN: **YPATIX**.
10. Шумчук Р.Н. Эффективность сбалансированной системы показателей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 4-2. С. 510–513. EDN: **NDYIOR**.
11. Орехова С.В., Кислицын Е.В. Совокупная производительность факторов в промышленности России: малые vs крупные предприятия // Journal of New Economy. 2019. Т. 20. № 2. С. 127–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovokupnaya-proizvoditelnost-faktorov-v-promyshlennosti-rossii-malye-vs-krupnye-predpriyatiya/viewer> (дата обращения: 28.11.2020). EDN: **TZOXOM**.
12. Баринова В.А., Земцов С.П. Международный сравнительный анализ роли малых и средних предприятий в национальной экономике: статистическое исследование // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 6. С. 55–71. URL: https://www.researchgate.net/publication/334061178_Mezdunarodnyj_sravnitelnyj_analiz_rol_i_malyh_i_srednih_predpriyatij_v_nacionalnoj_ekonomike_statisticheskoe_issledovanie (дата обращения: 14.12.2020). DOI: **10.34023/2313-6383-2019-26-6-55-71**. EDN: **ESFYHK**.
13. Улько С.А. Современное положение малого и среднего предпринимательства в России и Китае // Вектор экономики. 2019. № 6 (36). С. 54. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/6/worldconomy/Ulko.pdf> (дата обращения: 28.10.2022). EDN: **AUOZYD**.
14. Коновалова М.Е., Кузьмина О.Ю., Медведева Т.Ю. Развитие предпринимательства в экономике современной России // Экономические науки. 2019. № 5 (174). С. 13–17. DOI: **10.14451/1.174.13**. EDN: **ELHRLH**.
15. Григорьева В.В. Повышение качества государственных услуг в сфере поддержки и развития малого и среднего предпринимательства : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами – сфера услуг)» : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Григорьева Валентина Викторовна ; Государственный университет управления. М., 2018. 32 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008709110> (дата обращения: 24.10.2022).
16. Кожура Н.А., Кузнецова Е.Л. Основные проблемы развития малого предпринимательства в РФ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № S13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-razvitiya-malogo-predprinimatelstva-v-rf/viewer> (дата обращения: 11.12.2020). EDN: **YRJNPB**.
17. Байтурсунов А.А. Совершенствование системы государственного стимулирования приоритетных направлений малого и среднего предпринимательства (на примере республики

Казахстан) : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (экономика предпринимательства)» : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Байтурсунов Алибек Абдыхашимович ; Российский университет дружбы народов. М., 2019. 28 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008586840> (дата обращения: 24.10.2022).

18. Саломатина М.Н., Басаранович Е. Методические основы оценки эффективности малого и среднего предпринимательства // Евразийский союз ученых. Экономические науки. 2015. № 3 (12). URL: <https://euroasia-science.ru/ekonomicheskije-nauki/metodicheskie-osnovy-ocenki-effekti/> (дата обращения: 24.10.2022).

19. Волкова И.А., Попова А.Ю. Современные проблемы малого и среднего бизнеса в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № S4. С. 6–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-malogo-i-srednego-biznesa-v-rossii/viewer> (дата обращения: 11.10.2021). EDN: VOAJKP.

20. Кузнецов Ю.В., Быкова Н.В. Эффективность государственной поддержки малого предпринимательства в России // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6 (102). С. 50–59. DOI: 10.26794/2587-5671-2017-21-6-50-59. EDN: YMTJRL.

21. Малое предпринимательство и цифровая экономика: перспективы и проблемы : Монография / под научн. ред. В. Ю. Бутова, Г. А. Багиева. Чита : Забайкальский государственный университет, 2018. 221 с. EDN: GFCIMA.

22. Стратегическое развитие малого бизнеса и формы поддержки индивидуального предпринимательства : Монография / М. В. Аликаева, Л. О. Асланова, Т. Ю. Баженова [и др.]. Нижний Новгород : НОО «Профессиональная наука», 2018. 302 с. ISBN: 978-5-6040739-2-6. URL: <http://scipro.ru/conf/monographbusiness.pdf>. EDN: XMESDJ.

23. Мокроносов А.Г., Вершинин А.А. Формирование модели опережающего развития кадрового потенциала территории // Образование и наука. 2014. № 8 (117). С. 19–32. EDN: SXVEPN.

24. Быковская Ю.В., Иванова Л.Н., Сафошина Е.А. Малое и среднее предпринимательство в современной России: состояние, проблемы и направления развития // Вестник евразийской науки. 2018. Т. 10. № 5. С. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-sovremennoy-rossii>

[sostoyanie-problemy-i-napravleniya-razvitiya](https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-sovremennoy-rossii) (дата обращения: 23.10.2022). EDN: YAGDPI.

25. Молчанова В.П. Малое предпринимательство и перспективы его развития в России : специальность 08.00.01 «Экономическая теория» : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Молчанова Виктория Павловна ; Российская академия государственной службы при Президенте РФ. М., 2006. 32 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003269759> (дата обращения: 24.10.2022). EDN: NJZMFP.

26. Теребова С.В. Состояние и особенности развития малого бизнеса в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 178–199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-osobennosti-razvitiya-malogo-biznesa-v-rossii/viewer> (дата обращения: 23.10.2022). EDN: YGKHAR.

27. Мальцева Е.С. Проблемы и перспективы развития малого бизнеса в России // Бизнес и дизайн ревю. 2016. Т. 1. № 4 (4). URL: https://obe.ru/journal/2016_4/maltseva-e-s-problemy-i-perspektivy-razvitiya-malogo-biznesa-v-rossii/ (дата обращения: 14.12.2020). EDN: XENMPH.

28. Орехова С.В., Кислицын Е.В. Малый бизнес и структурные сдвиги в промышленности // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 4. С. 129–147. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147. EDN: VRDIZS.

29. Калабина Е.Г. Эффективные стимулы гармонизации взаимоотношений в экономической организации // Экономика региона. 2012. № 1 (29). С. 259–265. DOI: 10.17059/2012-1-27. EDN: OWJJQJ.

30. Босчаева З.Н., Коган М.В. Оценка эффективности деятельности малых предпринимательских структур // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2011. № 2. С. 101–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-deyatelnosti-malyh-predprinimatelskih-struktur/viewer> (дата обращения: 18.10.2022). EDN: OKFWBH.

31. Сидорова Н.И. Малое предпринимательство: оценка состояния и тенденций, анализ факторов // Дайджест-финансы. 2012. № 1 (205). С. 22–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-predprinimatelstvo-otsenka-sostoyaniya-i-tendentsiy-analiz-faktorov>. EDN: ONQJMF.

32. Зайцева Е.М. Специфика стратегического поведения администраций муниципальных образований как структур развития сферы малого и среднего предпринимательства (МСП) //

Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 1-1 (71). С. 119–122. DOI: [10.24411/2411-0450-2021-1027](https://doi.org/10.24411/2411-0450-2021-1027). EDN: NEVGKR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мокроносов Александр Германович – доктор экономических наук, профессор; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); amokronosov@mail.ru. AuthorID РИНЦ: [387112](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=387112), ORCID: [0000-0002-8037-0321](https://orcid.org/0000-0002-8037-0321), ScopusID: [57191417566](https://scopus.id/57191417566).

Зайцева Елена Михайловна – Администрация города Магнитогорска (455044, Россия, Магнитогорск, пр. Ленина, 72); Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); zem.86@list.ru. AuthorID РИНЦ: [793983](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=793983).

A MODEL OF IMPROVING SME MUNICIPAL SUPPORT EFFICIENCY

Aleksandr G. Mokronosov^a, Elena M. Zaytseva^{ba}

^a Уральский государственный экономический университет

^b Администрация города Магнитогорска

ABSTRACT:

The article is devoted to the issue of improving the efficiency of municipal support of small and medium businesses (SMEs) development based on bringing the existing methodological tools for its implementation in compliance with modern management technologies, relevant to the opportunities of digital economy transformation and external environment challenges. According to the author's hypothesis, one of the key factors in solving the problem under research is the elimination of the contradiction between the growing importance of the institution of local government in the multi-level support for SME development in Russia, its role in the sustainable municipal economy development and underdeveloped methods for assessing the efficiency of measures proposed by municipalities and organizational and economic mechanism for their implementation.

Based on the generalized theoretical basis and systematized methodological approaches to solving the problem, the article provides the author's interpretation of structure and content of the principles for assessing the efficiency of municipal support for SMEs development, proposes a conceptual model of assessing the performance of local governments and gives recommendations to improve the organizational and economic mechanism for its implementation.

The scientific novelty of the proposed assessment model lies in the construction of its algorithm on the conceptual provisions of a balanced scorecard, adapted to the specifics of the sectoral structure of the territorial economy and to the features of the ecosystem approach to researching the field of municipal SMEs as a socio-economic cluster. Of special concern in the model is the choice of strategic directions for supporting the SME field on the basis of SWOT analysis matrix, developing network interactions between SMEs and large corporations, including monotown enterprises, universities, research centers and other stakeholders.

The performance assessment, which reflects the nature of the compliance of the implemented measures with strategic goal-setting, is supposed to be carried out in an organic relationship with the calculation of indicators of the four types of efficiency: economic, budgetary, social, investment, followed by the calculating the integral performance indicator. In order to reduce transaction costs and improve municipal services quality, the article provides grounds for the expediency of improving the organizational and economic mechanism for implementing the proposed model through applying the project approach to the municipal activities.

KEYWORDS: municipal SME support, methodological tools, performance assessment, project management.

FOR CITATION: Mokronosov A.G., Zaytseva E.M. (2022). A model of improving SME municipal support efficiency, *Management Issues*, no. 5, pp. 47–64. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/04>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-47-64. EDN: NMAXTY.

REFERENCES

1. Vakhtina M.A. (2020). Russian monocorts: new challenges, old problem, *Scientific Vector of the Balkans*, vol. 4, no. 4 (10), pp. 76–79. DOI: 10.34671/SCH.SVB.2020.0404.0016. EDN: QOAAVI.
2. Zemtsov S.P., Chepurenko A.Yu., Barinova V.A., Krasnoselskih A.N. (2020). New entrepreneurship policy in Russia after the 2020 crisis, *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 44–67. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-10-44-67. EDN: EBTJFG.
3. Shumchuk R.N. (2010). An increase of efficiency of the enterprise on the basis of the balanced system of parameters, *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 12, no. 4-2, pp. 510–513. EDN: NDYIOR.
4. Zaitseva E.M. (2015). Specificity of a patriotic component of mono-city information space as a means of controlling public conscience (exemplified by Magnitogorsk City), *Management Issues*, no. 1 (32), pp. 60–64. URL: <https://journal-management.com/issue/2015/01/08>. EDN: RKIGNV.
5. Voronov N.D., Grineva S.I. (2018). Regional experience in the implementation of project management on the example of Sverdlovsk and Belgorod regions, *EGO: Economics. State. Society*, no. 2 (33). URL: <https://ego.ui.ranepa.ru/issue/2018/02/05>. EDN: HZSHJZ.
6. Kireev N.N. (2019). Mechanism for assessing and improving the efficiency of small business development in the region. Abstract of Ph. D. thesis. Southwest State University. Kursk. 24 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010173537> (accessed 24.10.2022).
7. Burov V.Yu., Bagiev G.L. (sc. eds.) (2018). Small Business and the Digital Economy: Prospects and Challenges. Monograph. Chita: Transbaikalian State University. 221 p. EDN: GFCIMA.
8. Buev V.V. (ed.) (2007). Integral indicators of the development of small business. Report. Moscow. 17 p. EDN: QSFWCB.
9. Kremin A.E. (2017). Assessment methodology of state support efficiency of small entrepreneurship in the region, *Problems of Territory's Development*, no. 3 (89), pp. 46–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-effektivnosti-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-predprinimatelstva-v-regione> (accessed 23.10.2022). EDN: YPATIX.
10. Shumchuk R.N. (2010). An increase of efficiency of the enterprise on the basis of the balanced system of parameters, *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 12, no. 4-2, pp. 510–513. EDN: NDYIOR.
11. Orekhova S.V., Kislitsyn E.V. (2019). Total factor productivity in the Russian industry: small vs large enterprises, *Journal of New Economy*, vol. 20, no. 2, pp. 127–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovokupnaya-proizvoditelnost-faktorov-v-promyshlennosti-rossii-malye-vs-krupnye-predpriyatiya/viewer> (accessed 28.11.2020). EDN: TZOXOM.
12. Barinova V.A., Zemtsov S.P. (2019). International comparative analysis of the role of small and medium-sized enterprises in the national economy: a statistical study, *Voprosy Statistiki*, vol. 26, no. 6, pp. 55–71. URL: https://www.researchgate.net/publication/334061178_Mezhdunarodnyj_sravnitelnyj_analiz_rol_i_malyh_i_srednih_predpriyatij_v_nacionalnoj_ekonomike_statisticheskoe_issledovanie (accessed 14.12.2020). DOI: 10.34023/2313-6383-2019-26-6-55-71. EDN: ESFYHK.
13. Ulko S.A. (2019). Modern situation of small and medium entrepreneurship in Russia and China, *Vector Economy*, no. 6 (36), p. 54. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/6/worldconomy/Ulko.pdf> (accessed 28.10.2022). EDN: AUOZYD.
14. Konovalova M.E., Kuzmina O.Yu., Medvedeva T.Yu. (2019). The development of entrepreneurship in the modern economy of Russia, *Economic Sciences*, no. 5 (174), pp. 13–17. DOI: 10.14451/1.174.13. EDN: ELHRLH.
15. Grigoryeva V.V. (2018). Improving the quality of public services in the field of support and development of small and medium-sized businesses. Abstract of Ph. D. thesis. State University of Management. Moscow. 32 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008709110> (accessed 24.10.2022).

16. Kozhuka N.A., Kuznetsova E.L. (2017). The main problems of small business development in the Russian Federation, *Scientific and methodical electronic journal "Concept"*, no. S13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-razvitiya-malogo-predprinimatelstva-v-rf/viewer> (accessed 11.12.2020). EDN: YRJNPB.
17. Baytursunov A.A. (2019). Improving the system of state incentives for priority areas of SME (on the example of the Republic of Kazakhstan). Abstract of Ph. D. thesis. Russian University of Friendship of Peoples. Moscow. 28 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008586840> (accessed 24.10.2022).
18. Salomatina M.N., Basaranovich E. (2015). Methodological bases for assessing the effectiveness of small and medium-sized businesses, *Eurasian Union of Scientists. Economic sciences*, no. 3 (12). URL: <https://euroasia-science.ru/ekonomicheskie-nauki/metodicheskie-osnovy-otsenki-effekty/> (accessed 24.10.2022).
19. Volkova I.A., Popova A.Yu. (2016). Modern problems of small and medium business in Russia, *Scientific and methodical electronic journal "Concept"*, no. S4, pp. 6–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-malogo-i-srednego-biznesa-v-rossii/viewer> (accessed 11.10.2021). EDN: VOAJKP.
20. Kuznetsov Yu.V., Bykova N.V. (2017). The effectiveness of state support of small entrepreneurship in Russia, *Finance: Theory and Practice*, vol. 21, no. 6 (102), pp. 50–59. DOI: 10.26794/2587-5671-2017-21-6-50-59. EDN: YMTJRL.
21. Burov V.Yu., Bagiev G.L. (sc. eds.) (2018). Small Business and the Digital Economy: Prospects and Challenges. Monograph. Chita: Transbaikal State University. 221 p. EDN: GFCIMA.
22. Alikaeva M.V., Aslanova L.O., Bazhenova T.Yu., et al. (2018). Strategic development of small business and forms of support for individual entrepreneurship. Monograph. Nizhny Novgorod: NOO "Professionalnaya Nauka". 302 p. ISBN: 978-5-6040739-2-6. URL: <http://scipro.ru/conf/monographbusiness.pdf>. EDN: XMESDJ.
23. Mokronosov A.G., Vershinin A.A. (2014). Advanced development model of territorial human resources potential, *Education and Science Journal*, no. 8 (117), pp. 19–32. EDN: SXVEPN.
24. Bykovskaya Yu.V., Ivanova L.N., Safokhina E.A. (2018). Small and medium-sized business in modern Russia: the state, problems and directions of development, *The Eurasian Scientific Journal*, vol. 10, no. 5, p. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo-v-sovremennoy-rossii-sostoyanie-problemy-i-napravleniya-razvitiya> (accessed 23.10.2022). EDN: YAGDPI.
25. Molchanova V.P. (2006). Small business and prospects for its development in Russia. Abstract of Ph. D. thesis. Russian Presidential Academy of Public Administration. Moscow. 32 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003269759> (accessed 24.10.2022). EDN: NJZMFP.
26. Terebova S.V. (2017). The current state and specifics of small business development in Russia, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 10, no. 1, pp. 178–199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-osobennosti-razvitiya-malogo-biznesa-v-rossii/viewer> (accessed 23.10.2022). EDN: YGKHAR.
27. Maltseva E.S. (2016). Problems and prospects of development of small business in Russia, *Business and Design Review*, vol. 1, no. 4 (4). URL: https://obe.ru/journal/2016_4/maltseva-e-s-problemy-i-perspektivy-razvitiya-malogo-biznesa-v-rossii/ (accessed 14.12.2020). EDN: XENMPH.
28. Orekhova S.V., Kisilitsyn E.V. (2019). Small business and structural changes in industry, *Terra Economicus*, vol. 17, no. 4, pp. 129–147. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-129-147. EDN: VRDIZS.
29. Kalabina E.G. (2012). Effective fillips for the harmonization of relations in an economic organization, *Economy of Regions*, no. 1 (29), pp. 259–265. DOI: 10.17059/2012-1-27. EDN: OWJJQJ.
30. Boschaeva Z.N., Kogan M.V. (2011). Estimation of efficiency of small enterprise structures' activity, *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, no. 2, pp. 101–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-deyatelnosti-malyh-predprinimatelskih-struktur/viewer> (accessed 18.10.2022). EDN: OKFWBH.
31. Sidorova N.I. (2012). Small entrepreneurship: assessment of the status and trends, analysis of factors, *Digest Financials*, no. 1 (205), pp. 22–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/maloe-predprinimatelstvo-otsenka-sostoyaniya-i-tendentsiy-analiz-faktorov>. EDN: ONQJMF.
32. Zaitseva E.M. (2021). Specifics of the strategic behavior of municipal administrations as structures for the development of small and medium-sized enterprises, *Economy and Business: Theory and Practice*, no. 1-1 (71), pp. 119–122. DOI: 10.24411/2411-0450-2021-1027. EDN: NEVGKR.

AUTHORS' INFORMATION:

Aleksandr G. Mokronosov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); amokronosov@mail.ru. RSCI AuthorID: **387112**, ORCID: **0000-0002-8037-0321**, ScopusID: **57191417566**.

Elena M. Zaytseva – Administration of the city of Magnitogorsk (72, Lenin Av., Magnitogorsk, 455044, Russia); Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); zem.86@list.ru. RSCI AuthorID: **793983**.

РОЖДАЕМОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДИНАМИКИ

Зырянова М.А.^а

^а Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

АННОТАЦИЯ:

С января 2020 г. мир начал жизнь в новых реалиях – в условиях распространения нового инфекционного заболевания – COVID-19, была объявлена пандемия. Нестандартная ситуация привела к дисбалансу в функционировании системы здравоохранения, всплеску уровня смертности, росту психологической тревожности. Локдауны, сокращение международного взаимодействия, снижение темпов торговли, закрытие контактоемких отраслей подорвали экономики мира и России в частности. Академической литературе известно, что всплеск смертности ввиду социальных, экономических, природных катаклизмов влечет за собой сокращение рождаемости в ближайшей перспективе. Поэтому целью исследования стало выявление актуальных тенденций рождаемости и динамики репродуктивных установок, а также оценка экономического положения населения до и после пандемии COVID-19 в России и ее северных регионах (на примере Республики Коми). Методика исследования включает в себя три блока, в каждый из которых входит ряд индикаторов для оценивания ситуации: первые два блока основаны на оценке данных официальной государственной статистики – демографический и экономический, третий блок – социологический. Экономический блок позволил по статистическим данным определить, как менялись основные показатели макроэкономического развития и уровня жизни населения до и после пандемии; демографический блок позволил дать оценку динамики процессов рождаемости; социологический блок включает в себя интерпретацию трех социологических исследований, проведенных сотрудниками ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в 2013 г., 2017 г. и 2020 г. с целью определения репродуктивных установок и экономического положения экономически активного населения активных репродуктивных возрастов (20-39 лет) Республики Коми. Исследование позволило выявить ухудшение экономических показателей в условиях пандемии, сокращение общего коэффициента рождаемости, увеличение в период между исследованиями тех индивидов (семей), которые живут за чертой бедности или около нее.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена по теме НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ государственного учета 122012700169-9, 2022-2024 гг.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рождаемость, возрастная структура, коронавирус COVID-19, смертность, показатели уровня жизни, экономическое развитие, бедность, репродуктивные установки.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зырянова М.А. Рождаемость в период пандемии COVID-19: причины формирования динамики // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 66–80. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/05>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-66-80. EDN: BVSVGY.

■ ВВЕДЕНИЕ

Нормы детности в современных обществах, совершивших демографический переход, не так высоки, как были в традиционных обществах: самая распространенная модель семьи в России – это семья с одним-двумя детьми. Современный тип репродуктивного поведения характеризуется высокой степенью рационализма. Поэтому выстраивание стратегии реализации планов детности стало очень чувствительным у семьи (индивида) ко второму структурному элементу, влияющему на репродуктивное поведение, – условиям жизни, первый элемент, как известно – потребность в детях. В начале 2020 г. эти условия поменялись в значительной степени не в лучшую сторону и при этом – в глобальном масштабе, вместе с тем затронув все стороны индивидуальной жизни.

В январе 2020 г. по всему миру и в России началась пандемия коронавируса, что вызвало рост заболеваемости и ухудшение состояния здоровья значительной части населения, привело к избыточной смертности и спровоцировало всплеск смертности от других заболеваний, в том числе из-за «перетягивания» внимания медицины на COVID-19.

Пандемия 2020-2021 гг. нанесла значительный урон мировой и национальным экономикам. Обвал мирового фондового рынка, кризис почти всех отраслей экономики, особенно контактоемких, снижение международного взаимодействия и уровня потребительского спроса внутри страны, падение производства, сокращение рабочих мест, ухудшение качества жизни населения – вот только некоторые негативные экономические последствия распространения новой коронавирусной инфекции.

Уровень прироста общего коэффициента смертности в 2021 г. по сравнению с 2019 г. был критическим и достиг не наблюдавшихся прежде в мирное время размеров. В России летальность от коронавирусной инфекции на 20 июня 2022 г. составила 2,07%, а в Республике Коми – 2,54% от общего числа заболевших. При этом дела со смертностью от новой коронавирусной инфекции в России обстоят хуже, чем в других странах: для примера в США коэффициент летальности составляет 1,19%, в Швеции – 0,75%, в Беларуси – 0,71%¹.

¹ Статистика распространения коронавируса. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/belarus/>.

Ситуация с общей смертностью имела позитивные сдвиги в России и Республике Коми со второй половины 2000-х гг. На протяжении «16 лет с 2004 г. по 2019 г. в России наблюдался рост продолжительности жизни. Показатель увеличился за 2003-2019 гг. на 8,5 года: с 64,8 до 73,3 лет. Решающий вклад внесло сокращение смертности от болезней системы кровообращения» [1, с. 94, 101]. За XXI столетие лучшие результаты в борьбе с высокой смертностью были достигнуты именно в период перед началом эпидемии коронавируса: в 2017 г. общий коэффициент смертности (ОКС) в России составил 12,4‰, в 2018 г. – 12,5‰, в 2019 г. – 12,3‰, в Республике Коми: в 2017 г. – 11,8‰, в 2018 г. – 11,9‰, в 2019 г. – 12,0‰².

В России общий коэффициент смертности в 2021 г. по сравнению с 2019 г. увеличился на 36,6‰. В 2019 г. он составлял 12,3‰, в 2020 г. – 14,6‰, в 2021 г. – 16,8‰. В Республике Коми прирост был на 34,2‰, если в 2019 г. общий коэффициент смертности составлял в республике 12,0‰, то в 2020 г. – 13,5‰, а в 2021 г. – 16,1‰. Очень острой проблемой, не имеющей права оставаться без внимания со стороны ученых, государства и общественности, является то, что такого уровня смертности, как в 2021 г., не наблюдалось даже в тяжелые для России 1990-е гг., в период становления нового государства с переходом к рыночной экономике. Уровень смертности населения в России намного выше, чем в других странах: для сравнения в 2020 г. в США он находился на уровне 8,9‰, в Канаде – 7,8‰, в Швеции – 9,1‰³.

Академической литературе хорошо известно влияние волн тепла, эпидемий (болезней), землетрясений, голода и прочих катаклизмов на сокращение рождаемости в ближайшей перспективе [2]. Поэтому целью статьи стало: определение причин сокращения рождаемости в период пандемии COVID-19 и сравнительный анализ экономического положения и репродуктивных установок населения в активных репродуктивных возрастах, что поможет выявить дальнейшие перспективы рождаемости и определить те экономические условия, в которых семьи реализуют свой репродуктивный потенциал.

² Естественное движение населения в разрезе субъектов РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm.

³ Мировой атлас данных. Демография. URL: <https://knoema.ru/atlas/Канада/Коэффициент-смертности>.

■ ИЗУЧЕННОСТЬ

В зарубежной литературе в связи с актуальностью заявленной темы проводится большое количество исследований на тему реального и прогнозируемого влияния распространения эпидемии коронавируса на рождаемость. Ряд ученых уже сделали предметом своих исследований значительное снижение рождаемости в США в период Великой рецессии 2008 г. и пришли к выводу, что «увеличивающиеся затраты, связанные с воспитанием детей, безработица и потерянный доход обязательно снижают рождаемость. Таков был опыт Великой рецессии 2008 г., когда общая рождаемость снизилась, особенно в странах с наиболее сильным экономическим спадом» [3].

М. Керни и П. Левин приходят к выводу, что «последствия пандемии в США действительно проявились только в марте 2020 г. и “пропущенные роды” в США в IV квартале 2020 г. можно обоснованно отнести к последствиям пандемии» [4]. Социологический опрос, проведенный Л. Линдберг, А. Вандевусс, Дж. Мюллер и М. Кирстейн из Института Гутмахера, показывает, что «34% американских женщин либо отложили свои планы родить ребенка, либо сократили число детей, которых они ожидают иметь в результате пандемии COVID-19» [5]. Другой опрос, проведенный Ф. Луппи и ее коллегами, показывает, что «европейские женщины также планируют отложить рождение или иметь меньше детей» [6]. К выводам о том, что распространение COVID-19 повлияло на сокращение рождаемости в США, приходит также Дж. Уайльд с соавторами [7]. Локдауны и изоляция детей, закрытие школ увеличили нагрузку на родителей, что заставило их пересмотреть планы детности в сторону снижения [8].

Исследованию особенностей трансформации репродуктивного поведения на современном этапе, оценке факторов, влияющих на формирование репродуктивных планов и их реализацию, поиску механизмов улучшения демографической ситуации посвящены труды О.Н. Калачиковой [9], О.А. Козловой и О.О. Секички-Павленко [10], О.В. Кучмаевой, О.А. Золотаревой, С.Б. Гуляева [11], Л.А. Поповой [12], С.А. Сукнёвой, А.С. Барашковой, К.Ю. Постниковой [13]. По результатам масштабного социологического исследования ценностей семейно-детного образа жизни, проведенного в 2019 г. в шести

регионах России и г. Москве, было выявлено, что «в среднем респонденты хотели бы при всех необходимых условиях (желаемое ЧД) иметь 2,7 детей, что выше значения идеального числа детей (2,5) и достаточно сильно превышает ожидаемое, равняющееся двум детям (2,0)» [14].

В феврале – марте 2020 г. в рамках проекта «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России» было проведено социологическое обследование в десяти регионах страны. По итогам опроса было выявлено, что репродуктивные ожидания чаще всего находятся на уровне двухдетной семьи (41,9% опрошенных), однодетной семьи (18,1%) и реже – трехдетной семьи (14,5%) [15, с. 49, 51].

Оценке того, как повлияли последствия распространения новой коронавирусной инфекции на уровень рождаемости, репродуктивное поведение населения, посвящены труды А.Н. Архангельского и О.Н. Калачиковой [16], И.А. Кульковой [17], А.В. Носковой [18], С.Ю. Сивоплясовой [19], А.Б. Синельникова [20] и др. ученых.

А.В. Верещагина заключает, что «демографической сферы тоже коснутся последствия пандемии, поскольку “перезагрузка” сознания, связанная с пониманием крайней нестабильности, неустойчивости, хрупкости современного глобального мира, созданных в нем экономических отношений, экономических систем и рыночных реалий института труда, однозначно “перезагрузит” и модели демографического поведения постпандемического человечества» [21, с. 52]. В 2019-2020 гг. по опросам, проведенным в десяти регионах РФ, выявлено, что «такой фактор, как “неуверенность в завтрашнем дне” мешает иметь желаемое число детей по мнению 59,4% мужчин и 63,0% женщин» [22, с. 156]. И коронавирус очень пошатнул эту уверенность.

А.В. Смирнов и М.В. Храмова отмечают, что «около 19% россиянок отложили рождение детей из-за пандемии коронавирусной инфекции» [23]. Е.Н. Васильева и Г.Р. Баймурзина также утверждают, что «пандемия стала причиной ухудшения как социально-экономических показателей уровня жизни семей, так и демографической ситуации во многих странах мира, в том числе России» [24]. Н.Е. Русанова подчеркивает, что «в развитых странах с медиализированным репродуктивным поведением, формируемым с учетом современных ме-

тодов планирования семьи, рождаемость если и вырастет после пандемии, то лишь в определенных группах населения, ориентированных на детоцентризм при любых социально-экономических условиях» [25, с. 157].

По результатам социологических опросов, «распространение коронавирусной инфекции негативно повлияло на благосостояние населения: об ухудшении материального положения своей семьи за 2020 г. сообщила половина опрошенных» [26]. Новые экономические и эпидемиологические условия также могут негативно отразиться на уровне материального благополучия и рождаемости в Республике Коми, что усугубляется постоянным миграционным оттоком молодежи из региона, поэтому настоящее исследование является актуальным.

■ МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование базируется на общенаучных методах описательного анализа, синтеза, сравнения. Цель представленного исследования – сравнительный анализ экономического положения, уровня рождаемости и репродуктивных установок населения до и после пандемии COVID-19 для определения дальнейших перспектив рождаемости в России и ее северном регионе, а также выявления тех условий, в которых происходит реализация репродуктивного потенциала населения в настоящий момент. Методика исследования включает в себя три блока, в каждый из которых входит ряд индикаторов для оценивания ситуации: первые два блока – демографический и экономический – основаны на оценке данных официальной государственной статистики, третий блок – социологический.

Первый блок – оценка рождаемости с помощью демографических статистических показателей. Для статистической оценки динамики рождаемости в статье использованы следующие показатели: общий коэффициент рождаемости (ОКР), суммарный коэффициент рождаемости (СКР), естественный прирост (убыль) на 1 000 человек населения, численность женщин репродуктивных возрастов (15-49 лет) в общей структуре населения; численность женщин 15-24 лет в структуре женского населения репродуктивных возрастов.

Для определения изменения экономической ситуации (второй блок) в методику исследования были включены следующие показатели:

валовой внутренний продукт для России и валовой региональный продукт для Республики Коми; инвестиции в основной капитал на душу населения; среднедушевые денежные доходы населения (в мес.); потребительские расходы на душу населения (в мес.); оборот розничной торговли за год на душу населения; коэффициент покупательной способности доходов, представленный как отношение между среднедушевыми денежными доходами и прожиточным минимумом в целом для населения страны (региона); уровень безработицы. Для сравнения статистических показателей, выраженных в денежном эквиваленте, было произведено их инфлирование с помощью индекса изменения потребительских цен на товары и услуги с целью приравнивания их к ценам 2020 г.

Материалы официальной государственной статистики взяты из базы данных ЕМИСС (федеральной службы государственной статистики)⁴, сайта «Естественное движение населения в разрезе субъектов РФ»⁵, статистического сборника «Регионы России: социально-экономические показатели»⁶, раздела «Уровень жизни»⁷ официальной статистики на сайте Росстата, информации по летальности от коронавируса COVID-19⁸, «Мирового атласа данных»⁹ для сопоставления демографических показателей России с другими странами.

Третий блок представленного исследования – социологический. Для сравнительного анализа репродуктивных установок и экономического положения занятого населения Республики Коми в возрасте 20-39 лет (на которые приходится 92,5% всех рождений в 2020 г.) до и после пандемии COVID-19 были использованы результаты ряда социологических исследований, проведенных сотрудниками ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

⁴ ЕМИСС. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/>.

⁵ Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm.

⁶ Регионы России: социально-экономические показатели / Ст. сб. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

⁷ Уровень жизни. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>.

⁸ Статистика распространения пандемии коронавируса COVID-19 в России и ее регионах. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/russia/>.

⁹ Мировой атлас данных. Демография. URL: <https://knoema.ru/atlas/Канада/Коэффициент-смертности>.

Первое исследование было проведено сотрудниками ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в 2013 г. по ступенчатой квотированной выборке и охватило все 20 муниципальных образований республики. В опросе приняло участие 795 человек (74% женщин и 26% мужчин) в возрасте 15-49 лет, из них для целей исследования были отобраны опрошенные в возрасте 20-39 лет. Второе социологическое обследование было проведено в 2017 г. по сложной многоступенчатой выборке, квотированной по городскому и сельскому населению. Оно охватило все 20 муниципальных образований республики. В нем приняло участие 576 мужчин и женщин в возрасте 20-39 лет, занятых в экономике. Из них 66,8% респондентов проживают в городе, 9,5% – в поселках городского типа и 23,6% на сельских территориях, подробнее выборка представлена в исследовании Л.А. Поповой и А.А. Сивковой [27, с. 127-128].

Третье обследование – «Здоровье и качество жизни населения» было проведено коллективом исследователей ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в декабре 2020 г. посредством раздаточного анкетирования по квотированной выборке, охватывающей все 20 муниципальных образований Республики Коми. В исследовании приняли участие 567 опрошенных в возрасте 20-39 лет, занятых в экономике. Из них 65,6% опрошенных проживают в городе, 7,2% – в поселках городского типа, 27,2% – на сельских территориях, подробнее выборка описана в работе Л.А. Поповой, Т.В. Милаевой, Е.Н. Зориной [28, с. 206]. Обработка и анализ социологических данных проведены с помощью программы *MS Statistica*.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представим результаты оценки динамики процессов рождаемости в России и Республике Коми. Общий коэффициент рождаемости сокращается в России с 2016 г. (составляя 12,9‰), в Республике Коми – с 2015 г. (13,7‰) (Табл. 1). В России общий коэффициент рождаемости сократился к 2021 г. по сравнению с 2019 г. на 5,0%: с 10,1‰ до 9,6‰. В Республике Коми ОКР уменьшился на 7,3%: с 9,6‰ до 8,9‰.

Усугубились проблемы в области естественного воспроизводства. В результате действия федеральной пронаталистской политики (с начала 2000-х гг.) и национального проекта «Здо-

Таблица 1 – Общий коэффициент рождаемости (в ‰) и суммарный коэффициент рождаемости в России и Республике Коми, 2010-2021 гг.

Table 1 – Total fertility rate (in ‰) and crude fertility rate in Russia and the Komi Republic, 2010-2021

Год	Общий коэффициент рождаемости		Суммарный коэффициент рождаемости	
	РФ	Коми	РФ	Коми
2010	12,5	12,9	1,57	1,63
2011	12,6	13,1	1,58	1,70
2012	13,3	14,0	1,69	1,88
2013	13,2	14,2	1,71	1,96
2014	13,3	14,2	1,75	2,01
2015	13,3	13,7	1,78	2,00
2016	12,9	13,1	1,76	1,97
2017	11,5	11,5	1,62	1,78
2018	10,9	10,2	1,58	1,63
2019	10,1	9,6	1,50	1,57
2020	9,8	9,3	1,50	1,57
2021	9,6	8,9	1,50	1,53

ровье», относительного улучшения экономической ситуации в 2012-2013 гг. удалось в России в 2013-2016 гг. выйти на естественный прирост населения. В Республике Коми демографические успехи продлились еще дольше – с 2011 г. по 2016 г. Далее произошел запуск новой волны депопуляции, которая «происходит под двойным давлением: с одной стороны, это традиционные факторы изменения демографических тенденций, а с другой – экстремальное действие фактора пандемии COVID-19» [29, с. 9].

Суммарный коэффициент рождаемости (показатель, в большей степени освобожденный от особенностей возрастной структуры) в России и Республике Коми в условиях нового этапа депопуляции стал сокращаться. Однако в России в 2019 г., 2020 г. и 2021 г. он свое значение не менял и составлял 1,50 рождений в среднем на одну женщину за репродуктивный период. В Республике Коми в 2019 г. и 2020 г. СКР составил 1,57, а в 2021 г. – 1,53.

Самым резким сокращением суммарного коэффициента рождаемости было в 2017 г. – на 8,0% в России (с 1,76 до 1,62) и на 9,6% в Республике Коми (с 1,97 до 1,78). Такое значительное сокращение показателя рождаемости у молодых поколений в этот период может являться своеобразным ответом на экономический кризис 2014-2015 гг., повлекший за собой ухудшение уровня жизни населения, при котором, как всегда, пострадали более уязвимые категории населения – в том числе, семьи с детьми, молодые семьи, планирующие детей. Как будет рас-

крыто чуть ниже, многие показатели уровня жизни и экономического развития в реальных ценах больше не достигали докризисных более-менее благоприятных значений. Общий коэффициент рождаемости в пандемию в России и Республике Коми сократился существенно (на 5,0% и 7,3% соответственно), чем суммарный коэффициент рождаемости, что свидетельствует о том, что структурные факторы все еще вносят больший вклад в сокращение рождаемости.

За период действия коронавирусной инфекции естественная убыль населения в РФ и Республике Коми достигла максимальных для мирного времени значений. В России естественная убыль увеличилась с 2,2 на 1000 человек населения в 2019 г. до 4,8‰ в 2020 г. и 7,2‰ в 2021 г. В 2019 г. смертность превышала рождаемость на 317 233 человек, а в 2021 г. – на 1 042 675 человек. В Республике Коми естественная убыль увеличилась за годы пандемии COVID-19 с 2,4‰ (1 973 человека) в 2019 г. до 7,2‰ в 2021 г. (5 810 человек).

В пандемию продолжилось негативное воздействие структурных факторов на рождаемость, начавшееся после 2010-х гг. Происходит снижение численности женщин 15-49 лет в структуре женского населения. В 2002 г. в России доля женщин 15-49 лет составляла 51,5% в общей структуре женского населения, в 2010 г. – 49,1%, в 2015 г. – 45,5%, в 2020 г. – 43,9%. В численном выражении было 39 966 700 женщин 15-49 лет в 2002 г., и стало 34 502 030 женщин в 2020 г., иными словами, за указанный период их стало на 5 млн 464 тыс. 670 чел. меньше. В Республике Коми численность женщин детородных возрастов в 2002 г. составляла 56,7% в женском населении, в 2010 г. – 51,4%, в 2015 г. – составляла 46,0%, а в 2020 г. – всего 43,5%.

Теперь посмотрим, как в эти годы изменялась возрастная структура непосредственно внутри женского репродуктивного контингента. Так, в России в 2002 г. доля женщин 15-24 лет составляла 30,0% в структуре женщин 15-49 лет, в 2010 г. – 27,8%, в 2015 г. – 22,1%, в 2020 г. еще меньше – 19,9%. В 2002 г. насчитывалось 11 979 708 девушек 15-24 лет, а в 2020 г. всего 6 880 269 девушек, т.е. разница составила 1,74 раза.

В Республике Коми доля женщин 15-24 лет в структуре женского населения репродуктивных возрастов в 2002 г. составляла 29,5%,

в 2010 г. – 25,4%, в 2015 г. – 20,5%, в 2020 г. – 21,4%. В 2002 г. насчитывалось 88 710 девушек в возрасте 15-24 лет, а в 2020 г. – 40 302 девушек, т.е. произошло сокращение более чем в два раза, или на 48 408 человек. Как видим, рождаемость сейчас реализуется в условиях сокращения численности женщин репродуктивных возрастов в общей структуре женского населения и старения возрастной структуры внутри репродуктивного контингента, что делает тревожными прогнозируемые перспективы рождаемости.

Второй фактор, способный влиять на сокращение рождаемости – ухудшение экономической ситуации. Влияние этого фактора является очень важным, так как «решение о деторождении зависит не только от текущих условий, но и от восприятия настоящих и будущих экономических обстоятельств. Контекстные макроэкономические условия влияют на формирование этого восприятия» [30; 31]. Для сопоставимости экономических показателей, выраженных в рублях, было произведено их инфлирование для приведения к ценам 2020 г.

В 2020 г., по сравнению с 2019 г., в России и Республике Коми продолжились сокращаться важнейшие макроэкономические показатели. Если рассматривать их динамику в более долгосрочном периоде, то становится видно, что их лучшее состояние наблюдалось в 2012-2013 гг., то есть до наступления валютного кризиса в России 2014-2015 гг., связанного с резким ослаблением российского рубля ввиду снижения мировых цен на нефть и введением экономических санкций для России со стороны других государств (Табл. 2).

Уровень безработицы к 2019 г. сократился по сравнению с 2013 г. на 0,9 п.п., зато за пандемию он снова возрос на 1,2 п.п. Сравнение остальных показателей по состоянию на 2013 г., 2019 г. и 2020 г. показало их поэтапное сокращение. Такой важнейший макроэкономический показатель, как ВВП в рассмотренный период сокращался, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в реальных сопоставимых ценах сокращение составило 7,7%.

Инвестиции в основной капитал на душу населения сократились на 4,3% в 2020 г. по сравнению с 2013 г. Среднедушевые денежные доходы населения России в реальных ценах в 2020 г. сократились по сравнению с 2013 г. на 7,9%, потребительские расходы на душу населения (в месяц) – на 14,2%, оборот розничной тор-

Таблица 2 – Показатели развития экономики и уровня жизни населения в Российской Федерации, 2013 г., 2019 г. и 2020 г. в реальном выражении, в ценах 2020 г.**Table 2** – The indicators of the development of the economy and the standard of living of the population in the Russian Federation, 2013, 2019 and 2020, in prices of 2020

Показатель	Год		
	2013	2019	2020
Валовой внутренний продукт (ВВП), трлн руб.	156 363,5	115 438,3	106 607,0
Инвестиции в основной капитал на душу населения, рублей	143 514,5	138 080,9	137 364,0
Среднедушевые денежные доходы населения, в мес. (СДД), рублей	39 328	37 246	36 240
Потребительские расходы в мес. на душу населения, рублей	31 785	29 865	27 276
Оборот розничной торговли за год, на душу населения, рублей	252 731	240 330	231 283
Коэффициент покупательной способности доходов (СДД/ПМ)	3,51	3,35	3,20
Уровень безработицы, в %	5,5	4,6	5,8

Источник: рассчитано автором.

Таблица 3 – Показатели развития экономики и уровня жизни населения в Республике Коми, 2013 г., 2019 г. и 2020 г. в реальном выражении, в ценах 2020 г.**Table 3** – The indicators of the development of the economy and the standard of living of the population in the Komi Republic, 2013, 2019 and 2020, in prices of 2020

Показатель	Год		
	2013	2019	2020
Валовой региональный продукт (ВРП), млн рублей	749 860,6	768 408,4	612 136,2
Инвестиции в основной капитал на душу населения, рублей	353 310	148 608	171 900
Среднедушевые денежные доходы населения, в мес. (СДД), рублей	44 656	37 831	36 687
Потребительские расходы в мес. на душу населения, рублей	34 245	26 364	24 249
Оборот розничной торговли за год, на душу населения, рублей	260 712	210 353	201 675
Коэффициент покупательной способности доходов (СДД/ПМ)	3,02	2,56	2,52
Уровень безработицы, в %	7,1	6,8	7,8

Источник: рассчитано автором.

говли на душу населения (в год) – на 8,5%, коэффициент покупательной способности доходов, рассчитываемый как соотношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму, снизился на 8,8%. Прогнозируя преодоление кризисных явлений в экономике, порожденных первой волной коронавируса, Н.В. Зубаревич отмечает, что «Россия в целом, и её регионы будут выходить из коронавирусного кризиса медленно, если не начнут быстро расти глобальный спрос на продукцию экспортных отраслей и доходы российского населения» [32, с. 58].

В Республике Коми в реальных ценах ВРП сократился в условиях пандемии на 20,3% (Табл. 3). Объем инвестиций в основной капитал на душу населения в 2019-2020 гг. уменьшился тоже значительно и стал намного ниже, чем до экономического кризиса 2014-2015 гг. Такая негативная тенденция по сокращению инвестиционной активности набрала обороты в республике с 2017 г. Ситуация с уровнем безработицы аналогична общероссийскому уровню: мы видим сокращение доли безработных в

2019 г. (6,8%) по сравнению с 2013 г. (7,1%), однако в условиях пандемии COVID-19 снова в республике зарегистрирован ее рост до 7,8%.

Крайне негативно, чем в целом по стране, в Республике Коми выглядит динамика показателей уровня жизни населения в реальных ценах 2020 г. (Табл. 3). В 2020 г. по сравнению с 2013 г. среднедушевые денежные доходы населения сократились на 17,8%, потребительские расходы на душу населения (в мес.) стали меньше на 29,2%, оборот розничной торговли на душу населения (в годовом исчислении) упал на 22,6%, коэффициент покупательной способности доходов снизился на 16,6%.

Как показало социологическое исследование, экономическое положение населения за период 2017-2020 гг. ухудшилось. Если в 2017 г. около или за чертой бедности (прожиточного минимума) по размеру дохода, который приходится в месяц на одного члена семьи, учитывая все источники доходов, находилось 25,4% занятого населения Республики Коми в активных репродуктивных возрастах, то в 2020 г. их было уже 32,5% от числа опрошенных – то есть это

Таблица 4 – Ответы респондентов на вопрос «Какой приблизительно размер дохода приходится в месяц на одного члена Вашей семьи (средний за последние 6 месяцев, с учетом всех членов семьи, в том числе детей)», в % от числа ответивших, 2017 г.

Table 4 – Respondents' answers to the question "What is the approximate amount of income per month for one member of your family (average over the last 6 months, taking into account all family members, including children)", in % of the number of respondents, 2017

Варианты ответов	% ответивших
Менее 8100 руб.	8,0
8100-12914 руб.	17,4
12914-20000 руб.	37,6
20000-30000 руб.	20,5
30000-45000 руб.	8,3
45000-60000 руб.	4,4
60000-75000 руб.	2,4
Более 75000 руб.	1,5
Всего	100

Прим.: Сумма 12 914 руб. – прожиточный минимум для трудоспособного населения в Республике Коми на I квартал 2017 г. (Источник: <https://www.assessor.ru/notebook/region/minimum-komi/>).

треть населения данной категории (Табл. 4, 5). Значит, проблема бедности стоит остро и усугубилась в республике в условиях пандемии, и она является очень распространенной.

Результаты проведенного осенью 2020 г. крупномасштабного социологического опроса «Левада-Центра» (внесен в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента. — Прим. ред.) также зафиксировали, что «негативное влияние кризисной ситуации 2020 г. затронуло каждую третью семью с детьми, а ответы об ухудшении материального положения среди семей без детей встречаются ещё чаще (36,6%). Из принятых в период пандемии мер помощи семье респонденты наиболее важными считают: ежемесячное пособие на первого ребенка до трех лет и ежемесячную выплату на детей от трёх до семи лет в бедных семьях» [33, с. 99-100].

Субъективные оценки материального положения между двух опросов не сильно изменились. Чаще всего респонденты выбирали ответ, что им «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды» (43,7% в 2017 г. и 44,5% в 2020 г.), а также многим респондентам средств «хватает только на покупку продуктов питания и коммунальные платежи» (29,2% и 31,3% соответственно).

За период между опросами значительно увеличилась доля респондентов, настроенных на переезд в другую местность. Если в 2017 г. ре-

Таблица 5 – Ответы респондентов на вопрос «Какой приблизительно размер дохода приходится в месяц на одного члена Вашей семьи (средний за последние 6 месяцев, с учетом всех членов семьи, в том числе детей)», в % от числа ответивших, 2020 г.

Table 5 – Respondents' answers to the question "What is the approximate amount of income per month for one member of your family (average over the last 6 months, taking into account all family members, including children)", in % of the number of respondents, 2020

Варианты ответов	% ответивших
Менее 10000 руб.	9,6
10000-15000 руб.	22,9
15000-20000 руб.	24,0
20000-30000 руб.	22,5
30000-40000 руб.	12,1
40000-50000 руб.	4,5
50000-75000 руб.	2,8
Более 75000 руб.	1,5
Всего	100

Прим.: Сумма 14 868 руб. – прожиточный минимум для трудоспособного населения в Республике Коми на I квартал 2020 г. (Источник: <https://www.assessor.ru/notebook/region/minimum-komi/>).

шительно были настроены уехать 29,0% опрошенных, то в 2020 г. – уже 49,0%, а значит, растет неудовлетворенность своим местом жительства.

Респондентам в опросе 2020 г. также задавался вопрос о том, переболели ли они коронавирусом COVID-19. Ответы были следующие: 0,9% опрошенных 20-39 лет переболели в тяжелой форме с подключением к аппарату ИВЛ, 1,3% ответивших – лежали в больнице с коронавирусом, но без подключения к аппарату ИВЛ, 11,4% опрошенных переболели в легкой форме, 58,4% – не знают, подхватывали ли они такое вирусное заболевание, 28,1% – уверены, что не болели. 54,1% респондентов ответили, что знают о перенесших коронавирус COVID-19 родственниках и знакомых.

В ходе исследования 2020 г. была также поставлена цель узнать отношение респондентов 20-39 лет к действующим мерам демографической политики в области рождаемости. Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете демографическую политику государства в области рождаемости?» распределились следующим образом: оценивают положительно 21,6% респондентов, затруднились ответить – 20,1%, оценили отрицательно, так как «ее мероприятий недостаточно для повышения рождаемости» – 18,7%, положительно, но считают недостаточной помощью семьям с тремя и более детьми – 16,4%, отрицательно, так как не приветствуют вовле-

Таблица 6 – Репродуктивные установки населения Республики Коми в возрасте 20-39 лет, 2013 г., 2017 г. и 2020 г.

Table 6 – Reproductive attitudes of population in 20-39 in the Komi Republic, 2013, 2017 and 2020

Вид репродуктивных установок	Год		
	2013	2017	2020
Среднее идеальное число детей	2,47	2,39	2,39
Среднее желаемое число детей	2,66	2,59	2,52
Среднее ожидаемое число детей	2,12	2,03	2,06

чение государства в репродуктивные дела семьи – 16,1%, высказали безразличие – 7,1% опрошенных.

Для определения влияния пандемии на репродуктивное поведение населения важно было оценить динамику репродуктивных установок. Из всех трех исследований наилучшим образом все три вида репродуктивных установок выглядели в 2013 г. (Табл. 3). В целом, нужно отметить, что 2013 г. характеризовался довольно благоприятной экономической и демографической ситуацией, тогда даже еще существовал естественный прирост.

В 2017 г. параллельно с нарастанием кризисных явлений в экономике и «исчерпанием эффекта новизны» мер демографической политики мы видим сокращение планов детности среди населения 20-39 лет. В то же время репродуктивные планы населения 20-39 лет практически не изменились за период между двух последних опросов 2017 г. и 2020 г. (Табл. 6). Такая динамика репродуктивных установок по траектории совпадает с динамикой суммарного коэффициента рождаемости – его самый значительный спад наблюдался как раз в 2017 г., а в 2020 г. уже в условиях коронавируса таких явных изменений зарегистрировано не было.

Как отмечает А.О. Макаренцева, «влияние пандемии коронавируса на репродуктивное поведение население еще подробно не изучено. Насколько значимым будет этот эффект, как долго он продлится и какие группы населения затронет, зависит от многих факторов, в т. ч. от глубины экономических последствий и отчасти от действий государственных институтов» [34].

При более детальном анализе результатов обследования 2020 г., проведенного в Республике Коми, видим, что самых низких значений показатель ожидаемого числа детей достигает у двух самых молодых и при этом очень малочисленных возрастных когорт 1996-2000 гг. рождения (1,90) и 2001-2005 гг. рождения (1,68), что делает не обнадеживающими дальнейшие перспективы рождаемости. В 2013 г. у двух самых молодых когорт среднее ожидаемое число детей было значительно выше.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно с точностью определить, как повлияла пандемия коронавируса на рождаемость. Снижение общего коэффициента рождаемости продолжилось, но на него сильно воздействует фактор возрастной структуры. Суммарный коэффициент рождаемости, а также репродуктивные установки населения Республики Коми 20-39 лет практически не изменились. Значит, фактор возрастной структуры в условиях пандемии являлся более доминирующим в снижении рождаемости по сравнению с поведенческими факторами. Последствия экономического кризиса 2014-2015 гг. привели к снижению реальных доходов населения и их покупательной способности. После наступления этого кризиса, а именно в 2017 г. в России и Республике Коми произошло наиболее существенное сокращение суммарного коэффициента рождаемости. В кризисных условиях семьям, планирующим детей, и семьям, у которых уже есть дети, материально стало тяжелее жить, усилилась неуверенность в завтрашнем дне. В пандемию ухудшение экономических показателей продолжилось. Хотя суммарный коэффициент рождаемости в пандемию почти не изменился, его уровень в 2020-2021 гг. крайне мал и снова достигает в России и Республике Коми уровня 2008 г. (тоже кризисного в плане экономического развития). То есть, произошел «откат» до того периода, когда комплекс новых мер демографической политики 2007 г. только начал функционировать, и население еще в полной мере не проявило на них свою реакцию. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попова Л.А. Резервы увеличения продолжительности жизни населения северных регионов России // Устойчивый Север: общество, эко-

номика, экология, политика : Сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции (Якутск, 29 сентября 2021 г.) / Отв. ред.

Е. Э. Григорьева. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2021. С. 94–103. EDN: **EGVRVC**.

2. Herteliu C., Richmond P., Roehner B.M. (2018). Deciphering the fluctuations of high frequency birth rates, *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, vol. 509, pp. 1046–1061. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.06.057>.

3. Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011). Economic recession and fertility in the developed world, *Population and Development Review*, vol. 37, no. 2, pp. 267–306. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x).

4. Kearney M.S., Levine P.L. (2021). The coming COVID baby bust is here. Washington, DC: Brookings Institute. URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2021/05/05/the-coming-covid-19-baby-bust-is-here/> (accessed 01.07. 2022).

5. Lindberg L., VandeVusse A., Mueller J., Kirstein M. (2020). Early Impacts of the COVID-19 Pandemic: Findings from the 2020 Guttmacher Survey of Reproductive Health Experiences. New York: Guttmacher Institute. URL: https://www.guttmacher.org/sites/default/files/report_pdf/early-impacts-covid-19-pandemic-findings-2020-guttmacher-survey-reproductive-health.pdf (accessed 01.07.2022).

6. Luppi F., Arpino B., Rosina A. (2020). The impact of COVID-19 on fertility plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom, *Demographic Research*, no. 43, art. 47, pp. 1399–1412. DOI: [10.4054/DemRes.2020.43.47](https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.47).

7. Wilde J., Chen W., Lohmann S. (2020). COVID-19 and the Future of US Fertility: What Can We Learn from Google? Discussion paper series. IZA: Institute of Labor Economics. No. 13776. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/13776/covid-19-and-the-future-of-us-fertility-what-can-we-learn-from-google> (accessed 01.07.2022).

8. Aassve A., Cavalli N., Mencarini L., Plach S., Livi Bacci M. (2020). The COVID-19 pandemic and human fertility, *Science*, vol. 369, no. 6502, pp. 370–371. DOI: [10.1126/science.abc9520](https://doi.org/10.1126/science.abc9520).

9. Калачикова О.Н. Семья и брак в представлениях молодежи // Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики : Сборник научных трудов (Курск, 13–14 мая 2019 г.). Курск : Курский государственный университет, 2019. С. 21–27. EDN: **ZHIAXM**.

10. Козлова О.А., Секички-Павленко О.О. Модели рождаемости и репродуктивного поведения женского населения России: современ-

ные тенденции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 218–231. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13). EDN: **QQAQIY**.

11. Кучмаева О.В., Золотарева О.А., Гуляев С.Б. Современная российская молодежь: ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 92–103. DOI: [10.17213/2075-2067-2021-2-92-103](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-92-103). EDN: **ONSYD**.

12. Попова А.А., Зырянова М.А. Вклад демографической политики в повышение рождаемости в России и ее северных регионах // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2018. № 2 (10). С. 35–42. EDN: **USZHIR**.

13. Сукнёва С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю. Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 201–213. DOI: [10.15838/esc.2020.2.68.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.13). EDN: **RERPHX**.

14. Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В., Новоселова Е.Н., Синельников А.Б. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019) : Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / Под ред. А. И. Антонова. М. : ООО «МАКС Пресс», 2020. 486 с. ISBN: 978-5-317-06320-7. DOI: [10.29003/m857.SeDOJ-2019](https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019). EDN: **MCNNHW**.

15. Шабунова А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 38–57. DOI: [10.15838/esc.2020.4.70.2](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2). EDN: **JJEDIR**.

16. Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 165–185. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.10](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.10). EDN: **AXNFPO**.

17. Кулькова И.А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020. Т. 6. № 1. С. 5. URL: http://progresshuman.com/images/2020/Tom6_

1/Kulkova.pdf. DOI: [10.34709/IM.161.5](#). EDN: [FYXRMX](#).

18. Носкова А.В. Демографические аспекты пандемии COVID-19 и ее последствия // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 151–153. DOI: [10.31857/S013216250013740-7](#). EDN: [HHYYLJ](#).

19. Сивоплясова С.Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 223–242. DOI: [10.15838/esc.2022.1.79.12](#). EDN: [MNVASW](#).

20. Синельников А.Б. Возможные демографические последствия пандемии коронавируса в долгосрочной и краткосрочной перспективе // Человек и его социальная жизнь в ожидании конца пандемии: к 30-летию факультета социологии РГСУ : Материалы XXVI Социологических чтений (Москва, 8 апреля 2021 г.). М., 2021. С. 71–74. EDN: [QZCKFJ](#).

21. Верещагина А.В. Социально-экономические факторы демографической безопасности российских регионов в постпандемической реальности // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 4 (10). С. 50–54. EDN: [XDQENQ](#).

22. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году : Монография / М. А. Ананьин, В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный [и др.] ; отв. ред. Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов, Т. К. Ростовская. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с. ISBN: 978-5-89697-384-3. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](#). EDN: [GJT'TTK](#).

23. Смирнов А.В., Храмова М.Н. Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивные установки россиянок // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 72–81. DOI: [10.19181/demis.2021.1.4.6](#). EDN: [JYNODK](#).

24. Васильева Е.Н., Баймурзина Г.Р. Современная российская семья: факторы формирования моделей репродуктивного и брачного поведения // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. DOI: [10.15838/sa.2021.4.31.5](#). EDN: [DFMNCN](#).

25. Русанова Н.Е. Рождаемость после пандемии: «бэби-бум» или «демографическая яма»? // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2020. № 4. С. 151–159. EDN: [LRBVHC](#).

26. Гришина Е.Е. Эпидемиологический кризис 2020 г.: материальное положение населения и меры поддержки // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 1. С. 15–23. DOI: [10.19181/population.2021.24.1.2](#). EDN: [FDHGEW](#).

27. Попова Л.А., Сивкова А.А. Средний класс в Республике Коми: субъективные оценки и объективные ограничения // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2018 : Сборник статей Шестой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 19–21 сентября 2018 г.): в 3 частях. / ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера. Сыктывкар : ООО «Коми республиканская типография», 2018. С. 124–132. EDN: [YAILPF](#).

28. Попова Л.А., Милаева Т.В., Зорина Е.Н. Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 261–276. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.15](#). EDN: [OQUABX](#).

29. Рязанцев С.В., Иванова А.Е., Архангельский В.Н. Усиление депопуляции в России в контексте пандемии COVID-19: региональные особенности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 7–20. DOI: [10.17213/2075-2067-2021-2-7-20](#). EDN: [WCYZNG](#).

30. Clark A.E., Knabe A., Ratzel S. (2010). Boon or bane? Others' unemployment, well-being and job insecurity, *Labour Economics*, vol. 17., no. 1, pp. 52–61. DOI: [10.1016/j.labeco.2009.05.007](#).

31. Kreyenfeld M., Andersson G., Pailhe A. (2012). Economic Uncertainty and Family Dynamics in Europe: Introduction, *Demographic Research*, vol. 27, art. 28, pp. 835–852. DOI: [10.4054/DemRes.2012.27.28](#).

32. Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1 (10). С. 48–60. DOI: [10.24411/2587-7666-2021-10104](#). EDN: [OJJEKS](#).

33. Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Социальная поддержка семей с детьми в период эпидемии коронавируса и реальная нуждае-

мость семей // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 95–106. DOI: [10.19181/population.2021.24.4.8](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.8). EDN: [OLXMRR](https://www.edn.ru/OLXMRR).

34. Макаренцева А.О. Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные на-

мерения населения // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 17 (119). С. 25–30. URL: <https://www.iep.ru/upload/iblock/2f2/3.pdf> (дата обращения: 14.11.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Зырянова Мария Александровна – Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26); zyryanova.1809@mail.ru. AuthorID РИНЦ: **761141**, ORCID: **0000-0002-3567-3470**, ResearcherID: **C-6046-2018**.

FERTILITY IN THE COVID-19 PANDEMIC: DYNAMICS REASONS

Maria A. Zyryanova^a

^a Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North
of the Federal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”

ABSTRACT:

Since January 2020, the world has been facing new realities – in conditions of COVID-19 – a new infectious disease spread, a pandemic was declared. The non-standard situation has brought to an imbalance in health care system, a surge in death rate, and a higher psychological anxiety. Lockdowns, a reduction in international interaction, a slowdown in trade, and the closure of contact-intensive industries have undermined the economies of the world and Russia in particular. Academic literature knows that a surge in mortality due to social, economic, natural disasters entails a birth rate reduction in the short term. So, the research purpose was to identify current trends in fertility and the dynamics of fertility attitudes, as well as to assess the economic condition of the population before and after the COVID-19 pandemic in Russia and its northern regions (exemplified by the Komi Republic). The research methodology involves three units, each of which includes a number of indicators to assess the situation: the first two – demographic and economic – are based on the official state statistics assessment, the third unit is sociological. In the economic unit, using statistical data, changes were identified in the main indicators of macroeconomic development and the standard of living before and after the pandemic; the demographic unit made it possible to assess the fertility processes dynamics; the sociological unit covers interpretation of the three sociological studies conducted by employees of the ISE and EPS FRC Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in 2013, 2017 and 2020 with the aim to identify fertility attitudes and the economic conditions of the economically active population of active reproductive age (20-39 years) of the Komi Republic. The research revealed a deterioration in economic indicators under the pandemic, a decrease in total fertility rate, and an increased number – in the period between studies – of those individuals (families) who live below or near the poverty line.

FUNDING: The research is on “Human resources of the northern regions of Russia: development potential or economic growth limitation” (government registration No. 122012700169-9, 2022-2024).

KEYWORDS: fertility, age pattern, COVID-19 coronavirus, death rate, HDI, economic development, poverty, fertility attitudes.

FOR CITATION: Zyryanova M.A. (2022). Fertility in the COVID-19 pandemic: dynamics reasons, *Management Issues*, no. 5, pp. 66–80. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/05>. DOI: [10.22394/2304-3369-2022-5-66-80](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-5-66-80). EDN: BVSVDY.

REFERENCES

1. Popova L.A. (2021). Reserves for increasing the life expectancy of the population of the northern regions of Russia. In: Grigoryeva E.E. (ed.). Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference “Sustainable North: Society, Economics, Ecology, Politics” (Yakutsk, September 29, 2021). Yakutsk: North-East Federal University named after M.K. Ammosov. Pp. 94–103. EDN: EGVRVC.
2. Herteliu C., Richmond P., Roehner B.M. (2018). Deciphering the fluctuations of high frequency birth rates, *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, vol. 509, pp. 1046–1061. DOI: [10.1016/j.physa.2018.06.057](https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.06.057).
3. Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011). Economic recession and fertility in the developed world, *Population and Development Review*, vol. 37, no. 2, pp. 267–306. DOI: [10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x).
4. Kearney M.S., Levine P.L. (2021). The coming COVID baby bust is here. Washington, DC: Brookings Institute. URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2021/05/05/the-coming-covid-19-baby-bust-is-here/> (accessed 01.07.2022).
5. Lindberg L., VandeVusse A., Mueller J., Kirstein M. (2020). Early Impacts of the COVID-19 Pandemic: Findings from the 2020 Guttmacher Survey of Reproductive Health Experiences. New York: Guttmacher Institute. URL: https://www.guttmacher.org/sites/default/files/report_pdf/early-impacts-covid-19-pandemic-findings-2020-guttmacher-survey-reproductive-health.pdf (accessed 01.07.2022).
6. Luppi F., Arpino B., Rosina A. (2020). The impact of COVID-19 on fertility plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom, *Demographic Research*, no. 43, art. 47, pp. 1399–1412. DOI: [10.4054/DemRes.2020.43.47](https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.47).
7. Wilde J., Chen W., Lohmann S. (2020). COVID-19 and the Future of US Fertility: What Can We Learn from Google? Discussion paper series. IZA: Institute of Labor Economics. No. 13776. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/13776/covid-19-and-the-future-of-us-fertility-what-can-we-learn-from-google> (accessed 01.07.2022).
8. Aassve A., Cavalli N., Mencarini L., Plach S., Livi Bacci M. (2020). The COVID-19 pandemic and human fertility, *Science*, vol. 369, no. 6502, pp. 370–371. DOI: [10.1126/science.abc9520](https://doi.org/10.1126/science.abc9520).
9. Kalachikova O.N. (2019). Family and marriage in the ideas of youth. In: Modern family: changing meanings and practices (Kursk, May 13–14, 2019). Kursk: Kursk State University. Pp. 21–27. EDN: ZHIAXM.
10. Kozlova O.A., Sekitski-Pavlenko O.O. (2020). Patterns of birth rate and reproductive behavior of Russian female population: current trends, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 5, pp. 218–231. DOI: [10.15838/esc.2020.5.71.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.13). EDN: QQAQIY.
11. Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A., Gulyaev S.B. (2021). Modern Russian youth: reproductive intentions and assessment of the possibilities of their implementation, *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 92–103. DOI: [10.17213/2075-2067-2021-2-92-103](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-92-103). EDN: ONSZYD.
12. Popova L.A., Zyryanova M.A. (2018). Contribution of demographic policy in the birth rate increasing in Russia and its northern regions, *Bulletin of the North-East Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Economics. Sociology. Culturology*, no. 2 (10), pp. 35–42. EDN: USZIIR.
13. Sukneva S.A., Barashkova A.S., Postnikova K.Yu. (2020). Birth rate, number of children and family income: trends and relationships, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 2, pp. 201–213. DOI: [10.15838/esc.2020.2.68.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.13). EDN: RERPHX.
14. Antonov A.I., Karpova V.M., Lyalikova S.V., Novoselova E.N., Sinelnikov A.B. (2020). The family-child lifestyle values (SeDOJ–2019). Analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study. Edited by A.I. Antonova. Moscow: LLC “Max Press”. 486 p. ISBN: 978-5-317-06320-7. DOI: [10.29003/m857.SeDOJ-2019](https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019). EDN: MCNHHW.
15. Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. (2020). On the necessity to develop models of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes, *Economic and Social Changes:*

Facts, Trends, Forecast, vol. 13, no. 4, pp. 38–57. DOI: [10.15838/esc.2020.4.70.2](https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2). EDN: JJEDIR.

16. Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N. (2021). Women and men: differences in fertility and reproductive behavior indicators, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 14, no. 5, pp. 165–185. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.10](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.10). EDN: AXNFPO.

17. Kulkova I.A. (2020). The coronavirus pandemic influence on demographic processes in Russia, *Human Progress*, vol. 6, no. 1. P. 5. URL: http://progresshuman.com/images/2020/Tom6_1/Kulkova.pdf. DOI: [10.34709/IM.161.5](https://doi.org/10.34709/IM.161.5). EDN: FYXRMX.

18. Noskova A.V. (2021). Demographic aspects of the pandemic Covid-19 and its consequences, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 4, pp. 151–153. DOI: [10.31857/S013216250013740-7](https://doi.org/10.31857/S013216250013740-7). EDN: HHYYLJ.

19. Sivoplyasova S.Yu. (2022). Reproductive attitudes of modern youth toward multi-child parenting: patterns and contradictions, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, no. 1, pp. 223–242. DOI: [10.15838/esc.2022.1.79.12](https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.12). EDN: MNVASW.

20. Sinelnikov A.B. (2021). Possible demographic consequences of the coronavirus pandemic in the long and short term. In: Proceedings of the XXVI of sociological readings “Man and his social life in anticipation of the end of the pandemic: to the 30th anniversary of the Faculty of Sociology of the RSSU” (Moscow, April 8, 2021). Moscow. Pp. 71–74. EDN: QZCKFJ.

21. Vereshchagina A.V. (2020). Socio-economic factors of demographic security of Russian regions in the post-pandemic reality, *Caucasian Science Bridge*, vol. 3, no. 4 (10), pp. 50–54. EDN: XDQEHQ.

22. Ananin M.A., Arkhangelsky V.N., Bezverbny V.A., et al. (2021). Challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021. Monograph. Edited by G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskaya. Moscow: FCTAS RAS. 558 p. ISBN: 978-5-89697-384-3. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021). EDN: GJTTHK.

23. Smirnov A.V., Khranova M.N. (2021). The impact of the covid-19 pandemic on the reproductive attitudes of Russian women, *DEMIS. Demographic Research*, vol. 1, no. 4, pp. 72–81. DOI: [10.19181/demis.2021.1.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.6). EDN: JYNODK.

24. Vasil'eva E.N., Baimurzina G.R. (2021). Modern Russian family: factors of forming reproductive

and marital behavior models, *Social Area*, vol. 7, no. 4. DOI: [10.15838/sa.2021.4.31.5](https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.5). EDN: DFMNCN.

25. Rusanova N.E. (2020). Post-pandemic birth rate: “baby boom” or “demographic hole”? *Herald of the Moscow university of finances and law MFUA*, no. 4, pp. 151–159. EDN: LRBVHC.

26. Grishina E.E. (2021). Epidemiological crisis of 2020: financial situation of the population and social support, *Population*, vol. 24, no. 1, pp. 15–23. DOI: [10.19181/population.2021.24.1.2](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.2). EDN: FDHGEW.

27. Popova L.A., Sivkova A.A. (2018). Middle Class in the Komi Republic: Subjective Assessments and Objective Limitations. In: Proceedings of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation) “Actual problems, directions and mechanisms for the development of the productive forces of the North – 2018” (Syktyvkar, September 19–21, 2018). In 3 parts. FRC “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North. Syktyvkar: Komi Republican printing house LLC. Pp. 124–132. EDN: YAILPF.

28. Popova L.A., Milaeva T.V., Zorina E.N. (2021). Self-preservation behavior: generational aspect, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 14, no. 5, pp. 261–276. DOI: [10.15838/esc.2021.5.77.15](https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.15). EDN: OQUABX.

29. Ryazantsev S.V., Ivanova A.E., Arkhangelsky V.N. (2021). Increasing depopulation in Russia in the context of the Covid-19 pandemic: regional features, *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*, vol. 14, no. 2, pp. 7–20. DOI: [10.17213/2075-2067-2021-2-7-20](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-7-20). EDN: WCYZNG.

30. Clark A.E., Knabe A., Ratzel S. (2010). Boon or bane? Others' unemployment, well-being and job insecurity, *Labour Economics*, vol. 17., no. 1, pp. 52–61. DOI: [10.1016/j.labeco.2009.05.007](https://doi.org/10.1016/j.labeco.2009.05.007).

31. Kreyenfeld M., Andersson G., Pailhe A. (2012). Economic Uncertainty and Family Dynamics in Europe: Introduction, *Demographic Research*, vol. 27, art. 28, pp. 835–852. DOI: [10.4054/DemRes.2012.27.28](https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.27.28).

32. Zubarevich N.V. (2021). Influence the pandemic at socio-economic development and regional budgets, *Theoretical Economics*, no. 1 (10), pp. 48–60. DOI: [10.24411/2587-7666-2021-10104](https://doi.org/10.24411/2587-7666-2021-10104). EDN: OJJEKS.

33. Korchagina I.I., Prokofieva L.M. (2021). Social support for families with children in the period of coronavirus epidemic and families' need, *Population*, vol.24, no.4, pp.95–106. DOI: [10.19181/population.2021.24.4.8](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.8). EDN: OLXMRR.

34. Makarentseva A.O. (2020). Impact of the epidemiological situation on the reproductive inten-

tions of the population, *Monitoring of the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development*, no. 17 (119), pp. 25–30. URL: <https://www.iep.ru/upload/iblock/2f2/3.pdf> (accessed 14.11.2022).

AUTHORS' INFORMATION:

Maria A. Zyryanova – Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Federal Research Center “Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russia); zyryanova.1809@mail.ru. RSCI AuthorID: 761141, ORCID: 0000-0002-3567-3470, ResearcherID: C-6046-2018.

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОНТРАКТОВ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мелкозерова Д.А.^а, Сабитов А.С.^б, Фельдман М.А.^а

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

^б Министерство социальной политики Свердловской области

АННОТАЦИЯ:

В статье на основе анализа федеральных и региональных Планов мер поддержки в период пандемии граждан, имеющих доходы ниже уровня бедности, документов текущего архива Министерства социальной политики Свердловской области рассмотрены результаты реализации системы социальных контрактов как одного из перспективных инструментов по борьбе с бедностью.

В процессе исследования использовались методы сравнительного анализа, обобщений, классификации. Рассмотрены вопросы о преодолении таких негативных последствий, как недостаточность финансирования системы социальных контрактов; иждивенческие настроения части граждан, привыкших к получению социальных выплат; отсутствие механизмов дальнейшего саморазвития граждан, заключивших социальные контракты.

Сделаны выводы о степени привлекательности системы социальных контрактов для малоимущих граждан; о невысокой доле охвата системой социальных контрактов граждан, имеющих доходы ниже уровня бедности.

Особое место уделено работе оперативного совещания Правительства Свердловской области от 21 апреля 2022 г. по вопросу «Об оценке эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта в 2021 г.», где обсуждались итоги оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта в Свердловской области за 2021 г.

Научная новизна: впервые представлена обобщающая статистика реализации системы социальных контрактов на Среднем Урале в период пандемии; выявлена степень результативности и эффективности мер поддержки системы социальных контрактов. Предложен ряд мер по совершенствованию мер поддержки в период пандемии граждан, имеющих доходы ниже уровня бедности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная социальная помощь, социальный контракт, малоимущие граждане, результаты, эффективность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мелкозерова Д.А., Сабитов А.С., Фельдман М.А. К вопросу о степени результативности системы социальных контрактов в Свердловской области // Вопросы управления. 2022. № 5. С. 81–95. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/06>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-81-95. EDN: JFMZRP.

■ ВВЕДЕНИЕ

Государство активно продолжает разрабатывать новые механизмы и совершенствовать уже имеющиеся инструменты помощи каждой категории граждан, в особенности категории малоимущих граждан. В соответствии с Федеральным законом от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ

«О государственной социальной помощи» и Законом Свердловской области от 29 октября 2007 года № 126-ОЗ «Об оказании государственной социальной помощи, материальной помощи и предоставлении социальных гарантий отдельным категориям граждан в Свердловской области» малоимущим семьям и малоиму-

щим одиноко проживающим гражданам, которые имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в Свердловской области, осуществляется оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта.

Социальный контракт отражает двустороннюю связь: обязанности имеют и государство в лице органов социальной защиты населения, и индивид, получающий государственную социальную помощь. Следует отметить, что изучение данной проблемы необходимо начинать с того, что социальный контракт, в первую очередь, является механизмом борьбы с бедностью. Поэтому рассмотрим исследования проблемы бедности авторами: как исследователи видят решение проблем и в чём её причины. Однако рассматриваемая проблема чаще всего сводится к первоначальному импульсу – временному преодолению бедности. В чем заключаются меры по закреплению выхода из бедности; каковы шаги по превращению людей, заключивших социальные контракты в индивидуальных предпринимателей? Эти сюжеты следует отнести к разряду малоизученных.

■ СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Внимание исследователей привлекли основные функции механизма социального контракта, а также «Среди объективных факторов можно выделить следующие:

- 1) экономическое положение и уровень жизни населения;
- 2) состояние рынка труда и занятости, обеспеченность населения работой;
- 3) социальная политика;
- 4) законодательная база и правовая ситуация;
- 5) зарубежный опыт;
- 6) социально-территориальные особенности развития регионов;
- 7) особенности социально-демографической и тендерной структуры общества.

Субъективными же факторами являются: отражение в сознании населения сложившейся в обществе ситуации и условий жизни, поведенческие установки в трудной жизненной ситуации, степень распространенности социального контракта и уровень информированности о нем населения» [1, 2].

В научной литературе отражены возможности и ограничения повышения устойчивости

социального контракта в России [3]; обобщены теоретические основы системы социальных контрактов [4, 5, 6].

Ученые рассматривают затянувшееся решение проблемы бедности как следствие неэффективности разработанных и действующих государственных программ. Авторы отмечают необходимость системного подхода к разработке государственной политики по снижению уровня бедности; определяя приоритетное направление – создание условий для самостоятельного выхода из бедности трудоспособного населения.

Исследователи выделяют основные причины бедности в стране, к которым относят, например, низкий уровень первичных доходов; произвольное определение причин бедности; неточности в показателях уровня бедности. Для решения проблемы бедности авторы предлагают следующие пути и направления деятельности:

- учитывать опыт других стран (напр., Китая);
- повышение производительности труда («с одновременной модернизацией страны, направленной на экономическое и технологическое развитие, нацеленности экономической и социальной политики по борьбе с бедностью на человека и расширении международного сотрудничества»);
- повышение первичных доходов;
- совершенствование механизма социальных выплат и пособий;
- радикальное изменение минимального размера оплаты труда в сторону его повышения [7, 8, 9].

В научной литературе проанализированы меры по внедрению системы социального контракта в среде самозанятых [10, 11, 12, 14]; показана сложность легализации труда работников на российском рынке труда [15, 16, 17]; изучен опыт зарубежных стран в этом направлении [18].

Особую значимость представляют работы, раскрывающие первые итоги реализации государственных проектов «Содействие занятости» и «Социальный контракт» [19, 20, 21, 22, 23, 24]; перспективы развития системы социальной помощи на основе социального контракта [25].

В исследованиях указаны сроки периода действия социального контракта [24, с. 142], но не проведен анализ оптимальности этих сроков.

Программа социального контракта формируется индивидуально для каждой семьи-получателя. Она ориентирована на срок, продолжительность которого определяется различно в каждом регионе. Срок действия программы социального контракта в среднем составляет от 3 до 12 месяцев, а в некоторых регионах, например, в Республике Бурятия – до 36 месяцев и от 27 до 36 месяцев – в Тверской области. [24, с. 142].

Проблема эффективности применения социальных контрактов; обоснованности их применения во втором десятилетии 21 века широко исследуется специалистами [26, 27, 28]. Особую значимость имеют работы, посвященные борьбе с бедностью до пандемии; в период пандемии; и разработке перспектив после пандемии [29].

По мнению ученых, введение социальных контрактов содействует устранению одного из ключевых недостатков государственной социальной помощи – ее категориально-адресный характер, поскольку социальный контракт предполагает предоставление помощи только действительно нуждающимся конкретным лицам на основании достоверной информации, что предотвращает «распыление» денежных средств. Анализируя практику зарубежных стран, авторы приходят к выводу: правильно выстроенный механизм оказания социальной помощи посредством социальных контрактов имеет высокие результаты, демонстрируя свою эффективность. Поэтому следует выстраивать реализацию данного механизма, основываясь на анализе передового опыта. Анализ применения социальных контрактов позволяет сделать следующие выводы:

1. Социальные контракты в регионах РФ предоставляются с учётом их региональной специфики. Это действительно улучшает эффективность данного механизма, так как условия для жизнеобеспечения, для работы, для комфортного существования различные (например, для сельской местности характерно заключение контрактов с получением натуральной помощи, или направленная на ведение личного подсобного хозяйства, для городской – денежной, или направленная на помощь в трудоустройстве);

2. Регионы стремятся заключить больше контрактов, но при этом не ориентируются на качественный долгосрочный результат. То есть они

предоставляют выплату на маленькую сумму большому количеству семей, но фактически эта помощь никак не отразится на уровне бедности.

3. Социальная помощь посредством социальных контрактов (с учетом региональных особенностей) должна отражать финансовые возможности конкретного субъекта.

Исследования доказывают эффективность и жизнеспособность данного механизма в дальнейшей перспективе развития системы социальной поддержки населения, конкретизированы пути развития механизмов предоставления социальных контрактов.

■ СОДЕРЖАНИЕ

В своём послании к Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г., В.В. Путин поручил Кабинету министров с 2020 г., на условиях софинансирования, помочь регионам, которые активно внедряют социальные контракты¹. Однако масштабное применение практики социальных контрактов началось только с 2020 г., когда в связи с последствиями пандемии количество граждан, находящихся в трудном жизненном положении, заметно увеличилось.

В 2020 г. завершилась реализация пилотного проекта «Социальные контракты» на оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта. Это позволило в 2020 г. в ряде пилотных регионов 46,5% граждан из числа охваченных государственной социальной помощью на основании социального контракта преодолеть трудную жизненную ситуацию, улучшив свое материальное положение².

Однако, несмотря на успешное внедрение социальных контрактов в пилотный год, необходим дальнейший ежегодный мониторинг результатов реализации государственной социальной помощи на основании социального контракта, например, по вопросу длительности сохранения положительного воздействия социального контракта, степени его эффективности.

¹ Путин В.В. Послание президента Федеральному Собранию 20.02.2019 // Сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032> (дата обращения: 27.04.2022).

² Доклад Антона Котякова о развитии механизмов государственной социальной помощи гражданам на основе социального контракта. Министерство труда и социальной защиты РФ. Пресс-центр. Социальная защита. Социальная политика. 2020. 29 сентября. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/social/1242> (дата обращения: 20.04.2022).

Анализ статистических данных о реализации мероприятий, направленных на оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта, показывает неоднозначность исследуемого процесса. Показательны в этом плане материалы Доклада министра труда и социальной защиты А.О. Котякова о развитии механизмов государственной социальной помощи гражданам на основе социального контракта.

На заседании Президиума Госсовета по вопросам социальной поддержки граждан 25 мая 2022 г. А.О. Котяков сообщил, что «за минувший 2021 год мы заключили 282 тысячи контрактов, которые охватили 980 тысяч наших граждан»³. Динамика действительно впечатляющая: в 2013 г. было заключено 37,6 тыс., а в 2017 – 65 тыс. социальных контрактов [5, с. 835]. Но все познается в сравнении: в 2017 г. доля малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь на основании социального контракта, в общей численности малоимущих граждан, получивших государственную социальную помощь, составила 6,75% [5, с. 835]. Это означает, что в 2021 г. правом на заключение социального контракта воспользовались немногим более четверти малоимущих граждан.

По оценке А.О. Котякова, более половины граждан, заключивших соцконтракт, смогли добиться долгосрочного изменения своего материального положения, то есть 52,5% получателей зафиксировали увеличение доходов после завершения именно социального контракта. Не изменились доходы в основном у тех граждан, которые заключали социальные контракты в рамках так называемой разовой помощи, как разновидность использования соцконтракта, это называется «преодоление трудной жизненной ситуации». Из числа тех граждан – из 52%, которые получали меры в рамках соцконтракта, – 22,5% получателей от общего числа получателей на сегодняшний день смогли преодолеть порог бедности и сформировать уровень среднедушевого дохода на каждого члена семьи выше, чем один прожиточный минимум». Как видно из материалов Доклада, только 22,5% граждан, заключивших социальный контракт,

смогли преодолеть порог бедности и сформировать уровень среднедушевого дохода на каждого члена семьи выше, чем один прожиточный минимум.

Действительно в регионах России наблюдается значительное увеличение количества заключенных социальных контрактов, по сравнению с предыдущими годами. Следует отметить, что за первый год масштабного применения социальных контрактов, их внедрение и распространение происходило довольно быстро. На оперативном совещании Правительства Свердловской области 21 апреля 2022 г. по вопросу «Об оценке эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта в 2021 г.» обсуждались итоги оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта в Свердловской области за 2021 г.⁴

Каковы же результаты на региональном уровне? Наш анализ Информационной справки Министерства социальной политики Свердловской области, представленной на оперативном совещании Правительства Свердловской области 21 апреля 2022 г., показывает, что с 2021 г. в области действительно осуществляется программа софинансирования оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта из средства федерального бюджета.

Таблица 1 – Финансирование государственной социальной помощи на основании социального контракта в Свердловской области в 2021 г. (тыс. руб.)

Table 1 – Financing of state social assistance on the basis of a social contract in the Sverdlovsk region in 2021 (thousand rubles)

Источник финансирования	Выделено	Израсходовано
Федеральный бюджет	160 322,6	159 848,7
Областного бюджет	78 964,9	78 731,5
Всего	239 287,5	238 580,2

Источник: информационная справка на оперативное совещание Правительства Свердловской области 21 апреля 2022 г. по вопросу «Об оценке эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта в 2021 году» // Текущий архив Министерства социальной политики.

³ Заседание Президиума Госсовета по вопросам социальной поддержки граждан 25 мая 2022 г. Доклад министра труда и социальной защиты А.О. Котякова. URL: <https://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

⁴ Статистические показатели, представленные в данной статье, были представлены в Информационной справке Министерства социальной политики Свердловской области на оперативное совещание Правительства Свердловской области 21 апреля 2022 года

Исходя из представленной таблицы, финансирование государственной социальной помощи на основании социального контракта предоставляется преимущественно из средств федерального бюджета (федеральных средств выделяется 67% от общего объема финансирования по данному направлению). Общие расходы на оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта на условиях софинансирования были исполнены на 99,7%. То есть выделенные средства были реализованы практически в полном объеме.

В 2021 г. в Свердловской области было заключено 5439 социальных контрактов, в том числе на:

- поиск работы – 3213 (100% от запланированного числа Соглашением);
- осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности – 594 (110,6% от плана);
- развитие личного подсобного хозяйства – 3;
- иные мероприятия – 1629 (100,1% от запланированного).

Если доля граждан, заключивших социальные контракты для поиска работы в Свердловской области (59% от общего числа заключивших социальные контракты), близка к аналогичному показателю в других регионах, например, 54% в Мордовии, то удельный вес обратившихся с помощью социальных контрактов к индивидуальной предпринимательской деятельности в Свердловской области – 11% – более чем втрое меньше, чем в Мордовии (37,5%) [30, с. 266].

Как свидетельствует Информационная справка Министерства социальной политики Свердловской области, «плановые показатели были достигнуты в полной мере. Оценка эффективности реализации социальных контрактов осуществляется по завершенным социальным контрактам – в течение четвертого месяца после месяца окончания срока действия социального контракта. По состоянию на 31 декабря 2021 г. в Свердловской области завершена реализация 1415 социальных контрактов в том числе:

- на поиск работы – 479;
- на осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности – 10;
- на иные мероприятия – 926».

Таким образом, было завершено примерно 25% от числа всех заключенных контрактов.

Это связано с тем, что срок заключения по каждому мероприятию разный и подбирается с гражданином индивидуально в программе социальной адаптации.

Вместе с тем, на наш взгляд, очевидно, что основной вектор системы социальных контрактов в Свердловской области нацелен на весьма абстрактный «поиск работы» без учета потребностей рынка труда в допандемический период и в условиях после 24 февраля 2022 г. Существует необходимость акцентирования усилий всех структур, отвечающих за систему социальных контрактов, на информирование заинтересованных граждан о наиболее востребованных профессиях. Определенный импульс должна дать премиальная система за подписание социальных контрактов, адресованных конкретным рабочим местам на социально ориентированных предприятиях.

Явно заниженной является доля граждан, заключивших социальные контракты на осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности и развитие личного подсобного хозяйства. В этой связи возникает вопрос о достаточности величины финансирования по социальному контракту, а также доступности льготного кредитования.

Огорчительными следует назвать результаты завершения реализации социальных контрактов в 2021 г.: десять человек, приступивших к индивидуальной предпринимательской деятельности, из 594 подписавших соглашения – трудно назвать положительным итогом.

Выскажем мнение, что деятельность значительной части приступивших к реализации социальных контрактов в 2021 г., по линии «иные мероприятия», в недостаточной степени поддается учету и контролю. Если учесть, что указанная категория граждан составляет практически треть массива, заключивших социальные контракты, проблема недостаточной эффективности системы социальных контрактов предстает во всей остроте. Напрашивается вывод об изменении диапазона выплат по социальному контракту в зависимости от востребованности рабочего места на региональном рынке труда; от создания механизмов саморазвития.

В этой связи показателями результативности и эффективности работы по предоставлению социальной помощи на основании социальных контрактов должны считаться не столь-

Таблица 2 – Показатели оценки эффективности оказания государственной социальной помощи на территории Свердловской области на основании социальных контрактов 2021 г.**Table 2** – Indicators for evaluating the effectiveness of the provision of state social assistance in the Sverdlovsk region on the basis of social contracts in 2021

Показатель	Достигнуто	План
Доля граждан, охваченных государственной социальной помощью на основании социального контракта, в общей численности малоимущих граждан	4% (15,3 тыс. чел.)	0,8%
Доля граждан, охваченных государственной социальной помощью на основании социального контракта, среднедушевой доход которых увеличился	80,9% (3520 чел.)	29,4%
Доля граждан, охваченных государственной социальной помощью на основании социального контракта, среднедушевой доход которых превысил величину прожиточного минимума, установленную в Свердловской области, по окончании срока действия социального контракта	33% (1437 чел.)	10,3%

ко количество заключенных социальных контрактов, сколько качественные индикаторы – показатель реального снижения бедности; доля социальных контрактов, адресованных конкретным рабочим местам на социально ориентированных предприятиях.

Несмотря на то что завершена только четверть социальных контрактов, органы власти оценивают этот показатель как положительный: он показывает, что есть первые результаты, по которым можно оценивать действие введенного механизма социальных контрактов. Работа над завершением остальных контрактов и с гражданами, получившими помощь, продолжается.

Исходя из статистических данных, можно увидеть, что органами социальной защиты было заключено количество социальных контрактов, отвечающее плановым заданиям. Это указывает на востребованность и заинтересованность граждан в данной мере поддержки. Получатели государственной социальной помощи на основании социального контракта, в первую очередь, граждане, обладающие всеми возможностями и потенциалом для того, чтобы выйти из состояния бедности лишь при небольшой помощи государства за счёт своего желания, своей продуктивной деятельности.

В 2013 г. Министерство труда РФ совместно с Росстатом разработало методические показатели, оценивающие эффективность оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта⁵.

По результатам проведенной оценки эффективности реализации социальных контрактов на территории Свердловской области в 2021 г.,

⁵ Об утверждении методических рекомендаций по оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 августа 2021 года № 536 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608232090> (дата обращения: 27.04.2022).

достигнуты определённые значения показателей (табл. 2).

Согласно представленным в таблице 2 показателям о получателях помощи, анализируемая социальная мера поддержки показывает положительные результаты. Таким образом, за определенный период (один год) мы можем судить о результативности реализации социальных контрактов: полученные показатели превышают запланированные в 2-2,5 раза. Показательно, что если в Российской Федерации в 2021 г. 22,5% граждан, заключивших социальный контракт, смогли преодолеть порог бедности и сформировать уровень среднедушевого дохода на каждого члена семьи выше, чем один прожиточный минимум, то в Свердловской области этот показатель составил 33%.

Тем не менее, данные таблицы указывают и на ограниченность охваченного контингента (доли граждан, охваченных государственной социальной помощью на основании социального контракта, в общей численности малоимущих граждан – охвачено только 4%). Между тем, заявителем на получение социальной помощи на основании социального контракта могут быть малоимущие одиноко проживающие граждане и малообеспеченные семьи с доходом, не превышающим уровень прожиточного минимума, установленного в регионе проживания.

В 2021 г. большая часть социальных контрактов была заключена с гражданами, проживающими в городской местности – 3988 социальных контрактов, что составляет 73% от общего числа заключенных контрактов⁶.

⁶ Информационная справка на оперативное совещание Правительства Свердловской области 21 апреля 2022 года по вопросу «Об оценке эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта в 2021 году» // Текущий архив Министерства социальной политики.

Рассмотрим классификацию по социально-демографическому составу семей, заключивших социальные контракты:

- с семьями с детьми заключено 3805 социальных контрактов, в том числе с семьями с тремя и более детьми – 1119 социальных контрактов;
- с семьями без детей – 156 социальных контрактов;
- с одиноко проживающими гражданами – 1478 социальных контрактов.

Если обобщить данные показатели, то можно выделить основную категорию получателей («костяк») – преимущественно, это граждане, имеющие семью и проживающие в городской местности. Исходя из этого, органам власти необходимо делать упор на развитие механизма социальных контрактов, учитывая особенности именно этой целевой аудитории, но стоит и учитывать, что остальные категории получателей также нуждаются в развитом инструменте социальной поддержки.

Как уже было отмечено, государственная социальная помощь на основании социальных контрактов предоставляется по четырем основным направлениям. Приоритетными, исходя из конечных результатов по итогам 2021 г., являются поиск работы и осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности, которые влияют на повышение денежных доходов граждан как уже по истечении срока действия, так и в долгосрочном периоде. Рассмотрим направления подробнее.

1. Поиск работы. Социальный контракт по данному мероприятию заключается на срок не более девяти месяцев, с предоставлением гражданину ежемесячной денежной выплаты в размере величины прожиточного минимума трудоспособного населения, установленного в Свердловской области на год заключения социального контракта (в 2021 г. – 11 966 рублей, в 2022 г. – 13 379 рублей), в пределах четырех месяцев: в месяце заключения социального контракта и в течение трех месяцев со дня заключения трудового договора в период действия социального контракта. Приоритетные получатели – малоимущие семьи с детьми.

Обращение к материалам Информационной справки позволяет сделать вывод о том, что в ходе реализации исследуемых мероприятий «происходит взаимодействие с органами служ-

бы занятости населения Свердловской области, в том числе по прохождению гражданином профессионального обучения или получению дополнительного профессионального образования в ходе осуществлений действий по программе социальной адаптации.

В рамках действия данного мероприятия обучение осуществляется за счет средств органов службы занятости населения Свердловской области, а при отсутствии такой возможности обучение осуществляется за счет социального контракта – стоимость курса обучения не более 30 тыс. рублей. Управление социальной политики выплачивает гражданину денежные средства на соответствующие образовательные курсы с последующим представлением гражданином отчетных документов. В 2021 г. за счет средств социального контракта прошли обучение только девять человек. На данный момент показатель невысокий, но органы службы занятости постепенно расширяют направления обучения, чтобы у получателей государственной социальной помощи был обширный выбор и каждый смог выбрать нужное направление».

Как подчеркивает документ, «управлениями социальной политики осуществляется определенная деятельность по заключению социальных контрактов с малоимущими студентами и выпускниками профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования в Свердловской области в целях их трудоустройства. В этой связи организована работа по взаимодействию с органами службы занятости населения Свердловской области и образовательными организациями. В 2021 г. в формате “поиск работы”, со студентами и выпускниками было заключено 97 социальных контрактов»⁷.

Ряд контрактов по направлению «поиск работы» заключен с молодыми специалистами, оканчивающими учебное заведение или только получившими диплом, но которые по определенным причинам не смогли самостоятельно устроиться на работу. По самокритичной оценке Министерства социальной политики, «этот показатель относительно невелик, но показы-

⁷ Информационная справка на оперативное совещание Правительства Свердловской области 21 апреля 2022 года по вопросу «Об оценке эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта в 2021 году»// Текущий архив Министерства социальной политики

вает, что государство активно взаимодействует и с молодым поколением, включая их в трудовую деятельность и формируя кадры по разным специальностям в связи с возможностями граждан».

2. Осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности. В ходе реализации данного мероприятия организовано взаимодействие со Свердловским областным фондом поддержки предпринимательства. В рамках данного мероприятия дополнительно прошли обучение 11 человек. При этом 32 социальных контракта заключены на предпринимательскую деятельность со студентами и выпускниками⁸. Развитие предпринимательства среди молодых граждан – одно из направлений политики государства. Молодое поколение активно включается в развитие бизнеса в области, предлагая и осуществляя инновационные идеи, которые помогают развивать регион.

Социальный контракт заключается на срок не более 12 месяцев с предоставлением единовременной суммы затрат на мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации, прилагаемой к социальному контракту, но не более 250 тыс. рублей на одного предпринимателя или самозанятого гражданина, в зависимости от сметы расходов, указанной в согласованном межведомственной комиссией бизнес-плане гражданина.

Механизм социальных контрактов по мероприятию «осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности» показывает первые положительные результаты. Были реализованы и успешно запущены такие бизнес-планы, как ясли, кондитерский цех, мини-птицефабрика, цех по пошиву постельного белья и т.д.⁹. Направления предпринимательской деятельности разнообразные; каждый гражданин подбирает его под себя, понимая, что лучше у него получится развить и в чём лучше ему получится реализоваться.

Какие проблемы могут возникнуть при реализации социальных контрактов по данным направлениям?

⁸ Информационная справка на оперативное совещание Правительства Свердловской области 21 апреля 2022 года по вопросу «Об оценке эффективности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта в 2021 году» // Текущий архив Министерства социальной политики.

⁹ Там же.

Во-первых, может влиять низкий уровень информированности населения о возможности получения государственной социальной помощи на основании социального контракта, в частности о том, что социальный контракт может помочь найти востребованную и интересующих их работу, а тем более, выступить фундаментом для открытия их бизнеса и началом монетизации их хобби или мечты. Исправить такую ситуацию возможно посредством информирования и распространения практических примеров реализованных социальных контрактов. Например, брать интервью у участников программы, собирать и публиковать обратную связь на официальных информационных источниках, публиковать статистику качества предоставления услуги по каждому из мероприятий, статистику удовлетворенности граждан, получившим социальный контракт. Сейчас мы можем найти отдельные выжимки из интервью участников на новостных порталах, но они не показывают реальную статистику эффективности механизма по данному мероприятию. Ведь одна из главных целей введения технологии социальных контрактов – активное побуждение к включению в трудовую (профессиональную) деятельность, а это можно осуществить, во многом, посредством информирования в сети Интернет.

Во-вторых, иждивенческое настроение в обществе среди трудоспособного населения. Заключение социального контракта накладывает ответственность на гражданина и определенные обязательства перед органами власти. Так, например, предстоит ежемесячно предоставлять отчетность в орган социальной защиты о результатах своей деятельности, а в случае прекращения деятельности ИП по собственной инициативе во время действия социального контракта необходимо будет вернуть в полном объеме денежные средства в срок не позднее 30 дней со дня прекращения ИП. Гражданин, привыкший получать безвозмездное пособие (например, по безработице) не всегда готов взять на себя обязательство «идти до конца», осуществляя постоянно трудовую функцию и предоставляя по ней отчетные документы. Нежелание брать на себя обязанности, желание продолжать получать пособие без обязательств – замедляет развитие социальных контрактов, выдаваемых на осуществление индивидуаль-

ной предпринимательской деятельности. Возникает парадокс из цели социального контракта (прекращение иждивенческого настроения в обществе) – и проблемы реализации социальных контрактов.

Следует отметить нежелание граждан разбираться в механизме заключения социальных контрактов: сбор необходимых документов, составление бизнес-плана, обращение в органы. Решению данной проблемы поспособствует проект «Социальное казначейство», который должен быть внедрен к 2024 г. Внедрение «Социального казначейства» позволит ускорить предоставление помощи и отказаться от сбора большого количества справок и документов¹⁰.

В-третьих, совместно с информированием о возможностях заключения социального контракта на осуществление предпринимательской деятельности, органам социальной защиты необходимо подробно информировать граждан о дополнительных мерах поддержки предпринимателей (если говорить о заключении социальных контрактов по направлению «осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности»).

Выделяемые государством суммы не всегда могут быть достаточны для открытия своего предприятия. Потенциальные предприниматели оценивают регион, где живут и планируют работать: его экономическое и социальное положение, рынок товаров и услуг, деловой климат, политику местной власти. На этой оценке основывается решение, какой бизнес открывать и стоит ли вообще рисковать его открывать. Максимальная сумма, выделяемая государством на предпринимательскую деятельность, – 250 000 рублей. Средства, выделенные в рамках социального контракта, можно потратить на приобретение основных средств и материально-производственных запасов: оборудование, инструменты, инвентарь, сырье, ремонтные и строительные материалы, комплектующие изделия и т.д. Всё, что приобретается, должно использоваться для осуществления конкретной предпринимательской деятельности. Таким образом, не каждый гражданин, имеющий бизнес-план и желающий осуществлять

индивидуальную предпринимательскую деятельность, может сделать это, потому что помимо выделенных государством средств необходимо иметь накопления или привлекать дополнительные источники.

Как видно, механизм реализации социальной помощи на основании социального контракта затрагивает самые разные аспекты: преодоление бедности в стране; пополнение рынка трудовых ресурсов, развитие малого предпринимательства; решение проблем безработицы и занятости, выход из тяжелой жизненной ситуации.

Анализ результатов оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта в 2021 г. в Свердловской области показал, что применение социального контракта является относительно эффективной мерой социальной поддержки, развивающейся и набирающей обороты. Количество заявителей на оказание социальной помощи на основе социального контракта увеличивается, и будет увеличиваться при развитии данного механизма. Большая часть граждан, получивших помощь на основании социального контракта, смогла увеличить свой доход (80,9%). Однако всего у трети граждан Свердловской области доход по окончании срока действия социального контракта превысил величину прожиточного минимума. Это говорит о том, что эффективность внедрения социальных контрактов нужно отслеживать в динамике (проводить оценку результатов через 3 года, 5, 7 лет). Тогда только можно будет отметить рост или снижение результатов показателей, которые будут характеризовать тенденцию (повышение или понижение) эффективности данного механизма оказания государственной социальной помощи в Свердловской области. С учетом того, что механизм социальных контрактов рассчитан на долгосрочную перспективу, положительные результаты необходимо отслеживать с развитием дальнейшей деятельности получателей.

По оценке специалистов Министерства социальной политики, социологические опросы граждан, заключивших социальные контракты, не проводились. Отсутствие механизма обратной связи затрудняет развитие системы социальных контрактов в регионе. Между тем, данные социологических опросов в Мордовии

¹⁰ Социальное казначейство: все социальные выплаты в «одном окне». Как это будет работать // ТАСС: информационный портал. 15.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12405767> (дата обращения: 27.04.2022).

показывают, что 66,7% опрошенных малоимущих граждан, получающих помощь на основе социального контракта, отметили высокую степень соответствия ее вида и формы их потребностям в ней.

Однако немаловажно и то, что 20,8% опрошенных малоимущих граждан признались, что хотели бы изменить отдельные пункты социального контракта, а 12,5% считают, что условия заключенного ими договора отличаются завышенными требованиями и трудно выполнимы [30, с. 266-267]. Показательно, что 40% опрошенных специалистов по социальной работе заявили о несоответствии условий социального контракта потребностям малоимущих граждан в помощи [31, с. 260]. Все это указывает на высокие социальные риски в ходе реализации указанных социальных программ.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эффективная работа по реализации социальных контрактов на данный период заключается в следующем: внедрение социальных контрактов с учётом особенностей развития региона; с упором на приоритетные направления экономического развития; привлечение максимально большего числа действительно нуждающихся (целевой аудитории); в помощи посредством уточнения критериев для получения помощи и индивидуального подхода к каждому нуждающемуся гражданину.

Органы исполнительной власти, ответственные за реализацию социальных контрактов, должны быть заинтересованы и мотивированы в успехе важного государственного мероприятия. Если рассматривать результативность как степень достижения поставленных целей, которая показывает, в какой степени результаты приблизились к основной цели, достижение конкретных количественных индикаторов, по итогам 2021 г. в Свердловской области были достигнуты практически в полной мере все запланированные показатели. Однако в данном случае очевидна определенная заниженность плановых показателей. Отсутствие механизма обратной связи явно не позволяет оперативно реагировать на запросы граждан, заключивших социальные контракты.

Качественный показатель результативности должен определяться долей граждан, чей

доход по окончании срока действия социального контракта превысил величину прожиточного минимума. Эффективность указанной работы должна определяться соотношением затраченных средств и величиной доходов, поступивших в казну от уплаты налогов и сборов.

Перспективная деятельность по повышению эффективности предполагает глубокую (многостороннюю) аналитическую деятельность со стороны органов власти: оценку инвестиционного и финансового потенциалов субъектов РФ для дальнейшего выстраивания механизма предоставления социальных контрактов; определение прогноза событий, которые помогут снизить риски; усиление информирования о возможностях заключения социальных контрактов и автоматизация процесса подачи документов.

Очевидны и риски внедрения системы социальных контрактов, связанные со ставкой на количественные показатели: курсом на охват максимально большего числа людей; заключением социальных контрактов на небольшие суммы. В этом случае невозможен долгосрочный эффект, достижение поставленной цели – вместо механизмов саморазвития сохранится традиция получения безвозмездной помощи от государства.

Таким образом, несмотря на первые положительные результаты внедрения государственной социальной помощи на основе системы социальных контрактов, необходима дальнейшая эволюция этой системы в сторону создания института контроля и поддержки механизмов саморазвития граждан рассматриваемой категории, кооперирования усилий самозанятых в рамках поселения, муниципального образования и региона; механизации и компьютеризации их труда.

Выскажем мнение, что ведущим направлением развития системы социальных контрактов должна стать приоритетная поддержка перехода самозанятых в категорию «индивидуальных предпринимателей», а также в категорию лиц, занятых личными подсобными хозяйствами. Это будет означать, что у многочисленного социума россиян будут включены механизмы саморазвития. Этому могли бы содействовать саморегулируемые организации граждан, заключивших социальные контракты, по территориальному признаку. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Татаринцев В.Е. Развитие социального контракта как особой формы социальной поддержки населения : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук : 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (экономика труда)» / Татаринцев Владимир Евгеньевич ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. М., 2017. 25 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008713719>.
2. Дубенко О.С. Социальный контракт как новый вид социальной помощи // Кадровик. 2016. № 10. С. 53–58. EDN: **YNQLLF**.
3. Татаринцев В.Е. Возможности и ограничения повышения устойчивости социального контракта в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. Т. 6. № 12. С. 56–73. EDN: **YMHVRD**.
4. Кудинова К.В. Социальный контракт как инструмент сокращения бедности малоимущих горожан : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук : 22.00.03 «Экономическая социология и демография» / Кудинова Кира Валерьевна ; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2015. 21 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005569376>. EDN: **ZPVS RN**.
5. Кравченко Е.В. Социальный контракт как перспективный механизм повышения эффективности социальной защиты населения // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 2. С. 827–840. DOI: [10.18334/et.6.2.40673](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40673). EDN: **VTMPNA**.
6. Просвирина А.И., Какадий И.И. Государственная социальная помощь на основании социального контракта // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12. № 3. С. 48–53. DOI: [10.18334/et.6.2.40673](https://doi.org/10.18334/et.6.2.40673). EDN: **FCUOFO**.
7. Козлова О.А., Макарова М.Н. Сокращение бедности в России в контексте реализации национальных целей развития // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 4. С. 770–780. DOI: [10.31063/2073-6517/2020.17-4.2](https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-4.2). EDN: **HZRTTD**.
8. Махалина О.М., Махалин В.Н. Проблемы бедности населения России и пути их решения // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. № 1. С. 56–66. DOI: [10.28995/2073-6304-2022-1-56-66](https://doi.org/10.28995/2073-6304-2022-1-56-66). EDN: **KLZEGI**.
9. Смирнова И.В., Зубова Л.В. Инструменты государственного управления в борьбе с бедностью в российской федерации // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2020. № 4. С. 171–183. EDN: **FJONUP**.
10. Крылова Е.Г. Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6. С. 11–15. EDN: **YKWBUR**.
11. Костюк И.В. Занятость и самозанятость как формы доходной деятельности граждан // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 2 (11). С. 202–206. EDN: **ZTCZAX**.
12. Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 21–26. EDN: **YXIGCN**.
13. Швец Н.Е. Самозанятость как способ ведения предпринимательской деятельности: особенности правового статуса, перспективы развития // Молодой ученый. 2018. № 48 (234). С. 220–224. EDN: **YPNPXF**.
14. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 60–85. EDN: **PAXTQR**.
15. Грабова О.Н., Суглобов А.Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 6. С. 108–116. EDN: **YMUASW**.
16. Землянухина С.Г., Землянухина Н.С. Система экономических отношений в сфере самозанятости населения России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 2. С. 126–133. DOI: [10.18500/1994-2540-2018-18-2-126-133](https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-2-126-133). EDN: **XNAHUT**.
17. Чекмарев О.П., Лукичев П.М., Конев П.А. Самозанятые в России: легализация, тенденции развития и влияние на рынок труда // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 2. С. 233–248. DOI: [10.18334/et.9.2.114222](https://doi.org/10.18334/et.9.2.114222). EDN: **SOVKXT**.
18. Шибаршина О.Ю. Сравнительный анализ регулирования самозанятости в России и за рубежом // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 10.

С. 1223–1236. DOI: [10.18334/et.8.10.113583](https://doi.org/10.18334/et.8.10.113583). EDN: [GYBWBТ](#).

19. Буркеева Р.Г., Филилеева А.В., Шувальская А.А. Эффективность социального контракта // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 1143–1147. EDN: [WGFQDR](#).

20. Татаринцев В.Е., Калашников С.В., Храпылина Л.П. Оценка эффективности применения государственной социальной помощи на основе социального контракта // Инновации и инвестиции. 2016. № 10. С. 189–192. EDN: [ZNEBVF](#).

21. Чикина С.Ю., Ветчинина Е.В. Анализ подходов к определению термина «эффективность» с позиции его применения для системы социальных контрактов // Молодой ученый. 2017. № 2 (136). С. 538–541. EDN: [XIFNUF](#).

22. Калашников С.В., Татаринцев В.Е., Храпылина Л.П. Сравнительный анализ применения социальных контрактов в субъектах Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 92–111. EDN: [ZHJMUB](#).

23. Чулакова М.С. Государственные проекты «Содействие занятости» и «Социальный контракт» как эффективные меры по борьбе с безработицей в России // Молодой ученый. 2021. № 42 (384). С. 39–41. EDN: [FVXADO](#).

24. Орлова И.С. Социальный контракт как инструмент государственной политики по снижению уровня бедности // Управленческое консультирование. 2022. № 1 (157). С. 139–146. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-1-139-146](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-1-139-146). EDN: [XGLACR](#).

25. Перспективы использования социальных контрактов: от пилотных проектов к системной работе (Материалы заседания Совета по развитию социальных инноваций субъек-

тов Российской Федерации при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Совет Федерации, 25 июня 2020 года) // Аналитический вестник Совета федерации. № 10 (753). М., 2020. 86 с.

26. Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность : Научный доклад / Под ред. к. э. н. В. Назарова и А. Пошарац. М. : Научно-исследовательский финансовый институт ; Всемирный банк, 2017. 144 с.

27. Об основных направлениях работы по снижению уровня бедности : Записка Департамента комплексного анализа и прогнозирования // Rosmintrud.ru. 2019. 12 февраля. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms>.

28. Вьюговская Е.В., Ведьманова Н.Г. Социальный контракт как форма государственной поддержки в глазах населения (на примере Ульяновской области) // Человек. 2021. Т. 32. № 1. С. 42–62. DOI: [10.31857/S023620070014183-8](https://doi.org/10.31857/S023620070014183-8). EDN: [NVGHKC](#).

29. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего / Под. ред. Л. Н. Очаровой. М., 2022. 186 с.

30. Камышова Е.В., Соловьева Т.В., Бистаякина Д.А. Соответствие результатов социального контракта потребностям малоимущих граждан в помощи // Казанский педагогический журнал. 2022. № 2 (151). С. 263–272. DOI: [10.51379/KPJ.2022.152.2.038](https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.152.2.038). EDN: [SGYLWR](#).

31. Камышова Е.В., Соловьева Т.В. Оценка востребованности социального контракта как механизма преодоления малообеспеченности граждан в современных российских условиях // Казанский педагогический журнал. 2022. № 1 (150). С. 255–263. EDN: [INGBVE](#).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мелкозерова Дарья Александровна – Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); melkozerovad@mail.ru.

Сабитов Алексей Сяитович – Министерство социальной политики Свердловской области (620144, Россия, Екатеринбург, ул. Большакова, 105); a.sabitov@egov66.ru.

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор; Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66); feldman-mih@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: [460956](#).

ON THE ISSUE OF THE DEGREE OF EFFICIENCY OF THE SOCIAL CONTRACTS SYSTEM IN THE SVERDLOVSK REGION

Darya A. Melkozerova^a, Aleksey S. Sabitov^b, Mikhail A. Feldman^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

^b Ministry of Social Policy of the Sverdlovsk Region

ABSTRACT:

The article, based on the analysis of federal and regional plans of support measures during the pandemic for citizens with incomes below the poverty level, documents of the current archive of the Ministry of Social Policy of the Sverdlovsk Region, examines the results of the implementation of the system of social contracts as one of the promising tools to combat poverty.

Methods of comparative analysis, generalizations, classification were used in the research process. The issues of overcoming such negative consequences as insufficient financing of the system of social contracts; dependent moods of some citizens who are accustomed to receiving social benefits; lack of mechanisms for further self-development of citizens who have concluded social contracts are considered.

Conclusions are drawn about the degree of attractiveness of the system of social contracts for low-income citizens; about the low proportion of coverage of the system of social contracts of citizens with incomes below the poverty level.

A special place is given to the work of the operational meeting of the Government of the Sverdlovsk Region on April 21, 2022 on the issue "On assessing the efficiency of the provision of state social assistance on the basis of a social contract in 2021", where the results of the provision of state social assistance on the basis of a social contract in the Sverdlovsk region for 2021 were discussed.

Scientific novelty: for the first time, generalizing statistics of the implementation of the system of social contracts in the Middle Urals during the pandemic are presented; the degree of effectiveness and efficiency of measures to support the system of social contracts is revealed. A number of measures have been proposed to improve support measures during the pandemic for citizens with incomes below the poverty level.

KEYWORDS: government social assistance, social contract, low-income citizens, results, efficiency.

FOR CITATION: Melkozerova D.A., Sabitov A.S., Feldman M.A. (2022). On the issue of the degree of efficiency of the social contracts system in the Sverdlovsk region, *Management Issues*, no. 5, pp. 81–95. URL: <https://journal-management.com/issue/2022/05/06>. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-5-81-95. EDN: JFMZRP.

REFERENCES

1. Tatarintsev V.E. (2017). Development of the social contract as a special form of social support for the population. Abstract of Ph. D. thesis. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow. 25 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008713719>.
2. Dubenko O.S. (2016). Social contract as a new type of social assistance, *Personnel Officer*, no. 10, pp. 53–58. EDN: YNQLLF.
3. Tatarintsev V.E. (2016). Opportunities and constraints of the increase of the social contract stability in Russia, *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*, vol. 6, no. 12, pp. 56–73. EDN: YMHVRD.
4. Kudinova K.V. (2015). Social contract as a tool to reduce poverty for poor city dwellers. Abstract of Ph. D. thesis. Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. Nizhny Novgorod. 21 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005569376>. EDN: ZPVS RN.
5. Kravchenko E.V. (2019). Social contract as a promising mechanism to improve the efficiency of social protection, *Russian Journal of Labor Economics*, vol. 6, no. 2, pp. 827–840. DOI: 10.18334/et.6.2.40673. EDN: VTMPNA.
6. Prosvirina A.I., Kakadiy I.I. (2020). State social assistance based on a social contract, *The Eurasian*

Scientific Journal, vol. 12, no. 3, pp. 48–53. DOI: [10.18334/et.6.2.40673](#). EDN: [FCUOFO](#).

7. Kozlova O.A., Makarova M.N. (2020). Poverty reduction in Russia in the context of national development goals and their achievement, *Russian Journal of Economic Theory*, vol. 17, no. 4, pp. 770–780. DOI: [10.31063/2073-6517/2020.17-4.2](#). EDN: [HZRTTD](#).

8. Makhalina O.M., Makhalin V.N. (2022). Challenges of poverty of the Russian population and ways to solve them, *RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*, no. 1, pp. 56–66. DOI: [10.28995/2073-6304-2022-1-56-66](#). EDN: [KLZEGI](#).

9. Smirnova I.V., Zubova L.V. (2020). Public administration instruments in the fight against poverty in the Russian Federation, *Scientific and analytical journal “Vestnik Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia”*, no. 4, pp. 171–183. EDN: [FJONUP](#).

10. Krylova E.G. (2017). Specifics of economic regulation of business of self-employed persons in Russia and abroad, *Jurist*, no. 6, pp. 11–15. EDN: [YKWBUR](#).

11. Kostyuk I.V. (2017). Employment and self-employment as forms of income-generating activities, *Russian Journal of Legal Studies*, vol. 4, no. 2 (11), pp. 202–206. EDN: [ZTCZAX](#).

12. Kryukova E.S., Ruzanova V.D. (2018). Individual entrepreneur and self-employed citizen: the notion of relations, *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, no. 3, pp. 21–26. EDN: [YXIGCN](#).

13. Shvets N.E. (2018). Self-employment as a way of doing business: features of the legal status, development prospects, *Young Scientist*, no. 48 (234), pp. 220–224. EDN: [YPNPXF](#).

14. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2020). Regulation of self-employed citizens' activity, *Public Administration Issues*, no. 1, pp. 60–85. EDN: [PAXTQP](#).

15. Grabova O.N., Suglobov A.E. (2017). The problems of “de-shadowing” of self-employed people in Russia: risks and coping mechanisms, *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*, vol. 10, no. 6, pp. 108–116. EDN: [YMUASW](#).

16. Zemlyanukhina S.G., Zemlyanukhina N.S. (2018). The system of economic relations in the sphere of self-employment of the population of Russia, *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, vol. 18, no. 2, pp. 126–133. DOI: [10.18500/1994-2540-2018-18-2-126-133](#). EDN: [XNAHUT](#).

17. Chekmarev O.P., Lukichev P.M., Konev P.A. (2022). Self-employed in Russia: legalization, de-

velopment trends and impact on the labour market, *Russian Journal of Labor Economics*, vol. 9, no. 2, pp. 233–248. DOI: [10.18334/et.9.2.114222](#). EDN: [SOVKXT](#).

18. Shibarshina O.Yu. (2021). Comparative analysis of self-employment regulation in Russia and abroad, *Russian Journal of Labor Economics*, vol. 8, no. 10, pp. 1223–1236. DOI: [10.18334/et.8.10.113583](#). EDN: [GYBWB](#).

19. Burkeeva R.G., Filileeva A.V., Shuvalskaya A.A. (2016). The effectiveness of the social contract, *Young Scientist*, no. 12 (116), pp. 1143–1147. EDN: [WGFQDR](#).

20. Tatarintsev V.E., Kalashnikov S.V., Khrapilina L.P. (2016). Assessment of the effectiveness of the use of state social assistance on the basis of a social contract, *Innovations and Investments*, no. 10, pp. 189–192. EDN: [ZNEBVF](#).

21. Chikina S.Yu., Vetchinina E.V. (2017). Analysis of approaches to the definition of the term “efficiency” from the standpoint of its application to the system of social contracts, *Young Scientist*, no. 2 (136), pp. 538–541. EDN: [XIFNUF](#).

22. Kalashnikov S.V., Tatarintsev V.E., Khrapilina L.P. (2017). Comparative analysis of the social contracts in subjects of the Russian Federation, *Public Administration Issues*, no. 3, pp. 92–111. EDN: [ZHJMUB](#).

23. Chulakova M.S. (2021). State projects “Employment Promotion” and “Social Contract” as effective measures to combat unemployment in Russia, *Young Scientist*, no. 42 (384), pp. 39–41. EDN: [FVXADO](#).

24. Orlova I.S. (2022). The social contract as an instrument of state policy to reduce poverty, *Administrative Consulting*, no. 1 (157), pp. 139–146. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-1-139-146](#). EDN: [XGLACR](#).

25. Prospects for the use of social contracts: from pilot projects to systematic work (Materials of the meeting of the Council for the Development of Social Innovations of the Subjects of the Russian Federation under the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (Federation Council, June 25, 2020), *Analytical Bulletin of the Federation Council*, no. 10 (753). Moscow, 2020. 86 p.

26. Nazarova V., Posharats A. (eds.) (2017). Development of effective social support for the population in Russia: targeting, needs, universality. Scientific report. Moscow. Research Financial Institute; World Bank. 144 p.

27. On the main directions of work to reduce poverty. Note by the Department of Comprehen-

sive Analysis and Forecasting. Rosmintrud.ru. 2019. February, 12. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms>.

28. Vyugovskaya E.V., Wedmanova N.G. (2021). Social contract as a form of state support in the public's eyes: on the example of the Ulyanovsk Region, *Human Being*, vol. 32, no. 1, pp. 42–62. DOI: [10.31857/S023620070014183-8](https://doi.org/10.31857/S023620070014183-8). EDN: NVGHKC.

29. Ocharova L.N. (2022). Social protection in Russia before and after the pandemic: forks in the future. Moscow. 186 p.

30. Kamyshova E.V., Soloveva T.V., Bistyakina D.A. (2022). Compliance of the results of the social contract with the needs of low-income citizens in assistance, *Kazan Pedagogical Journal*, no. 2 (151), pp. 263–272. DOI: [10.51379/KPJ.2022.152.2.038](https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.152.2.038). EDN: SGYLWR.

31. Kamyshova E.V., Soloveva T.V. (2022). Assessment of the relevance of the social contract as a mechanism for overcoming the poverty of citizens in modern Russian conditions, *Kazan Pedagogical Journal*, no. 1 (150), pp. 255–263. EDN: INGBVE.

AUTHORS' INFORMATION:

Darya A. Melkozerova – Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); melkozerovad@mail.ru.

Aleksey S. Sabitov – Ministry of Social Policy of the Sverdlovsk Region (105, Bolshakov St., Ekaterinburg, 620144, Russia); a.sabitov@egov66.ru.

Mikhail A. Feldman – Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor; Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russia); feldman-mih@yandex.ru. RSCI AuthorID: 460956.